

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит три раза в год

2

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	БАЛАШЕНКО С. А. – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: balashenko@bsu.by
Ответственный секретарь	ШАХРАЙ И. С. – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: shakhrai@bsu.by
Балюк Г. И.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Ванг Г.	Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
Василевич Г. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вердуссен М.	Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
Годунов В. Н.	Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Каменков В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпович Н. А.	Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Келли К. Р.	Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
Крюссман Т.	Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет имени Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
Макарова Т. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Матье Б.	Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
Мацкевич И. М.	Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия.
Некрошюс В.	Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
Скаков А. Б.	Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хелльманн У.	Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
Чуприс О. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шидловский А. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	BALASHENKO S. A. , doctor of science (law) full professor; professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: balashenko@bsu.by
Executive secretary	SHAKHRAI I. S. , PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: shakhrai@bsu.by
Baliuk G. I.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Chupris O. I.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hellmann U.	University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Godunov V. N.	Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kamenkov V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A.	Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R.	Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T.	University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
Mackevich I. M.	Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.
Makarova T. I.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B.	University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Nekrosius V.	Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Skakov A. B.	L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Verdussen M.	Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
Wang G.	Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.153

УДАСКАНАЛЕННЕ СІСТЭМЫ ПАДАТКААБКЛАДАННЯ СЯЛЯН ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XVI ст.

А. В. КОЖАР¹⁾

¹⁾Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 65, 220013, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца сістэма падаткаабкладання Вялікага Княства Літоўскага ў пачатку XVI ст. і яе эвалюцыя. Актуальнасць дадзенай тэмы абумоўлена невялікай колькасцю навуковых прац па гісторыі развіцця падатковай сістэмы, без якіх немагчыма фарміраванне эфектыўнай сістэмы падаткаабкладання на сучасным этапе. У выніку праведзенага даследавання аўтар прыходзіць да высновы, што асаблівасці фарміравання тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага выклікалі замацаванне шматлікіх і разнастайных падаткаў і павіннасцей у дзяржаве, прычым калі першапачаткова яны збіраліся з усяго насельніцтва, то пазней быў уведзены прынцып саслоўнасці, і цяжар падаткаабкладання лёг у асноўным на простых людзей – сялян і мяшчан. Выяўлены тэндэнцыі ў развіцці падаткаабкладання, а менавіта: замена розных мясцовых падаткаў на агульнадзяржаўныя, прадуктовых – на грашовыя, павелічэнне колькасці ўскосных і ўзнікненне экстраардынарных падаткаў.

Ключавыя словы: падаткаабкладанне; сяляне; прамыя падаткі; палюддзе; стацыя; мезліва; даніна; ускосныя падаткі; надзвычайныя падаткі.

Образец цитирования:

Кожар АВ. Удасканаленне сістэмы падаткаабкладання сялян Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022; 2:3–8.

For citation:

Kozhar AV. Improvement of the taxation system of the Grand Duchy of Lithuania peasants in the 16th century. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:3–8. Belarusian.

Автор:

Елена Валерьевна Кожар – старший преподаватель кафедры экономики и права факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Alena V. Kozhar, senior lecturer of the department of economics and law, faculty of management technologies and humanitarisation.
lobuzova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3145-928X>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVI В.

Е. В. КОЖАР¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Анализируется система налогообложения Великого княжества Литовского в начале XVI в. и ее эволюция. Актуальность данной темы обусловлена небольшим количеством научных исследований по истории развития налоговой системы, без которых невозможно формирование эффективной системы налогообложения на современном этапе. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что особенности формирования территории Великого княжества Литовского вызвали закрепление многочисленных и разнообразных налогов и повинностей в государстве, причем если первоначально они собирались со всего населения, то позже был введен принцип сословности и бремя налогообложения легло в основном на простых людей – крестьян и мещан. Выявлены тенденции в развитии налогообложения, а именно: замена различных местных налогов на общегосударственные, продуктовых – на денежные, увеличение числа косвенных налогов и возникновение экстраординарных налогов.

Ключевые слова: налогообложение; крестьяне; прямые налоги; полюдье; стация; мезливо; дань; косвенные налоги; чрезвычайные налоги.

IMPROVEMENT OF THE TAXATION SYSTEM OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA PEASANTS IN THE 16th CENTURY

A. V. KOZHAR^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

The author analyses the taxation system of the Grand Duchy of Lithuania and its evolution at the beginning of the 16th century. The relevance of this topic is due to the lack of scientific research on the history of the development of the tax system, without which it is impossible to form an effective taxation system at the present stage. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that the peculiarities of territorial formation of the Grand Duchy of Lithuania caused the existence of significant quantity of various taxes and duties in the state, and if initially they were collected from the entire population, then later the class principle was introduced and the burden of taxation fell mainly on ordinary people, peasants and burghers. Trends in the development of taxation were also identified, namely, the replacement of various local taxes with non-national ones, the replacement of food taxes with monetary taxes, an increase in the number of indirect taxes and the emergence of extraordinary ones.

Keywords: taxation; peasants; direct taxes; polyudye; staciya; mezlivo; tribute; indirect taxes; emergency taxes.

Уводзіны

Нармальная жыццядзейнасць любой дзяржавы залежыць ад грашовых сродкаў, якія яна атрымлівае шляхам увядзення падаткаў і збораў з насельніцтва. У наш час пад падаткамі разумеюць абавязковыя індывідуальныя плацяжы на карысць дзяржавы, якія спаганяюцца з асоб у форме адчужэння грашовых сродкаў, што належаць ім на праве ўласнасці. Названае паняцце і адносіны да яго змяняліся разам з гістарычным развіццём дзяржаўнасці. Увогуле на папярэдніх гістарычных этапах паняцце «падаткі» разумелася некалькі па-іншаму. Аднак у Беларусі такое складанае пытанне мала падвяргалася навуковай распрацоўцы.

Менавіта ў сувязі з гэтым неабходны навуковыя даследаванні гісторыі шматаспектнага пытання развіцця падаткаў і падаткаабкладання, што даз-

воліць асэнсаваць папярэднія недахопы і выявіць пэўныя заканамернасці ў яго гістарычным развіцці. Таксама патрэбен навуковы аналіз папярэдняга падатковага заканадаўства з мэтай улічыць назапашаны вопыт і сфарміраваць больш эфектыўную сучасную падатковую сістэму.

Увогуле на актуальным этапе актыўнага развіцця сістэмы падаткаабкладання ў Рэспубліцы Беларусь і ўзнікнення ў сувязі з гэтым шматлікіх праблемных пытанняў наспела неабходнасць комплексных тэарэтычных і гістарычных даследаванняў у пазначанай сферы.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз сістэмы абкладання падаткамі сялян Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст. і выяўленне асаблівасцей і тэндэнцый у яе эвалюцыйным развіцці.

Асноўная частка

У XIV–XV стст. актыўна афармлялася тэрыторыя Вялікага Княства Літоўскага, палітыка-эканамічным цэнтрам якога сталі беларускія землі [1, с. 46]. Адна-часова паступова фарміравалася сістэма цэнтральных і мясцовых органаў кіравання, саслоўны падзел грамадства, а таксама ўдасканалёвалася падатковая сістэма дзяржавы. Аднак спачатку ўсе грамадскія адносіны рэгуляваліся старажытным звычаем. Менавіта з развіццём дзяржаўнасці галоўным прынцыпам падаткаабкладання стаў прынцып саслоўнасці. Падаткі і павіннасці, якія абавязана было плаціць насельніцтва, пачалі вызначацца ў залежнасці ад саслоўнай прыналежнасці кожнай асобы.

На першым этапе існавання Вялікага Княства Літоўскага сістэма падаткаабкладання была даволі прастай, хоць і разнастайнай. Яна складалася з прамых, ускосных і надзвычайных падаткаў на карысць дзяржавы, а таксама са шматлікіх пошлін і мыта, назва і колькасць якіх у розных землях некалькі адрозніваліся.

Паступова падаткі і павіннасці, што абавязана было плаціць насельніцтва, пачалі афармляцца нарматыўным шляхам, напрыклад прывілеямі вялікага князя Ягайлы 1387 г., якімі замацоўваліся паслабленні для феадалаў каталіцкага веравызнання. Яны вызваліліся ад падатковага цяжару, адпаведна, асноўная частка падаткаў ускладалася на ніжэйшыя саслоўі, у першую чаргу на сялян. Пры гэтым прыватнаўласніцкія і царкоўныя сяляне былі ўвогуле вызвалены з паддзяржаўнай юрысдыкцыі [2, с. 68]. Гэтую тэндэнцыю працягнуў Гарадзельскі прывілей 1413 г. Феодаль-католікі вызваліліся ад падаткаабкладання, за выключэннем абавязку «даваць падаткі на рэпарацыю і пабудову ваенных крэпасцей і ваенных шляхоў, згодна старадаўняму звычаю» [2, с. 75].

Па патрабаванню шляхты прывілеямі 1432, 1434 і 1447 гг. праваслаўныя феодальцы ўраўноўваліся ў правах з феадаламі-католікамі і вызваліліся ад падаткаў на карысць дзяржавы з умовай нясення вайскавай службы. Арт. 10 прывілея Казіміра 1447 г. абавязваў сялян выплачваць падаткі (серабшчызну, дзякла і інш.) ці выконваць розныя павіннасці («вожэння каменя, протесов бревен, дерева» і інш.) на карысць свайго феадала, за выключэннем «будавання городов наших новых потребных, а старых поправленья» [2, с. 82].

Пры гэтым некаторыя дзяржаўныя падаткі і павіннасці для прыватнаўласніцкіх сялян захава-

ліся (напрыклад, стацыі, замкавая і падводная павіннасці). Як правіла, гэта былі больш даўнія сялянскія абавязкі і падаткі, якія ў старажытных княствах выглядалі як дары ці прынашэнні князю і іншым службовым асобам за выкананне імі пэўных адміністрацыйна-судовых функцый. Так, даніна раней называлася палюддзе і збіралася ў натуральным выглядзе пры аб'ездзе князем сваіх тэрыторый і ажыццяўленні ім суда і ўправы. З павелічэннем тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага кіраўнік дзяржавы ўжо не мог самастойна аб'язджаць свае землі, ажыццяўляць суд і збіраць палюддзе, таму гэты абавязак перайшоў да яго намеснікаў.

Гэты звычай існаваў доўгі час. Так, у канцы XV ст. палюддзе згадваецца пры гаворцы пра Кобрынскае княства¹. Таксама аб захаванні палюддзя як «старой подаці» гаворыцца ў пісцовай кнізе Пінскага староства XVI ст.² Усё гэта сведчыць, што палюддзе працягвала існаваць да канца XVI ст.

Пры гэтым патрэбна адзначыць, што ў розных валасцях Вялікага Княства Літоўскага палюддзе збіралася па-рознаму. Так, у адпаведнасці з лістом вялікага князя Жыгімонта I у 1514 г. пры перадачы Магілёўскай воласці ў дзяржанне князю Васілю Саламарэцкаму замацоўваўся збор палюддзя 50 коп грошай у год, аднак пры ўмове, што дзяржаўца не будзе ўязджаць ў воласць³. У Свіслацкай воласці палюддзе збіралася два разы на год (вясной і восенню) па 1,5 гроша з дыму [3, с. 92]. У некаторых валасцях палюддзе не збіралася ўвогуле. Так, у адказе Жыгімонта I на скаргу насельніцтва Крычаўскай воласці 1522 г. на ўвядзенне новых падаткаў дзяржаўцам было забаронена выезджаць на палюддзе, бо «передъ тымъ дей первые державцы наши до нихъ на полюде ездживали»⁴.

Дакументальны матэрыял сведчыць, што спачатку князь, а потым ужо яго намеснікі пры наведванні валасцей, акрамя палюддзя, атрымлівалі так званы ўезд. У актавых кнігах Вялікага Княства Літоўскага палюддзе згадваецца разам з уездам, але ў залежнасці ад воласці гэты падатак збіраецца разам з ім ці паасобку, калі намеснік не прыязджае ў тую ці іншую воласць. Уезд звычайна збіраўся натурай і ўсталёўваўся старадаўнім звычайным правам, таму адрозніваўся ў кожнай мясцовасці. Найчасцей у яго склад уваходзілі сена для коней, мёд, яйкі, сыр, куры, гусі і інш. Збіраўся ўезд звычайна адзін раз на год падчас наведвання намеснікамі валасцей. Такім чынам, сутнасць уезду заключалася ў забеспячэнні

¹Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 15 т. Т. 1. 1361–1598 / [под ред. Н. И. Костомарова]. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1863. С. 23–24.

²Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах Пинским и Кобринским старостою Лаврином Войною. Вильна, 1874. С. VI.

³Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1 (1390–1529 г.). М. : Унив. тип., 1899. С. 173.

⁴Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. Т. 2. 1506–1544. СПб., 1848. С. 182.

прадуктамі харчавання службовых асоб падчас іх знаходжання ў адпаведных мясцовасцях.

Актавыя кнігі сведчаць, што на тэрыторыі Віленскага і Троцкага паведаў, Жмудскага староства ўезды называліся посадзь. У 1527 г. яны былі адменены з-за цяжкасці такіх выплат для мясцовага насельніцтва⁵.

Паступова палюддзе і ўезд перайшлі ад князя да яго намеснікаў і сталі насіць прыватнаправавы характар. Але значэнне гэтых падаткаў было ў тым, што яны сталі асновай для велікакняжацкага падатку з усяго насельніцтва – стацыі.

Пры гэтым, нягледзячы на тое што палюддзе і ўезд былі падаткамі на карысць князя і княжацкай адміністрацыі, імі абкладаліся не толькі гаспадарскія сяляне, але і ўсё цяглае насельніцтва. Гэта, верагодна, было выклікана ўвядзеннем гэтых падаткаў у той перыяд, калі яшчэ існавалі ўдзельныя княствы і ўлада князя распаўсюджвалася не толькі на гаспадарскіх падданных, але і на прыватнаўласніцкіх.

Навукоўцы адзначаюць, што з цягам часу ўезд і палюддзе замяніла стацыя – падатак, які насельніцтва выплачвала на ўтрыманне вялікага князя і яго світы падчас наведванняў той ці іншай воласці. Стацыя з'яўлялася падаткам на ўтрыманне кіраўніка Вялікага Княства Літоўскага, паслоў і ганцоў, а таксама іншых асоб з велікакняжацкай адміністрацыі ў час іх знаходжання ў валасцях і паведах пры выкананні судова-адміністрацыйных і іншых функцый. Часцей за ўсё стацыя складалася з такіх прадуктаў харчавання, як свініна, ялавічына, бараніна, мяса птушкі, авёс, піва, мёд і інш. Першыя звесткі аб стацыі адносяцца да канца XIV ст. – часу княжання Ягайлы. У XV ст. Ягайла вызваліў сваімі прывілеямі прыватнаўласніцкія землі ад старасцінскіх пабораў, але захаваў абавязак даваць стацыю ў свой прыезд [3, с. 104].

Такім жа чынам вырашалася пытанне збору стацый і пры вялікім князі Казіміры. Як ужо адзначалася, у прывілеі 1447 г. прыватнаўласніцкія сяляне вызваліліся ад дзяржаўных падаткаў, але «теж из стародавна зыченые на нас и на наши будущий уряды поборы, стацыи, мостов новых чинения, старых поправления, а городов оправления, непорушне заховаем, а и хотим всегда имети неслободных» [1, с. 82].

Некалькі пазней вялікі князь Аляксандр у арт. 9 прывілея 1492 г. замацаваў, што «стацыі... мы захоўваем як выключэнне і ўхваляем, каб гэта існавала назаўсёды» [1, с. 86]. Таксама першы звод законаў Вялікага Княства Літоўскага, Статут 1529 г., змяшчаў артыкулы, у адпаведнасці з якімі стацыя захоўвалася ў недатыкальнасці (арт. 22 раздз. I)⁶. Увогуле вялікія

князі Вялікага Княства Літоўскага на працягу двух стагоддзяў захоўвалі за сабой збор стацыі як на гаспадарскіх, так і на прыватнаўласніцкіх землях. Стацыя на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага праіснавала да канца XVI ст., калі быў адменены арт. 29 раздз. III Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г.⁷

Таксама адным з самых старажытных прамых падаткаў была даніна. Яна існавала, як сведчаць дакументы, яшчэ з IX ст. Выплачваўся гэты падатак з дыму ці сахі сялянамі-даннікамі ў натуральным выглядзе прадукцыяй сялянскай гаспадаркі, а часам і грашыма. Аднароднасці ў выплаце даніны не было, і яе памер залежаў ад колькасці лясных і рачных угоддзяў, якімі валодаў селянін. Пры гэтым на межах дзяржавы, дзе часта адбываліся набегі татар, рабіліся значныя палёгкі ў выплаце даніны. Так, яна магла збірацца з паловы ці трэці атрыманага прыбытку, а часам сяляне вызваліліся ад яе платы цалкам [4, с. 308; 5, с. 338].

Даніна выплачвалася пераважна прадуктамі сялянскіх промыслаў: мёдам, футрам, воскам, і ў залежнасці ад промыслаў, якімі займаліся сяляне, выдзяляліся наступныя яе віды:

- даніна мядовая, якая выплачвалася бортнікамі або пчалярамі;
- даніна бабровая, што выплачвалася сялянамі, якія мелі бабровыя гоні, футрам ці грашыма;
- даніна кунічная, якая, як і бабровая, выплачвалася футрам ці грашыма;
- даніны лісья, вавёрччая, заечая, якія былі дадаткам да якой-небудзь іншай даніны⁸.

Даніна, што выплачвалася грашыма, называлася грашовай ці срэбнай данінай, і яе памер залежаў непасрэдна ад памеру пашавых угоддзяў, якімі валодалі сяляне.

Некалькі пазней, з актывізацыяй гаспадарчых адносін, даніна стала выплачвацца сялянамі-даннікамі сельскагаспадарчай прадукцыяй: сенам, жытам, аўсом, курамі, яйкамі і інш. З цягам часу даніна стала адной з форм феадальнай рэнты разам з грашовай і адпрацоўчай.

Акрамя сялян-даннікаў асобную групу сельскага насельніцтва складалі сяляне-дзякальнікі (асноўны падатак, які яны выплачвалі, – дзякла). Аб'ектам іх падаткаабкладання было ўсё, «что уродилось и прибыло въ крестьянскомъ хозяйствѣ» [5, с. 316]. У першую чаргу гэта былі жыта, пшаніца, авёс, сена, лён, кармавая трава, каноплі, хмель. Таксама да аб'ектаў дзякла інвентары адносяць хлеб, сыр, крупы, алей, яйкі, арэхі, гусей, курэй, каплуноў, дровы. Часам да дзякла адносілі і прадукты, якія складалі

⁵Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск : Изд. Акад. наук БССР, 1960. С. 39–40.

⁶Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 125–126.

⁷Там жа.

⁸Акты, относящиеся к истории Западной России... Т. 1. 1340–1506. СПб., 1846. С. 39 ; Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне : в 39 т. Т. 14. Инвентари имений XVI столетия. Вильна, 1887. С. 11–12.

мезліва. У інвентарах дзякла сустракаецца і як асноўны падатак сялян-дзякальнікаў, і як дадатковы падатак для іншых катэгорый сялян і баяр.

Некаторыя аўтары лічаць, што дзяклам называлася даніна ў заходняй частцы Вялікага Княства Літоўскага⁹. Аднак з гэтым нельга пагадзіцца, бо сяляне-дзякальнікі ў інвентарах і іншых актах звычайна называюцца цяглымі, а сяляне-даннікі не былі цяглымі, яны не выконвалі абавязковых асобных работ і прыгонаў. Таму, на наш погляд, гэта былі дзве розныя катэгорыі сялян, якія выплачвалі розныя падаткі.

Сустракаўся на тэрыторыі сучаснай Літвы і паўднёва-заходняй Беларусі такі натуральны падатак, як мезліва. Як правіла, ён складаўся са свініны, ялавічыны, мяса птушак і інш. Збіралася мезліва на карысць вялікага князя ў той час, як ён наведваў пэўны павет ці воласць. Пры гэтым, калі князь не прыязджаў у воласць, то абавязкова да вялікіх царкоўных свят мезліва збіралася прадукцыяй (або грашымі) і адвозілася яму ў Вільню.

У сувязі з тым што першыя згадкі пра гэты падатак пачалі сустракацца ў актах толькі ў пачатку XVI ст., з вялікай верагоднасцю можна лічыць, што мезліва з'явілася пазней, чым дзякла. Адначасова гэта тлумачыцца тым, што ў больш ранні перыяд аб'екты абкладання мезлівам сустракаюцца ў выплаце дзякла.

Актавыя кнігі Вялікага Княства Літоўскага сведчаць, што ў прыбытак князя збіралася цівуншчына – першапачаткова грашовы падатак, які атрымлівалі цівуны. З цягам часу гэты падатак перайшоў да князя і стаў велікакняжацкім, аб чым сведчаць крыніцы пачатку XVI ст. Так, расходныя кнігі вялікіх князёў Казіміра і Жыгімонта I змяшчаюць звесткі пра збор цівуншчыны [5, с. 68], якая была грашовым падаткам і, як і астатнія падаткі, памер якой залежаў ад воласці, дзе яна збіралася. Напрыклад, у Задзвінскіх валасцях яна складала 1–2 руб., у Магілёўскай – 80 коп грошай¹⁰. Пераход гэтага падатку ад намесніцкага да велікакняжацкага быў выкліканы скасаваннем пасады цівуна ў XVI ст. у большасці валасцей. Захавалася цівуншчына толькі на тэрыторыі Жмудзі.

Акрамя прамых, сяляне вымушаны былі плаціць шмат ускосных падаткаў. Развіццё сістэмы ўскоснага падаткаабкладання было выклікана некалькімі прычынамі. Па-першае, актывізацыя ў дзяржаве таварна-грашовых адносін, у выніку чаго падаткі на ўвоз і вываз тавараў сталі адным з найбольш значных складнікаў велікакняжацкага прыбытку. Па-другое, у сувязі з хранічным недахопам дзяржаўнага скарбу па прычыне вядзення войнаў і неабходнасці абароны меж кіраўніцтва дзяржавы было вымушана

шукаць новыя сродкі для яго папаўнення. Менавіта таму ў XVI ст. сяляне, як і ўсе падданыя дзяржавы, павінны былі выплачваць шматлікія ўважныя мыты (маставое, грэбельнае, мыта на перавозах), манаполіі з млыноў, корчмаў і акцызы на памол хлеба, вытворчасць піва, віна, гарэлкі і мёду, чопаванне мыта (акцыз на алкагольныя напоі) і інш.

Нельга не адзначыць, што простае насельніцтва (сяляне і гараджане) плацілі і надзвычайныя падаткі, перш за ўсё так званую сярэбшчызну, якая была прамым дзяржаўным падаткам і збіралася на ваенныя патрэбы з усяго насельніцтва. Прывілеем Казіміра 1447 г. феодалы-шляхта і залежныя ад іх сяляне вызваляліся ад збору сярэбшчызны. Аднак па асобнаму распараджэнню вялікага князя гэты падатак часам збіраўся. Так, у 1473 г. вялікі князь Казімір звярнуўся з просьбай да Сойма аб зборы сярэбшчызны для вядзення вайны з Прусіяй. Навукоўцы адзначаюць, што разглядаемы падатак называўся часам падымшчынай. Напрыклад, М. Доўнар-Запольскі піша: «Подымщина указываетъ наспособъ раскладки, серебщина – на матеріаль, которымъ взимается» [3, с. 715].

Асаблівасцю сярэбшчызны было тое, што яна спаганялася з усіх сялян, як дзяржаўных, так і прыватнаўласніцкіх, нягледзячы на тое што апошнія вызваляліся ад дзяржаўнай юрысдыкцыі і амаль усе падаткі выплачвалі толькі свайму феодалу.

Яшчэ адным надзвычайным падаткам стала пагалоўшчына. У 1514 і 1519 гг. вялікі князь прасіў дазволу на збор пагалоўшчыны для вядзення вайны з Масковіяй. Гэтыя грошы ішлі на выплаты войска. Пагалоўшчына збіралася па аднаму грошу з кожнага селяніна незалежна ад полу і ўзросту [5, с. 198]. Даследчыкі адзначаюць, што дадзены падатак збіраўся толькі тры разы (у 1514, 1519 і 1566 гг.), паколькі жыццёвая практыка паказала яго недастатковасць для пакрыцця ваенных патрэб. Пагалоўшчына, якая збіралася з усяго насельніцтва, не дасягала пастаўленых дзяржавай мэт, таму і збіралася рэдка. Пазней для вядзення вайны зноў збіралася сярэбшчызна.

Актавы матэрыял сведчыць, што з моманту станаўлення сярэбшчызны як надзвычайнага падатку і да падпісання Люблінскай уніі, якой была створана Рэч Паспалітая, яна збіралася 14 разоў. Пры гэтым памер дадзенага падатку не быў дакладна вызначаны і пастаянна вагаўся ў залежнасці ад канкрэтных патрэб дзяржавы (прыкладна ад 5 да 30 грошаў з сахі). Увогуле сярэбшчызна паступова становілася надзвычайным падаткам з насельніцтва на ваенныя патрэбы, прычым вялікі князь меў права ўводзіць яго толькі са згоды Сойма.

⁹Спірыдонаў М. Даніна // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. Т. 1. Абаленскі – Кадэнецкі. Мінск : Бел. энцыкл. імя П. Броўкі, 2005. С. 576.

¹⁰Акты, относящиеся к истории Западной России... Т. 2. 1506–1544. СПб., 1848. С. 67–68, 173.

Заклучэнне

Такім чынам, падатковая сістэма Вялікага Княства Літоўскага спачатку грунтавалася на папярэдніх традыцыях (так званай старыне) старажытных беларускіх княстваў і развівалася разам з фарміраваннем цэнтральнага дзяржаўнага апарату і станаўленнем мясцовых дзяржаўных устаноў. Асаблівасці фарміравання тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага з асобных удзельных княстваў са сваімі органамі кіравання і ўласнымі старадаўнімі падаткамі стала прычынай існавання ў дзяржаве вялікай колькасці разнастайных відаў абкладання насельніцтва падаткамі і паборами, прычым на першым этапе існавання дзяржавы яны спаганяліся з усіх катэгорый насельніцтва.

Некалькі пазней увядзенне прынцыпу саслоўнасці ў падаткаабкладанне прывяло да таго, што асноўны цяжар забеспячэння дзяржаўнага скарбу прыбыткамі быў ускладзены на простае насельніцтва, асабліва на сялян. Пры гэтым, нягледзячы на даволі доўгае захаванне прынцыпу старыны, падатковая сістэма дзяржавы развівалася ў на-

прамку аднастайнасці і ўсё большай нарматыўнай рэгламентацыі.

Увогуле ў XVI ст. праявілася некалькі характэрных тэндэнцый. Па-першае, шэраг прамых падаткаў, якія існавалі на тэрыторыі асобных зямель, паступова замяніліся адзінымі агульнадзяржаўнымі падаткамі. Па-другое, у сувязі з актывізацыяй таварна-грашовых адносін натуральныя падаткі ўсё часцей замяняліся грашовымі. Па-трэцяе, павялічвалася колькасць ускосных падаткаў. Пры гэтым недастаткова сць фінансавання дзяржаўнага скарбу прывяла да ўзнікнення экстраардынарных падаткаў, на збор якіх вялікі князь павінен быў атрымліваць дазвол у Сойма. Развіццё сістэмы ўскосных падаткаў прывяло да павелічэння іх колькасці і разнастайнасці форм, хаця дзяржава ў асобе вялікага князя імкнулася да ўсталявання іх аднастайнасці на ўсёй тэрыторыі дзяржавы. Амаль ва ўсёй падаткавай сістэме Вялікага Княства Літоўскага назіраецца яшчэ адна важная тэндэнцыя – імкненне заканадаўцы замацаваць яе нарматыўнымі актамі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Юхо Я, Абрамовіч А, Доўнар Т, Сатолін У. *Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права*. Мінск: БДУ; 2000. 127 с.
2. Доўнар ТІ. *Гісторыя дзяржавы і права*. Мінск: Адукацыя і выхаванне; 2021. 432 с.
3. Довнар-Запольский М. *Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах*. Киев: [б. и.]; 1901. 809 с.
4. Леонтович Ф. *Крестьянский двор в литовско-русском государстве. Выпуск 1*. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашова и К; 1897. 327 с.
5. Любавский М. *Областное деление и местное управление литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута: исторические очерки*. Москва: Университетская типография; 1892. 884 с.

References

1. Juho Ja, Abramovich A, Downar T, Satolin U. *Dagavory i gramaty jak krynicy belaruskaga feadal'naga prava* [Treaties and charters as sources of Belarusian feudal law]. Minsk: Belarusian State University; 2000. 127 p. Belarusian.
2. Downar TI. *Gistoryja dzjarzhavy i prava* [History of state and law]. Minsk: Adukacyja i vyhavanne; 2021. 432 p. Belarusian.
3. Dovnar-Zapolskii M. *Gosudarstvennoe khozyaistvo Velikogo knyazhestva Litovskogo pri Yagellonakh* [State economy of the Grand Duchy of Lithuania under the Jagiellons]. Kyiv: [s. n.]; 1901. 809 p. Russian.
4. Leontovich F. *Krest'yanskii dvor v litovsko-russkom gosudarstve. Vypusk 1* [The peasant court in the Lithuanian-Russian state. Issue 1]. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balashova i K; 1897. 327 p. Russian.
5. Lyubavskii M. *Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie litovsko-russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta: istoricheskie ocherki* [Regional division and local government of the Lithuanian-Russian state at the time of the publication of the first Lithuanian statute: historical essays]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1892. 884 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 09.06.2022.
Received by editorial board 09.06.2022.

УДК 321.01+340.1

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Д. В. ЩЕРБИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается развитие взглядов на сущность и назначение главы государства как гаранта государственности в истории политической и правовой мысли европейских государств. Прослеживается эволюция представлений о связи власти главы государства с необходимостью обеспечивать мир, безопасность и справедливость в обществе, его роли в разрешении чрезвычайных для существования государства ситуаций. Выделяются основные этапы развития концепции «глава государства – гарант конституции», перечисляются отличительные черты данных этапов. Для каждого из них отмечаются особенности представлений о полномочиях главы государства в данной области.

Ключевые слова: глава государства; гарант конституции; мир; безопасность; справедливость; политико-правовое учение; чрезвычайное положение.

MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE HEAD OF STATE AS A GUARANTOR OF STATEHOOD IN THE HISTORY OF EUROPEAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

D. V. SHCHERBIK^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author examines the development of views on the essence and appointment of the head of state as a guarantor of statehood in the history of political and legal thought of European states. The evolution of ideas about the connection between the power of the head of state and the need to ensure peace, security and justice in society, his role in resolving emergency situations for the existence of the state is traced. The author identifies the main stages in the development of the concept of the head of state is the guarantor of the constitution, lists the distinctive features of these stages. For each of them, the features of ideas about the powers of the head of state in this area are noted.

Keywords: head of state; guarantor of the constitution; peace; security; justice; political and legal doctrine; state of emergency.

Образец цитирования:

Щербик ДВ. Основные этапы развития представлений о главе государства как гаранте государственности в истории европейской политической и правовой мысли. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022;2:9–18.

For citation:

Shcherbik DV. Main stages in the development of the concept of the head of state as a guarantor of statehood in the history of European political and legal thought. Journal of the Belarusian State University. Law. 2022;2:9–18. Russian.

Автор:

Дмитрий Васильевич Щербик – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Author:

Dmitrii V. Shcherbik, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
shcherbikdv@bsu.by

Введение

В современных конституциях, особенно принятых на постсоветском пространстве, часто содержится юридическая конструкция «глава государства – гарант конституции» (например, ст. 79 Конституции Республики Беларусь, ст. 80 Конституции Российской Федерации). Могут использоваться и близкие ей по значению формулировки типа «глава государства – гарант соблюдения конституции» (ст. 102 Конституции Украины) либо указываться, что «[глава государства] обеспечивает сохранение, неделимость суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны»¹ (Молдова и др.), прав и свобод человека (Россия, Украина, Беларусь и др.), «правильного функционирования государственных институтов»² (Испания) и др.

Генезис и формирование концепции «глава государства – гарант конституции», ее эволюция

не получили должного внимания в юридической науке. Авторы в основном останавливаются на рассмотрении взглядов на роль и место главы государства в учениях тех или иных мыслителей в истории политической и правовой мысли либо обращаются к истории или конституционно-правовому анализу института главы государства в отдельных странах. Обращение к истории данной юридической конструкции имеет место лишь в трудах К. Шмитта, который уже стал классиком политико-правовой мысли, благодаря в том числе его учению о месте и роли главы государства в Веймарской республике [1].

Для последующего анализа сущности современной доктрины «глава государства – гарант конституции» в данной публикации выделим основные исторические этапы ее формирования.

Основная часть

К первому этапу становления восприятия главы государства как хранителя мира и порядка относятся периоды Древнего мира и Средних веков. В это время повсеместно разделяемыми являлись представления о правителе как религиозном и военном лидере, от которого зависело само существование страны, ее успехи в обороне от враждебных соседей, урегулировании внутренних неурядиц, благожелательное отношение богов к народу и государству. В представлении людей того времени боги создавали царя для охраны мира. Уже в древнеиндийском сборнике «Законы Ману» отмечается, что, «когда люди, не имеющие царя, рассеялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны этого (мира)»³.

Подобные идеи звучали и в начале V в. н. э. Так, епископ Синезий Киренский в своем известном обращении к императору отмечает: «...тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда, тот – пастух для овец, государь для людей...»⁴. Монарх в представлениях автора охраняет народ от бед и опасностей, обеспечивает единство общества, его безопасность.

Подобные мысли присутствуют и в учении Фомы Аквинского. Основной функцией власти он называ-

ет обеспечение единства общества, что в условиях средневековых междоусобиц было крайне актуальным. Сохранение единства для философа – основа для выживания: «Намерение любого правящего должно быть направлено на то, чтобы он заботился о благе того, что принял под управление... Благо же и спасение соединенной совокупности в том, чтобы сохранялось ее единство, называемое миром; если же мир пропадает, то гибнет польза от жизни в общении, и сама совокупность в состоянии раздора становится обременительной для себя. Итак, вот к чему должен более всего стремиться правитель совокупности – к тому, чтобы сохранить единство мира»⁵.

В связи с этим знаменитые слова Иисуса Христа о том, что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матф. 20:25), для многих средневековых авторов стали основным объяснением существования монархии. Так, Данте Алигьери в трактате «Монархия» отмечал: «А если мы посмотрим на город, цель которого жить хорошо и в достатке, то должно быть одно управление. В противном случае не только не достигается цель гражданской жизни, но и сам город перестает быть тем, чем был. Если мы обратимся к тому или иному королевству, цель которого та же, что и города, при большей надежности его спокойствия, то должен быть один король, который царствует и правит, ина-

¹Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/constitutia_ro_22.05.17_ru.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

²Испанская конституция от 29 декабря 1978 г. // Конституции стран мира. Хрестоматия : в 7 ч. Ч. 2 / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2014. С. 470.

³Законы Ману // Памятники лит. народов Востока. М. : Изд-во вост. лит., 1960. С. 127.

⁴Синезий Киренский. О царстве // Полное собр. соч. Т. 1. СПб. : Свое изд-во, 2012. С. 56.

⁵Фома Аквинский. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей // Социол. обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 102.

че жители этого королевства не только не достигают цели, но и само оно катится к гибели» [2, с. 30–31].

Функцию защиты мира и безопасности многие средневековые авторы выводили из своих представлений об истоках происхождения государства. Автор сборника «Кутюмы Бовези» связывает возникновение государства и власти правителя со злобной сущностью человека. Он пишет: «...вначале все были свободны и равны, ибо каждый знает, что все мы произошли от одного отца и одной матери. Но когда народы стали прибывать, возникли войны и ненависть, причиной их стали гордость и зависть – они тогда правили [людьми] и привели к тому, что отсутствовало [чувство] долга. Те общины в народе, которые имели желание жить в мире, увидели, что они не смогут этого добиться, если каждый желает быть таким же великим господином, как другой. Тогда избрали короля и сделали его своим сеньором»⁶.

Марсилий Падуанский, отмечая обусловленную природой необходимость сотрудничества человечества, также упоминает склонность людей к конфликтам и насилию: «...среди людей, объединенных таким образом, возникают разногласия и ссоры, которые при неурегулированности принципами справедливости являются причинами расколов и войн, что в конце концов ведет государство к гибели. Поэтому для совместной жизни людей надо было установить нормы права, а также назначить их блюстителя или исполнителя правосудия. Для предотвращения преступлений государство вынуждено прибегать к услугам блюстителя, который обязан пресекать попытки насилия в обществе, наказывать правонарушителей и виновников беспорядков» [3, с. 81].

Причиной широкого распространения представлений о правителе как хранителе мира и единства государства было наличие междоусобиц и внутренних конфликтов, присущих тем временам. Даже внешняя угроза, как указывает Марсилий Падуанский, менее значима в данном случае, и внешняя оборона является лишь факультативной функцией власти [3, с. 155]. Такая обязанность, как защита мира, предполагала обширный круг полномочий монархической власти, наличие у нее компетенций в различных сферах общественной жизни. Спор шел лишь об их объеме.

Наличие внутренних нарушителей мира и единства предполагало прежде всего наличие судебных функций и компетенций по их наказанию. Так, помимо приведенного выше аргумента, Марсилий Падуанский отмечает, что «соблазны – это взаимные несправедливые претензии людей; если их

отношения не будут регулироваться по справедливости правителем, в обязанность которого в соответствии с законом входит пресечение конфликтов, то произойдут войны и разделение человеческого сообщества и в конце концов распад государства и одновременно утрата нормальной жизни его жителей» [3, с. 150]. Справедливость становится важнейшим элементом выживания государства. Свою цель в XII в. Фридрих II формулировал следующим образом: «Посему настойчиво заботясь в целях управления полученным нам государством о том, чтобы в наши счастливые времена крепко держалось над подчиненными нам народами империи кормило мира и справедливости»⁷.

Врученная Богом в руки короля справедливость предполагала, что он должен был вершить ее «за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам» [4, с. 133], она включала карательный аспект («имеет власть творить справедливость и наказание» [4, с. 133]) и обязанность правителя «дать каждому его право» [4, с. 137], т. е. обеспечить возможность реализовать совокупность известных, конкретных прав и обязанностей индивида согласно тому, что каждый «заслуживает... что ему подобает... на его месте» [4, с. 138].

Обладает ли защитник мира законодательными полномочиями, или он должен хранить законы, данные государству, с помощью иных субъектов? В этом вопросе также имела место эволюция взглядов. Первоначально при осуществлении законотворческих функций монархи всегда отмечали преемственность своих законов с законодательством предшественников, неединоличность собственного правотворчества, а также его согласование с представителями церкви, знати, сословий. Например, в своде права «Саллическая правда» отмечается следующее: «Саллический закон был продиктован знатными этого народа»⁸. В кодексе «Аламманская правда» отмечается участие в принятии данного документа короля, 33 епископов, 34 герцогов, 65 графов и остального народа⁹.

Однако постепенно роль монарха становится определяющей и в данной области. Так, Ф. Бомануар в упоминавшемся выше сборнике «Кутюмы Бовези» отмечал: «...король является сувереном над всеми и располагает правом высшей охраны всего своего королевства. И по этой причине он может делать для общего блага (*le commun pourft*) любые установления, какие захочет; и то, что он установил, – должно соблюдаться...»¹⁰. В кодифицированном своде правовых норм короля Альфонсо «Семь партий»

⁶Бомануар Ф. Кутюмы Бовези // Антология мир. прав. мысли : в 5 т. Т. II. Европа: V–XVII вв. / Нац. обществ.-науч. фонд. М. : Мысль, 1999. С. 459.

⁷Имперский земский мир Фридриха II 1235 г. // Там же. С. 433.

⁸Саллическая правда // Там же. С. 32.

⁹Аламманская правда // Там же. С. 41.

¹⁰Бомануар Ф. Кутюмы Бовези... С. 459.

(XIII в.) также провозглашается, что монарх «может создавать новый закон и фуэро и менять старый», прояснять «затемненный закон», «пресечь исполняющийся обычай, когда поймет, что он был вреден, и сделать новый, который будет добрым» (цит. по [4, с. 130]).

Вопрос о связанности монарха существующими законами был очень актуален для того времени. В период главенства мнения об объективности закона, а равно в период совместного правотворчества монарха и представителей народа, действовали принципы обязательности соблюдения законов монархом под угрозой отказа в повиновении или сопротивления подданных: «Каждый может далее оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь в обороне от них всяким способом»¹¹.

В период сословной монархии с ее протодогматическими представлениями о взаимосвязи народа и правителя также придерживались подобных взглядов. И Данте Алигьери, и Марсилиус Падуанский изображают в своих произведениях законопослушного монарха. Так, Данте Алигьери указывает, что «не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь также, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько соотносятся с законодателем, сколько этот последний соотносится с ними...» [2, с. 43–44]. Марсилиус Падуанский, в свою очередь, передавая законодательную власть народу, рассматривал монарха как правителя и судью: «...законодателю следует определять и устанавливать части (службы) государства и их обязанности, но право на судопроизводство и руководство всеми ими согласно закону принадлежит правителю» [3, с. 154].

Дальнейшее распространение данное мнение получило в период реформационных войн, когда, опираясь на кальвинистскую доктрину, высшие сословия старались отстоять свои права в борьбе с монархической властью. В связи с этим один из представителей гугенотской партии во Франции Ф. Отман утверждал: «...мы убеждены... в том, что безграничная и необузданная власть не была дозволена королям Франкогаллии их подданными; а потому нельзя утверждать применительно к ним, что государи свободны от всех законов. Скорее, напротив, они как бы обуздываются определенными законами и соглашениями...» [5, с. 178]. В произведении «Франкогаллия» он перечислял восемь законов

страны, нарушение которых королем не допускалось [5, с. 178–186].

Таким образом, для первого этапа формирования концепции «глава государства – гарант конституции» характерно широкое распространение представлений о правителе как хранителе мира и единства государства, взглядов о его обширных полномочиях (прежде всего в сфере правосудия) как основе сохранения мира и обеспечения единства, а следовательно, и выживаемости страны в условиях феодальных и сословных междоусобиц.

Второй этап становления восприятия главы государства как хранителя мира и порядка наиболее ярко проявился во время расцвета абсолютизма, хотя его идеи начали появляться еще в период Средневековья вместе с усилением королевской власти. Для него характерно представление о полной принадлежности власти монарху. А так как абсолютизм рождался в борьбе со средневековыми беспорядками, то и обоснование подобной роли главы государства во многом опиралось на те же идеи – идеи борьбы за единство и мир. Так, в речи от 30 ноября 1601 г. перед Парламентом Англии королева Елизавета I утверждала: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому, заявляю вам торжественно, мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия...»¹² [6, с. 57]. Обосновывая свои претензии на полноту власти, ее преемник, Яков I, также провозглашал: «Бог имеет власть создавать или разрушать, совершать или не совершать по своей воле, даровать жизнь или насылать смерть, судить всех и никому не быть ни подотчетным, ни подсудным: возвышать низкое и делать высокое низким по своей воле, и Богу обязаны как души, так и тела. И подобной властью обладают короли: они создают и уничтожают своих подданных (*they make and unmake their subjects*): они имеют власть возвышать и свергать; над жизнью и смертью: судить всех своих подданных и во всех случаях, и при этом не подотчетны никому, разве только Богу. Они обладают властью возвышать низкое и низводить высокое и могут делать со своими подданными то, что делают люди с пешками и фигурами при игре в шахматы» [6, с. 56]. Но даже при этом он отмечал созидательный характер королевской власти: «...вся эта власть предписана Богом *ad aedificationem, non ad destructionem* (для созидания, не для разрушения). Потому что, хотя Бог имеет как власть разрушения, так и созидания или защиты, не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушении природы» [6, с. 57].

¹¹Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / АН СССР, Ин-т гос-ва и права; отв. ред. В. М. Корецкий. М.: Наука, 1985. С. 111.

¹²Цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Более современно сформулировал представление о монархе как гаранте мира и безопасности, выводя его из концепции общественного договора, Т. Гоббс: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [7, с. 133]. Власть главы государства (монарха) в наибольшей степени, по мнению мыслителя, обеспечивает базовые ценности общества – водворение мира и обеспечение безопасности [7, с. 145–149]. Он доказывал, что только сосредоточение всей полноты власти может гарантировать надлежащее выполнение указанной функции, ради которой и создавалось государство [7, с. 120–128]. Монархическая форма правления должна быть неизменной, власть неделимой, неподсудной и неотчуждаемой, она должна обладать полномочиями в сфере законотворчества, правосудия, объявления войны и заключения мира, назначения гражданских и военных должностных лиц, вознаграждения за службу [7, с. 134–143].

Одновременно формировалась идея о наличии у монарха чрезвычайных, экстраординарных полномочий, которые применимы к ситуациям мятежей, восстаний. Так, К. Шмитт приводит мнение императорского юриста Безольда, обосновывающего идею о том, что законы не связывают императора в исключительных ситуациях [8, с. 36]. А. Клапмар в учении о государственных *arcana* прямо указывает, что в случае войны и мятежа правитель, кроме властных прав, которые в каждом государстве являются одинаковыми и включают в том числе право на издание законов, обладает правом господства, т. е. таким публичным исключительным правом, которое состоит в возможности ради сохранения государства, поддержания общественного спокойствия и безопасности отступать от обычного права. А. Клапмар называет это «чем-то вроде легитимной тирании» (цит. по [8, с. 34–35]).

Начало третьего этапа развития концепции о главе государства как гаранте конституции можно условно связать с эпохой Английской революции. С этого момента роль главы государства как хранителя мира и безопасности начинает подвергаться сомнению. Складывается ситуация двоевластия, наличия двух легитимных субъектов, один из которых (монарх) продолжает получать свою легитимность от бога, а другой (парламент) черпает ее из воли народа. Так, например, в Конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. Сейм наделяется властью от народа, а монарх – от бога и народа.

Каждый из этих органов претендовал на верховенство, в том числе на ведущую роль в сохранении мира и безопасности. А наличие, по сути, договорных отношений между ними обуславливает то, что

каждый из этих органов по праву может считаться гарантом установившегося строя. В рамках сформулированной концепции разделения властей они контролируют и сдерживают друг друга, претендуют на формирование действенного механизма защиты своего положения и прав.

Однако с учетом того что монарх в глазах общества становится лицом подозрительным, склонным к тирании, то в парламентских кругах появляется стремление к возрождению либо древнеримской модели защиты государственного строя (передача полномочий гаранта сенату (например, по Конституции Французской Республики 1799 г.)), либо, как вариант, древнеспартанской (передача полномочий гаранта особой корпорации – эфорату (например, Совету цензоров по Конституции Пенсильвании 1776 г.)).

Следующий этап развития концепции о главе государства как гаранте конституции характеризуется реабилитацией роли правителя как хранителя государства и гаранта конституционного строя. Он связан с учением французского политика и конституционалиста Б. Констана о главе государства как нейтральной силе. Однако, как отмечает Н. П. Таньшина, уже его современник, относящийся к другому крылу французских либералов, Ф. Гизо, писал, что королевская власть «есть олицетворение державности, верховной власти по праву, то есть той существенно разумной, просвещенной, справедливой, беспристрастной воли, которая выше всякой отдельной личной воли, и поэтому имеет право управлять людьми» (цит. по [9, с. 85]). Однако если Ф. Гизо исходил из традиционного понимания концепции о монархе-гаранте, наделяя его широкими полномочиями, то Б. Констан заметил, что все ветви власти, предусмотренные идеей разделения властей, могут сталкиваться в стремлении реализовать каждая свои интересы. Значит, нужна власть, которая не обладала бы всеми полномочиями этих ветвей, но могла бы воздействовать на них для защиты и восстановления порядка, была бы призвана помочь властям прийти к взаимопониманию, взаимной поддержке и согласованию своих действий. «Королевская власть располагается среди всех этих... властей, но она выше их, обладает силой одновременно высшей и опосредующей, будучи при этом заинтересована не в нарушении равновесия, но, напротив, в его поддержании» [10, с. 39]. Передача полномочий гаранта одной из властей, по мнению Б. Констана, приведет к тирании или злоупотреблениям. Поэтому королевская власть, уникальная по своей природе, стремится к поддержанию стабильности и порядка. «Король в свободной стране есть особое существо, стоящее над разнообразием мнений, поскольку у него нет иного интереса, как поддержание порядка и свободы» [10, с. 41]. Не будучи ангажированным в активную политическую деятельность, он наблюдает

за столкновением мнений, интересов: «Король, так сказать, реет над человеческими волнениями, и шедевром политической организации является подобное создание в самом лоне разногласий, без которых не существует свободы, нерушимой сферы безопасности, величия, беспристрастности, позволяющей этим разногласиям беспрепятственно развиваться, покуда они не переходят известных пределов, и, как только возникает какая-либо опасность, кладущей им конец при помощи законных, конституционных и свободных от какого бы то ни было произвола средств» [10, с. 41]. В качестве полномочий, обеспечивающих арбитражную роль гаранта конституции, Б. Констан называл лишь сдерживающие полномочия монарха. Так, он должен был обладать правом роспуска палат парламента [10, с. 51–56], поскольку данный орган мог злоупотреблять своими полномочиями и нарушать порядок работы государственной машины. Кроме того, у монарха было право отстранять министров, назначать новых пэров в верхнюю палату, использовать право наложения вето на законы, право помилования, право раздавать пожалования, вознаграждения, оказывать покровительство и др. [10, с. 39–40, 48, 49].

Влияние Б. Констана прослеживается в Испании, где, как отмечает Т. Т. Алексеева, данные взгляды разделял В. Сантамария де Паредес, издавший важнейший труд по конституционному праву Испании в последней четверти XIX в. [11, с. 179]. Он, как и Б. Констан, наряду с законодательной, исполнительной и судебной властью выделял власть «гармонизирующую» и наделял ею «высшую магистратуру», которая имела общее родовое название «глава государства» для «королей в монархиях и президентов в республиках» [11, с. 180]. Задачей такой власти, по мнению В. Сантамарии де Пардеса, являлось обеспечение «независимости, баланса и гармонии трех властей» [11, с. 180].

На практике идеи Б. Констана были восприняты и реализованы, например, в Бразилии. Король страны Педру I, как отмечают историки, читал труд французского конституционалиста. По свидетельству Т. Т. Алексеевой, в монархической Конституции Бразильской империи 1824 г. закреплялись (почти по Б. Констану) четыре ветви власти: законодательная, «сдерживающая» (*moderador*), исполнительная и судебная [12, с. 186]. Сдерживающая власть объявлялась «ключом ко всей политической организации», она «вверялась исключительно императору как верховному главе нации (*Chefe Supremo da Nação*), ее первому представителю, для того чтобы он «постоянно следил за поддержанием независимости, балансом и гармонией политических властей» [12, с. 186].

Пятый этап развития идей о главе государства как гаранте конституции относится к межвоенно-

му периоду XX в. Его истоки, однако, можно обнаружить уже в протекторате О. Кромвеля, учениях о роли революционного главы государства в Латинской Америке и др. В условиях, когда политический режим получил полностью демократическую легитимацию и все его органы власти черпали свои полномочия прямо или косвенно из воли народа, парламент терял исключительную претензию на представление интересов последнего. В условиях революционных и военных кризисов, межвоенных политических и экономических катастроф угрозой для стабильности общества и государства становится в том числе перманентный кризис парламентаризма, его неспособность сформировать устойчивое большинство и связанные с этим правительственные кризисы и конституционная инфляция.

Зачатки решения данных проблем обнаруживаются уже в концепции лорда-протектора. Даже формально по нормам республиканской конституции Англии «Орудие управления» (1653) глава государства превращался в верховного правителя. Он совместно с парламентом обладал законодательной властью, при содействии совета осуществлял управление государством. От его имени издавались указы и вызовы в суд, полномочия, патенты и другие распоряжения, он назначал всех должностных лиц, обладал правом помилования. «Он должен управлять... во всех делах при содействии совета и на основании настоящего акта и законов. Ему вручается руководство армией с согласия парламента, а в его отсутствие с ведома и согласия совета. Он же с согласия последнего будет руководить вопросами внешней политики»¹⁵. Но даже данная конституция оказалась недостаточной для О. Кромвеля, который во имя государственной необходимости по своей воле распускал избранные парламенты и даже на некоторое время ввел военную диктатуру в стране.

Впоследствии данная идея реализуется в политической деятельности С. Боливара, который в ходе революционной деятельности в Латинской Америке неоднократно приобретал диктаторские полномочия. Предполагалось, что ради спасения государства «верховный правитель» наделяется временными экстраординарными полномочиями [12, с. 184–185].

Данная ситуация осмысливалась еще Дж. Локком: «В некоторых государствах, где законодательная власть не всегда в действии, а исполнительная власть вверена одному лицу, которое также принимает участие в законодательстве, это одно лицо при таком устройстве в весьма правдоподобном смысле может быть также названо верховным, но не в том смысле, что оно обладает всей верховной властью, которая состоит в издании законов, но в том, что оно обладает высшей исполнительной властью, от которой все низшие должностные лица получают

¹⁵Орудие управления, 16 декабря 1653 г. // Законодательство англ. революции 1640–1660 гг. / сост. Н. П. Дмитриевский ; отв. ред. Е. А. Косминский. М. : Изд-во АН СССР, 1946. С. 175–176.

все свои различные подчиненные полномочия или, по крайней мере, большую их часть. Законодательная власть также не стоит выше него, потому что никакой закон не может быть издан без его согласия, а так как оно, по всей вероятности, никогда не согласится подчиниться другой части законодательной власти, – то в этом смысле указанное выше лицо довольно правильно называется верховным...» [13, с. 350].

Развитие данных идей имело место в творчестве К. Шмитта, который, начав с апелляции к концепту нейтральной власти Б. Констана, творчески переработал ее применительно к условиям кризиса в Веймарской республике. В стабильный период существования государства, по К. Шмитту, президент выступает как нейтральная арбитражная власть. Но во время кризиса нейтральность президента становится активной, навязывающей разрешение существующих конфликтов. На основании соответствующей статьи конституции президент имеет право ввести чрезвычайное положение. К. Шмитт доказывает, что ограничение действующих норм Основного Закона в данном случае будет носить широкий характер, а не только касаться того перечня статей, упомянутых в конституционной норме о чрезвычайном положении. Президент-диктатор сохранит лишь организационный минимум конституционных положений [8, с. 229]. Однако если в таких произведениях, как «Диктатура» (1921) [8], «Гарант конституции» (1931) [1], К. Шмитт следовал своей же концепции комиссарской диктатуры, т. е. наделения главы государства экстраординарными полномочиями лишь в условиях чрезвычайной ситуации, в рамках поручения конституции и для ее спасения, то в произведении «Легальность и легитимность» (1932) [14] он начинает критиковать мнимую нейтральность конституционного порядка парламентского либерального государства, отмечает вредность для развития сил немецкого народа следования установленной конституцией легальности и начинает склоняться к плебисцитарному авторитарному решению кризисных вопросов общества. Выход он видит в авторитарной власти, которая бы опиралась на плебисцитарную легитимность [14, с. 302]. Окончательный дрейф позиции К. Шмитта к суверенной диктатуре произошел с приходом к власти А. Гитлера, и уже в докладе «Фюрер защищает право» (1934) оппортунистически изменивший свои взгляды конституционалист отстаивает позицию, в соответствии с которой фюрер ради спасения нации и предотвращения катастрофы, подобной кризису Германской империи 1918 г., приведшему к ее поражению в войне и революции,

может отступить от легитимности и сам определять содержание и объем своих действий [15, с. 268].

Подобное восприятие роли и места главы государства в обеспечении выживаемости страны становится визитной карточкой большинства государств Европы с авторитарными или даже тоталитарными режимами. Так, например, А. Салазар, установивший в Португалии консервативный авторитарный режим и боровшийся как с коммунистами, так и с либералами и фашистами, во многом обращался к традиции Т. Гоббса, рассматривая государство как слугу и предводителя народа: «Государство настолько является слугой народа, что оно должно уважать волю его минувших столетий, и настолько предводителем, что должно направлять, иногда насильно, нынешнее поколение, которое не всегда ясно способно ориентироваться в историческом направлении развития своего народа»¹⁴ (перевод наш. – Д. Ш.). В духе органицизма он верил, что только стабильная компетентная власть, сосредоточенная у персонифицированного и ответственного руководства, способна обеспечить выход из кризиса [16, с. 175]. Для устранения катастрофического кризиса, обусловленного либеральной демократией и парламентаризмом, А. Салазар предлагает установить режим национальной диктатуры, которая должна стать инструментом для преодоления кризиса, исправления и воспитания общества на пути к укоренению нового способа мышления, неразрывно связанного с возрождением политических обычаев нации, общественного и правового порядка, ради публичного спокойствия и благосостояния народа [17, с. 64; 18].

Отвергая разделение властей, А. Салазар передает верховную власть президенту. Стабильность высшей власти в стране должна обеспечиваться с помощью длительного срока полномочий избираемого народом президента и благодаря его независимости от иных органов власти [19, с. 33]. С момента избрания глава государства независим. В осуществлении своих функций он подчиняется лишь положениям конституции, но отнюдь не правительству, которое может отправить в отставку, ни государственному совету, ни палатам парламента, голос которых для него не является обязательным ни в вопросе выполнения им своих функций, ни в вопросе сохранения им власти, ни судам, которые не могут его осудить, ни даже народу, который его избрал, но не может отстранить от власти [16, с. 182].

Президент самостоятельно, без согласования с парламентом назначает и отправляет в отставку председателя совета министров и самих министров. Благодаря этому, хоть правительство

¹⁴Bartyzel J. «Nowe Państwo» António Salazara na tle nacjonalizmu chrześcijańskiego w XX-wiecznej Portugalii [Electronic resource]. URL: <http://www.legitymizm.org/salazar-nacjonalizm> (date of access: 22.09.2021).

и является суверенным и независимым органом, оно в том числе, например, контрассигнует акты президента, самостоятельно руководит государственной администрацией. Оно, неся ответственность перед президентом, осуществляет политику в полном согласии с ним и в том направлении, которое определяет глава государства. Независимость всей исполнительной власти обеспечивается полной независимостью правительства от законодательных органов, за исключением обязанности исполнять законы [16, s. 182].

Следует учесть, что, согласно ст. 97 Конституции Португальской Республики, законодательная инициатива принадлежала правительству, а сами депутаты могли инициировать издание лишь тех законов, которые не влекли увеличения государственных расходов или сокращения доходов, установленных изданными ранее законами. Законы представляли собой лишь общие юридические основы (ст. 92), а правительство, помимо регламентных актов, имело право издавать декреты-законы, в том числе по собственной инициативе в случае необходимости (ч. 13 ст. 91; ч. 2 ст. 109), которые подписывал президент (ч. 9 ст. 81)¹⁵. Становится очевидным, что именно исполнительная власть в глазах А. Салазара становилась основным гарантом нормального функционирования государства в условиях чрезвычайного кризисного состояния как самой Португалии, так и международной обстановки того времени в целом. Он отмечал, что только президент и подчиненное ему правительство способны обеспечить нормальное функционирование государственного механизма, спокойствие и порядок в стране, уважение и принуждение к уважению прав, управление в соответствии с нормами закона, да и в целом нести ответственность за честь всего народа и его существование [20, s. 74].

Представления о необходимости шмиттианской суверенной диктатуры для преодоления повсеместного кризиса в межвоенной Европе, вера в главу государства как в единственный авторитет, способный спасти народ от гражданских и межнациональных конфликтов, экономического кризиса и внешней угрозы, привели к гиперболизации роли глав государств, предоставлению им диктаторских полномочий, которые не разрешили кризис, а скорее усугубили его во многих странах, а также привели народы ко Второй мировой войне.

Сформулированный подход даже в странах, которые избежали мирового конфликта (Испания, Португалия, государства Латинской Америки), во второй половине XX в. был дискредитирован, потерпел поражение.

Современный этап развития взглядов на роль главы государства в области обеспечения сохранности конституционного строя характеризуется восприятием базовой идеи активно оппонировавшего К. Шмитту Г. Кельзена, который рассматривал все органы государства как независимые гаранты конституции [21, с. 401]. Однако если Г. Кельзен при этом выделял особую роль конституционного суда [21], то в настоящее время существует многообразие взглядов на соотношение и роль высших органов власти в обеспечении действенности конституции. Отметим, что в кризисных для государства и общества ситуациях идея о главе государства как гаранте конституции неизменно переживает реинкарнацию, но, в отличие от межвоенного времени, сочетается с тесным взаимодействием с иными органами в данной области.

Данный процесс наблюдался уже при учреждении Пятой республики во Франции. Так, еще в 1946 г. генерал Ш. де Голль в речи в Байе, которую анализирует М. А. Краснов, говорил о возрождении констановской модели президента-арбитра: «...все ветви власти – и исполнительная, и законодательная, и судебная – были четко разграничены и полностью уравновешены, и... над возможной политической несогласованностью верховенствовал национальный арбитр, способный обеспечить дух преемственности в условиях существования разношерстных по партийному составу правительств»¹⁶. Впоследствии свои идеалы Ш. де Голль реализовал в тексте Конституции Французской Республики 1958 г., ставшей образцом для подражания как на постсоветском пространстве, так и во многих странах Латинской Америки, Азии, Африки.

Идеи раннего К. Шмитта об активной роли главы государства в области гарантирования конституционного строя, в том числе о его полномочиях в сфере введения чрезвычайного положения, также реализуются во многих государствах. Современная дискуссия о главе государства как гаранте конституции идет лишь в контексте вопроса об объеме его полномочий.

Заключение

Таким образом, развитие представлений о главе государства как гаранте конституции прошло долгую историческую эволюцию. Концептуально

можно выделить шесть основных этапов, каждый из которых характеризуется своими взглядами на природу и происхождение власти главы государства,

¹⁵ Политическая конституция Португальской республики // Конституции буржуаз. гос-в Европы / сост. Ф. А. Кублицкий ; под ред. Г. С. Гурвича. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. С. 741–797.

¹⁶ Краснов М. А. «Нейтральная власть» Б. Констана и «президентский арбитраж» Ш. Де Голля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29369468> (дата обращения: 24.05.2022).

его роли в сохранении мира и порядка, об объеме компетенций, предоставленных для выполнения данных функций. Несмотря на различия, на всех этапах развития политической мысли отмечается

важность роли главы государства в обеспечении незыблемости государственного строя, необходимость предоставления ему полномочий по разрешению чрезвычайных ситуаций.

Библиографические ссылки

1. Шмитт К. Гарант конституции. В: Анашвили ВВ, Кильдюшов ОВ, составители. *Государство: право и политика*. Москва: Территория будущего; 2013. с. 27–220.
2. Данте Алигьери. *Монархия*. Зубова ВП, переводчик. Москва: Канон-пресс-Ц; 1999. 192 с.
3. Марсили Падуанский. *Защитник мира. Defensor pacis*. Есенов БУ, переводчик. Москва: Дашков и К^о; 2014. 656 с.
4. Варьяш ИИ. Власть короля и королевское право в «Семи партидах» Альфонсо Мудрого. В: Марей АВ, редактор. *Исторический вестник. Том двенадцатый. Альфонсо X: политика и право*. Москва: Руниверс; 2015. с. 122–149.
5. Отман Ф. *Франкогаллия*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 280 с.
6. Томсинов ВА. *Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года*. Москва: Зерцало-М; 2010. 264 с.
7. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. В: Гоббс Т. *Сочинения*. Том 2. Москва: Мысль; 1991. с. 3–545.
8. Шмитт К. *Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. Коринца ЮЮ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2005. 326 с.
9. Таньшина НП. *Франсуа Гизо: политическая биография*. Москва: МПГУ; 2015. 364 с.
10. Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления. В: Констан Б, Гизо Ф. *Классический французский либерализм*. Москва: РОССПЭН; 2000. с. 23–262.
11. Алексеева ТА. Институт главы государства в Испании: формирование и эволюция доктрины в национальном правоведении. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2017;21(2):173–199.
12. Алексеева ТА. Идеи и юридические источники формирования понятия главы государства в Испании. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017;5:174–201.
13. Локк Дж. Два трактата о правлении. В: Локк Дж. *Сочинения. Том 3*. Москва: Мысль; 1988. с. 135–405.
14. Шмитт К. Легальность и легитимность. В: Анашвили ВВ, Кильдюшов ОВ, составители. *Государство: право и политика*. Москва: Территория будущего; 2013. с. 221–305.
15. Шмитт К. Фюрер защищает право. В: Шмитт К. *Государство и политическая форма*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2010. с. 263–270.
16. Salazar A. Ukonstytuowanie Izby Ustawodawczych jako etap rozwoju politycznego Portugalii. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 174–187.
17. Salazar A. Dyktatura administracyjna i rewolucja polityczna. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 52–64.
18. Щербик ДВ. Кризис парламентаризма в межвоенный период: авторитарное решение А. Салазара. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2015;14:132–139.
19. Salazar A. Przedmowa autora. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 11–33.
20. Salazar A. Podstawowe zasady rewolucji politycznej. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 65–81.
21. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? В: Анашвили ВВ, Кильдюшов ОВ, составители. *Государство: право и политика*. Москва: Территория будущего; 2013. с. 359–410.

References

1. Schmitt K. [Guarantor of the constitution]. In: Anashvili VV, Kil'dyushov OV, compilers. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego; 2013. p. 27–220. Russian.
2. Dante Alighieri. *Monarkhiya* [Monarchy]. Zubova VP, translator. Moscow: Kanon-press-Ts; 1999. 192 p. Russian.
3. Marsile de Padoue. *Le défenseur de la paix*. Paris: Librairie philosophique J. VRIN; 1968. 582 p. Russian edition: Marsile de Padoue. *Zashchitnik mira. Defensor pacis*. Esenov BU, translator. Moscow: Dashkov i K^o; 2014. 656 p.
4. Var'yash II. [The power of the king and royal right in the Seven Partides by Alfonso the Wise]. In: Marei AV, editor. *Istoriicheskii vestnik. Tom dvenadtsati. Al'fonso X: politika i pravo* [Historical bulletin. Volume 12. Alfonso 10th: politics and law]. Moscow: Runivers; 2015. p. 122–149. Russian.
5. Othman F. *Frankogalliya* [Francogaul]. Moscow: Centre for Humanitarian Initiatives; 2015. 280 p. Russian.
6. Tomsinov VA. *Yuridicheskie aspekty angliiskoi revolyutsii 1640–1660 godov. Period konstitutsionnoi bor'by: noyabr' 1640 – avgust 1642 goda* [Legal aspects of the English revolution of 1640–1660. The period of the constitutional struggle: November 1640 – August 1642]. Moscow: Zertsalo-M; 2010. 264 p. Russian.
7. Hobbes T. [Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state]. In: Hobbes T. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1991. p. 3–545. Russian.
8. Schmitt C. *Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf*. Leipzig: Duncker; 1921. 211 S. Russian edition: Schmitt C. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by*. Korintsa YuYu, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2005. 326 p.

9. Tan'shina NP. *Fransua Gizo: politicheskaya biografiya* [François Guizot: a political biography]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2015. 364 p. Russian.
10. Constant B. [Principles of politics suitable for any government]. In: Conctant B, Guizot F. *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm* [Classical French liberalism]. Moscow: ROSSPEN; 2000. p. 23–262. Russian.
11. Alexeeva TA. Institute of the head of state in Spain: formation and evolution of the concept in the national jurisprudence. *RUDN Journal of Law*. 2017;21(2):173–199. Russian.
12. Alexeeva TA. [Ideological and legal sources of the formation of the concept of the head of state in Spain]. *Izvestiya vysshikh ychebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2017;5:174–201. Russian.
13. Locke J. [Two treatises on government]. In: Locke J. *Works. Volume 3*. Moscow: Mysl'; 1988. p. 135–405. Russian.
14. Schmitt C. [Legality and legitimacy]. In: Anashvili VV, Kil'dyushov OV, compilers. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego; 2013. p. 221–305. Russian.
15. Schmitt C. [Führer defends the right]. In: Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics; 2010. p. 263–270. Russian.
16. Salazar A. Ukonstytuowanie Izby Ustawodawczych jako etap rozwoju politycznego Portugalii. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 174–187.
17. Salazar A. Dyktatura administracyjna i rewolucja polityczna. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 52–64.
18. Shcherbik DV. The crisis of parliamentarism in the interwar period: the authoritarian decision of A. Salazar. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2015;14:132–139. Russian.
19. Salazar A. Przedmowa autora. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 11–33.
20. Salazar A. Podstawowe zasady rewolucji politycznej. W: Salazar A. *Rewolucja pokojowa*. Warszawa: PROHIBITA; 2013. s. 65–81.
21. Kelzen G. [Who should be the guarantor of the constitution?]. In: Anashvili VV, Kil'dyushov OV, compilers. *Gosudarstvo. Pravo i politika* [State. Law and politics]. Moscow: Territoriya budushchego; 2013. p. 359–410. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.07.2022.
Received by editorial board 05.07.2022.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342.72/.73

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

М. С. АБЛАМЕЙКО¹⁾, Н. В. ШАКЕЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются подходы к защите прав человека в условиях цифровизации. Оценены позиции ученых, рассматривающих различные аспекты реализации прав человека в условиях цифровой среды. Особое внимание уделено изучению права на доступ к информации, которое в цифровых условиях трансформируется, позволяя реализовать права на доступ в интернет, на получение онлайн-услуг и сведений в рамках цифровых сервисов и др. Предложено имплементировать цифровые права человека в деятельность умных городов. Даны конкретные предложения по законодательному регулированию цифровых прав в Республике Беларусь.

Ключевые слова: цифровые права; права человека; информационные технологии; цифровизация; открытые данные.

Образец цитирования:

Абламейко МС, Шакель НВ. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;2:19–26.

For citation:

Ablameyko MS, Shakel NV. Digital human rights and perspectives of their inclusion in the legislation. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022;2:19–26. Russian.

Авторы:

Мария Сергеевна Абламейко – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Надежда Валентиновна Шакель – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры международного права факультета международных отношений.

Authors:

Maria S. Ablameyko, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law. m.ablameyko@mail.ru

Nadzeya V. Shakel, PhD (law), docent; associate professor at the department of international law, faculty of international relations.

nshakel@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-8100-8332>

DIGITAL HUMAN RIGHTS AND PERSPECTIVES OF THEIR INCLUSION IN THE LEGISLATION

M. S. ABLAMEYKO^a, N. V. SHAKEL^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: M. S. Ablameyko (m.ablameyko@mail.ru)

The approaches to the protection of human rights in the context of digitalisation are analysed. The positions of scientists researching various aspects of the realisation of human rights in the digital environment are evaluated. Special attention is paid to the study of the right of access to information, which is being transformed in digital conditions, allowing the realisation of the rights to access the Internet, to receive online services and information within digital services, etc. It is proposed to implement digital human rights in the activities of smart cities. Specific proposals on the legislative regulation of digital rights in the Republic of Belarus are given.

Keywords: digital rights; human rights; information technologies; digitalisation; open data.

Введение

С развитием информационных технологий в XXI в. трансформации подверглись все сферы жизни. Произошла цифровизация государственных услуг, что привело к переходу большинства или по крайней мере значительного количества государственных сервисов в электронный формат и позволило говорить о появлении концепций электронного государства (правительства) (*e-government*). Поэтапная трансформация управления данными государства на основе цифровых технологий, разработка комплексных суперсервисов для получения гражданами и бизнесом государственных услуг в один клик получила название «цифровое государственное управление» [1, с. 164]. Реальностью стал электронный документооборот, обусловленный переходом на безбумажные технологии, внедрением электронной цифровой подписи. Затронуты цифровизацией были и все остальные сферы социальной, политической и культурной жизни.

Безусловно, важным последствием процессов цифровой трансформации стало появление концепции умного города, где именно синтез новых технологий и существующей инфраструктуры позволил достичь синергетического эффекта в части оптимизации всех направлений жизнедеятельности. Особую актуальность стала приобретать цифровая среда, в том числе предоставляемые ею возможности сбора и обработки данных о физических лицах. Это не только персональные данные, но и вся статистическая и иная информация, визуальные данные, а также так называемые открытые данные.

Исследуя описанные выше процессы, ученые, безусловно, оценивали положительные аспекты внедрения новых технологий, в основном концентрируясь на открывающихся для граждан возможностях, однако указывали на некоторые недостатки, в большинстве случаев связанные с защитой частной жизни, возможными катастрофами и неверны-

ми решениями в силу отказа систем и т. п. Одной из возможных причин таких явлений называлось, в частности, отсутствие должного понимания и учета прав человека разработчиками цифровых решений. В результате создание цифровых систем могло приводить к нарушениям прав человека [2, р. 63]. Например, неограниченный доступ медицинских работников к системам электронного здравоохранения может повлечь нарушение права на частную жизнь, разглашение врачебной тайны и иные негативные последствия [3, с. 60–61]. Необходимо соблюдать соотношение новых полномочий и возможностей с уже существующими правами человека.

После начала пандемии в различных государствах были введены новые меры, связанные с контролем передвижения (карты здоровья, красные и зеленые коды, программы отслеживания контактов и т. п.), а также устанавливающие ограничения относительно возможностей осуществления иных прав. Данные нововведения поставили во главу угла вопросы, касающиеся реализации прав человека и их допустимых ограничений.

Важно отметить, что в новых реалиях появились различные инициативы, которые предлагали свои механизмы и процедуры решения актуальных проблем. Среди них деятельность Коалиции городов за цифровые права, созданной по инициативе Амстердама, Барселоны и Нью-Йорка и насчитывающей сегодня более 50 городов со всего мира. С учетом процессов, происходивших в период пандемии, данной коалицией были разработаны и опубликованы рекомендации для глав городов, городских менеджеров и других заинтересованных лиц по использованию технологий во время таких кризисов, как пандемия COVID-19. Эти рекомендации представляют собой программу, в основе которой лежат права человека в таких вопросах, как согласие и доверие, открытость и прозрачность, справедливость и вовлеченность, социальные инновации. Сегодня они

особенно важны, поскольку учитывают воздействие COVID-19 на разные группы населения в городах¹.

Коалиция будет внедрять эти рекомендации и собирать информацию о лучших мерах и практиках, чтобы города и организации могли научиться применять и понимать их воздействие на городские сообщества. Кроме того, коалиция планирует сотрудничать с научными кругами и прочими заинтересованными лицами в рамках внедрения этих рекомендаций². Интересно, что название данной коалиции позволяет говорить о том, что в настоящее время на практике уже активно используется понятие «цифровые права», в том числе в рамках прав, которые имеются у жителей городов.

Вопросы реализации прав человека в новых условиях, а также отдельные цифровые права стали предметом рассмотрения в российской науке, где имеются соответствующие исследования В. Д. Зорь-

кина, Н. В. Варламовой, М. С. Бурьянова. Возможности и варианты развития цифрового права и цифровых прав обсуждались в работах М. А. Рожковой, Р. Б. Головкина, О. А. Амосовой и др. Следует обратить внимание на исследование М. Суси, в котором проведен глубокий анализ цифровых прав человека, в том числе с учетом достижений Эстонии в сфере цифровизации и развития электронных сервисов [2, р. 63]. Таким образом, за рубежом в настоящее время ведутся широкие научные дискуссии по проблематике цифровых прав человека и возможностей их включения в законодательство. Вместе с тем следует отметить, что вопросы цифровых прав человека в Республике Беларусь пока еще не получили должного внимания. Отдельные их аспекты изучены Т. В. Сафоновой. В связи с этим данный вопрос требует соответствующего внимания с точки зрения права.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания, основными из которых стали метод системного анализа, формально-юридический и сравнитель-

но-правовой методы. Теоретическую основу исследования составили работы по информационному, международному и гражданскому праву, а также соответствующие правовые акты.

Результаты и их обсуждение

Определение цифровых прав человека. Фундаментальные права человека конкретизируются в законодательстве на каждом историческом этапе развития страны. Как следствие, сейчас возможно говорить о том, что наступило время конкретизации прав и свобод человека применительно к цифровой реальности [4, с. 28]. Отметим, что фундаментальные права человека, в частности, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), получают новое трактование в современных условиях развития информационного общества, все более частого применения искусственного интеллекта и цифровизации. Указанные тенденции позволяют говорить о появлении такой категории прав, как цифровые права человека. В русскоязычной юридической литературе данные права обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными, в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (*digital rights*), интернет-правах (*Internet rights*), праве на коммуникацию (*right to communicate*), свободе соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей (*freedom to connect – to anyone, anytime, anywhere, for anything*). Порой эти термины используются как синонимы, иногда акцентируется определенная специфика обозначаемых ими прав [5].

Тем не менее к настоящему времени еще не сложилось четкое определение и рамки понятия «цифровые права человека». Они, как представляется, должны охватывать все права человека в условиях цифровизации и развития современных информационно-коммуникационных технологий. Можно считать, что это сфера информационного права, которая регулирует права человека, связанные с применением информационных технологий. Сюда можно отнести регулирование отношений в области обработки персональных данных, публикации информации в сети, обработку больших данных, применение искусственного интеллекта и др.

Как отмечает В. Д. Зорькин, «цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации»³.

В российской научной среде некоторые ученые говорят о возможности выделения цифрового права как совокупности правовых норм и институтов, регулирующих разнообразные отношения, связанные

¹CC4DR recommendations: safeguard digital rights when using COVID-19 related technologies [Electronic resource]. URL: https://citiesfordigitalrights.org/sites/default/files/CC4DR_Recommendations%2BPosition%20Statement_Covid19tech%20final.pdf (date of access: 12.03.2022).

²Ibid.

³Зорькин В. Д. Право в цифровом мире [Электронный ресурс]. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> (дата обращения: 12.03.2022).

с внедрением и использованием цифровых технологий. При этом следует учитывать, что такие нормы не объединены общим методом регулирования и относятся к различным отраслям права [6].

В исследовании М. С. Бурьянова введен термин «глобальные цифровые права человека», к которым отнесены право на доступ к информации, право на доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям, право на доступ в интернет, право на защиту частной жизни и личных данных (персональных и биометрических), право на уважение персональных данных, права, связанные с защитой генетической информации, имущественные права в цифровом имущественном обороте, возможности реализации личных, социальных, экономических, политических и культурных прав на базе технологических платформ, приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта [7, с. 61].

Иной аспект в классификации цифровых прав предлагает отечественный исследователь Т. В. Сафонова. Она выделяет следующие цифровые права, закрепленные в законодательстве Республики Беларусь, однако не имеющие конституционных оснований:

- право на электронную цифровую подпись (Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»);
- право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей (Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон «Об информации, информатизации и защите информации»));
- право на защиту персональных данных (Закон «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 418-З «О регистре населения») [8, с. 457].

По мнению Т. В. Сафоновой, к цифровым правам также можно отнести право на доступ к государственным электронным услугам, право на доступ в интернет, право на цифровую связь и др. [8, с. 457].

Однако единого и системного подхода к данному вопросу не предлагается. Рассмотрим основные типы цифровых прав гражданина.

Право на доступ к информации. Рассматривать вопрос о доступе к информации можно с разных сторон: как право на доступ к информации в широком смысле, т. е. ко всей информации, доступ к которой не запрещен; как право на доступ к определенному виду информации (свободного и ограниченного доступа); как право на получение общедоступной информации и др. Вместе с тем в основе

данного права лежит принцип, заложенный в ст. 19 ВДПЧ, которая гарантирует каждому свободу получения информации.

Как показывают результаты исследований, по состоянию на 2021 г. в 124 странах мира действуют законы, а в 8 странах – национальные указы или постановления, которые предоставляют отдельным лицам общее право доступа к информации, находящейся в распоряжении государственных органов, и налагают на государственные органы обязательство предоставлять эту информацию и активно раскрывать ее ключевые виды⁴.

Право на доступ к информации в условиях цифровой среды реализуется также путем предоставления гражданам возможностей по получению доступа к информации о своем здоровье с использованием систем электронного здравоохранения (например, через электронную медицинскую карту). Данное право является важным в силу различных причин, например планирования жизни, расходов, принятия обоснованных и информированных решений о механизме лечения и т. п.

Одним из важнейших элементов права на доступ к информации является право человека на свободное применение открытых данных. Переход государственных услуг в цифровую среду, создание различных механизмов цифрового взаимодействия государственных органов и граждан (через чат-боты, формы обратной связи, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах и т. п.) существенно упростило и ускорило получение информации, а также увеличило объем открытых данных.

В настоящее время в законодательстве отсутствует определение понятия «открытые данные». В Законе «Об информации, информатизации и защите информации» предусмотрен в целом доступ к информации, возможность ее получения и пользования ею (ст. 1). Отдельно регулируются вопросы предоставления общедоступной информации и информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Анализируя перечень общедоступной информации, можно прийти к выводу, что большинство данных собираются и накапливаются государственными органами, соответственно, и предоставление данной информации относится к их компетенции.

Открытые данные можно отнести к общедоступной информации, однако они также собираются, обрабатываются и предоставляются негосударственными структурами. В Республике Беларусь функционирует портал www.opendata.by, созданный специалистами из сфер информационных технологий, науки, бизнеса и образования. Размещенные на портале данные касаются различных сфер жизнедеятельности общества и предоставляют возмож-

⁴International standards: right to information [Electronic resource]. Art. 19. URL: <https://www.article19.org/resources/international-standards-right-information/> (date of access: 11.04.2022).

ность ознакомиться с информацией о транспорте, экологии и климате, получить картографические данные и др.

В современном мире именно открытые данные являются важным источником информации, способствуют развитию цифрового общества, а также в определенной степени снижают нагрузку на государственные органы с точки зрения альтернативы получения информации из других источников. Поскольку данная сфера в большинстве случаев базируется на общественной инициативе, считаем, что ее правовое регулирование должно быть достаточно мягким.

Право на доступ в интернет. Интернет является важнейшим инструментом для реализации цифровых прав человека. Он позволяет достигать в новых условиях как права искать, получать и распространять информацию и идеи (ст. 19 ВДПЧ), так и права свободно участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами (ст. 27 ВДПЧ)⁵.

В 2003 г. ЮНЕСКО призвала государства-члены и международные организации признать и поддерживать всеобщий доступ к интернету в качестве инструмента для содействия реализации прав человека, определенных в ст. 19 и 27 ВДПЧ. Было отмечено, что развитие новых информационных и коммуникационных технологий, предоставляя возможности для улучшения свободного распространения идей, одновременно создает проблемы для обеспечения участия в глобальном информационном обществе. ЮНЕСКО призвала все государства «признать и ввести в действие право всеобщего онлайн-доступа к общественным и правительственным документам, включая информацию, имеющую значение для граждан в современном демократическом обществе, с должным учетом соображений конфиденциальности, неприкосновенности частной жизни и национальной безопасности, а также прав интеллектуальной собственности в той мере, в какой они применимы к использованию такой информации»⁶ (здесь и далее перевод наш. – М. А., Н. Ш.).

Как следствие, на международном уровне уже с 2011 г. признается право на доступ в интернет, в рамках которого отключение от всемирной сети считается нарушением прав человека⁷. Имеются

сведения о том, что Греция, Эстония, Финляндия, Испания, Коста-Рика и Франция утвердили или признали определенное право доступа к соответствующим сетям в своих конституциях, правовых кодексах или судебных решениях⁸.

Данный подход следует признать обоснованным, так как сегодня интернет и доступ к цифровым услугам и ресурсам в целом является неотъемлемой составляющей полноценной жизни.

28 апреля 2022 г. США, а также 60 стран и глобальных партнеров (все члены Европейского союза, Австралия, Великобритания, Грузия, Израиль, Канада, Сербия, Украина, Япония, Европейская комиссия и Тайвань) подписали Декларацию о будущем интернета. Согласно документу они обязуются «продвигать свободный, открытый, глобальный, функционально совместимый, надежный и безопасный интернет для всего мира, основой которого являются единые для всех правила и демократические ценности»⁹. В числе основных принципов определены защита прав и свобод человека, содействие глобальному интернету со свободным потоком информации, развитие инклюзивной и доступной связи, стимулирование доверия к глобальной цифровой экосистеме, в том числе за счет защиты конфиденциальности и противодействия киберпреступлениям, укрепление многостороннего подхода к управлению интернетом¹⁰.

Право на доступ в интернет может рассматриваться в том числе как возможность реализации прав «цифрового гражданина» (получение электронных услуг, доступ к электронной медицинской карте, информационным ресурсам умного города, возможность участия в политической жизни, в том числе посредством электронного обсуждения нормативных правовых актов и электронного голосования, и др.). Выделение данного права обоснованно, так как сегодня доступ к цифровым услугам и ресурсам посредством интернета в целом является неотъемлемой составляющей жизни гражданина в электронном государстве.

Так, например, без подключения к современным цифровым сервисам ограничивается право на участие в политической и социальной жизни,

⁵Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2022).

⁶Recommendation concerning the promotion and use of multilingualism and universal access to cyberspace [Electronic resource]. Para 15. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/official_documents/Eng%20-%20Recommendation%20concerning%20the%20Promotion%20and%20Use%20of%20Multilingualism%20and%20Universal%20Access%20to%20Cyberspace.pdf (date of access: 14.04.2022).

⁷ООН признала доступ в интернет базовым правом человека [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/07/basicright/> (дата обращения: 11.03.2022).

⁸Is there a right to the Internet under international law? [Electronic resource]. URL: <https://www.mediadefence.org/ereader/publications/introductory-modules-on-digital-rights-and-freedom-of-expression-online/module-3-access-to-the-internet/is-there-a-right-to-the-internet-under-international-law/> (date of access: 11.04.2022).

⁹United States and 60 global partners launch declaration for the future of the Internet [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/28/fact-sheet-united-states-and-60-global-partners-launch-declaration-for-the-future-of-the-internet/> (date of access: 04.04.2022).

¹⁰Ibid.

которое может быть реализовано через электронное голосование в умных городах. Предоставление доступа к правовым базам и иной юридической информации онлайн является важным аспектом распространения правовой информации и повышения правовой грамотности населения. Цифровые сервисы позволяют существенно снизить затраты и повысить оперативность таких важных аналитических инструментов, как проведение социологических и иных опросов. Сбор и анализ полученных в рамках цифровых отношений сведений, которые трансформируются в большие данные, позволяют более эффективно организовывать процессы жизнедеятельности, оценивать динамику и направление сдвигов и решений в целях адекватного реагирования.

Следует отметить, что само право на доступ в интернет в странах СНГ не регламентируется на правовом уровне по ряду причин, в том числе технических (в некоторых странах нет свободного повсеместного доступа в интернет). Вместе с тем страны идут по пути внедрения и совершенствования систем электронного правительства, что подразумевает доступ в интернет.

В Республике Беларусь в настоящее время правовое регулирование функционирования электронного правительства носит фрагментарный характер, поскольку отсутствует единый законодательный акт. Вместе с тем Советом по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь в 2020 г. было принято решение о целесообразности разработки двух самостоятельных законов о праве на доступ к информации и о цифровизации¹¹.

Право на защиту частной жизни и персональных данных. Право на неприкосновенность частной жизни, в соответствии с которым никто не должен подвергаться произвольному или противо-

правному вмешательству в его частную и семейную жизнь, произвольным или противоправным посягательствам на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, а также право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств предусматриваются ст. 12 ВДПЧ и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах¹².

Ограничения прав возможны, однако они должны быть основаны на опубликованных, четких, конкретных правовых нормах, служить достижению законной цели в демократическом обществе, быть необходимыми и соразмерными этой цели, не включать в себя дискриминацию, не наделять соответствующие органы власти чрезмерной свободой усмотрения и подлежать эффективным гарантиям и средствам правовой защиты¹³.

С учетом возрастающих возможностей сбора и обработки данных о физических лицах в рамках цифровой среды особенно актуальным становится вопрос о защите персональных данных, включая генетические, биометрические и др. Неотъемлемой частью развития умных городов является обеспечение общественной безопасности путем оснащения городов камерами видеонаблюдения, датчиками и подобным оборудованием, что поднимает вопросы защиты частной жизни на новый уровень.

На данный момент в ст. 28 Конституции Республики Беларусь указано, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Необходимо на законодательном уровне определить понятие «частная жизнь в цифровом пространстве», а также его границы. Особенно актуальным данный вопрос становится в связи с возникновением дипфейков, т. е. подменой фото-, аудио- и видеоматериалов, созданных с помощью нейронных сетей.

Предложения о введении цифровых прав в законодательство

В настоящее время возникла необходимость законодательного закрепления цифровых прав.

Опираясь на инициативу разработки двух законодательных актов о цифровизации и о праве на доступ к информации, считаем целесообразным включить в данные документы положения, раскрывающие основные аспекты реализации цифровых прав.

В основополагающем законе о цифровизации необходимо закрепить понятие «открытые данные» и определить, какая информация может быть к ним отнесена. Понятие «открытые данные» можно изложить следующим образом: общедоступные информационные ресурсы, представленные в электронном виде и предназначенные для дальнейшего использования, повторной публикации в неизменном виде.

¹¹Эксперты обсудили концептуальные подходы развития законодательства в области информации, информатизации и защиты информации на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/october/55953/> (дата обращения: 03.04.2022).

¹²Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/297/54/PDF/G1929754.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.04.2022).

¹³Brown I., Korff D. Digital freedoms in international law practical steps to protect human rights online [Electronic resource]. URL: <https://globalnetworkinitiative.org/wp-content/uploads/2016/10/GNI-Digital-Freedoms-Exec-Summary.pdf> (date of access: 15.04.2022).

Более детальную регламентацию, а именно предоставление открытых данных в составе электронного правительства через интернет-портал, который будет обеспечивать централизованное хранение описательной и ссылочной информации по открытым данным, считаем возможным предусмотреть в законе о праве на доступ к информации. Необходимо закрепить полномочия по централизованному представлению и регулированию открытых данных, а также определить орган государственной власти (возможно, Национальный статистический комитет Республики Беларусь), который совместно с Министерством юстиции Республики Беларусь разработает необходимую правовую базу для регулирования открытых данных.

Таким образом, понятие «открытые данные» предлагаем определить в законе о цифровизации, а вопросы доступа к ним и получения информации регламентировать в законе о праве на доступ к информации.

В законе о цифровизации предлагаем привести классификацию услуг, оказываемых в электронной форме. В частности, такая классификация может

осуществляться по способу (в зависимости от степени автоматизации) и по характеру (возмездное или безвозмездное) оказания таких услуг. Также необходимо предусмотреть порядок представления сведений при оказании услуг в электронной форме для физических лиц.

В рамках закона о праве на доступ к информации целесообразно закрепить реализацию права на доступ в интернет при предоставлении услуг государством (электронные услуги, электронная медицинская карта, электронные сервисы умного города, предоставляемые государством и т. д.).

В законе о цифровизации необходимо закрепить понятие «частная жизнь», отражающее специфику реализации данного права в цифровом пространстве. Также в указанном акте нужно отразить подходы к процедуре идентификации и аутентификации субъектов информационных отношений, а также регламентировать и определить биометрическую аутентификацию как комплекс мер, идентифицирующих личность на основании физиологических и биологических неизменных признаков.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Появление и широкое развитие цифровой среды не должно негативно воздействовать на реализацию фундаментальных прав человека. Очевидно, что развитие цифрового пространства, наоборот, во многом трансформирует, дополняет и расширяет возможности человека по реализации своих прав. Вместе с тем в цифровом мире защита прав человека выходит на новый уровень

в связи с возникновением новых вызовов и угроз. В связи с этим считаем целесообразным выделение цифровых прав человека, относимых к информационному праву. Законодательное урегулирование вопросов доступа к открытым данным, права на интернет и совершенствование норм защиты частной жизни в цифровом пространстве позволит более быстрыми темпами двигаться к поставленным целям для построения ИТ-государства.

Библиографические ссылки

1. Головкин РБ, Амосова ОС. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления. *Вестник Владимирского юридического института*. 2019;2:163–166.
2. Susi M. The image of human rights in e-state. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2020; 1:62–68.
3. Шапель НВ, Абламейко МС. *Медицинский работник и пациент: взаимодействие в условиях электронного здравоохранения*. Минск: Экоперспектива; 2020. 120 с.
4. Блажеев ВВ, Егорова МА. *Цифровое право*. Москва: Проспект; 2020. 640 с.
5. Варламова НВ. Цифровые права – новое поколение прав человека? *Труды Института государства и права РАН*. 2019;4:9–46.
6. Рожкова МА. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? *Хозяйство и право*. 2020;4:3–12.
7. Бурьянов МС. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации. *Век глобализации*. 2020;3:54–70. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.05.
8. Сафонова ТВ. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина. В: Аршанский ЕЯ, редактор. *Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов; 11 марта 2021 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2021. с. 456–458.

References

1. Golovkin RB, Amosova OS. «Digital rights» and «digital law» in the mechanisms of digitalisation of the economy and public administration. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2019;2:163–166. Russian.
2. Susi M. The image of human rights in e-state. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. 2020;1:62–68.

3. Shakel NV, Ablameyko MS. *Medsitsinskii rabotnik i patsient: vzaimodeistvie v usloviyakh elektronnoogo zdravookhraneniya* [Medical worker and patient: interaction in e-health]. Minsk: Ekoperspektiva; 2020. 120 p. Russian.
4. Blazheev VV, Egorova MA. *Tsifrovoe pravo* [Digital law]. Moscow: Prospekt; 2020. 640 p. Russian.
5. Varlamova NV. Digital rights – the next generation of human rights? *Proceeding of the Institute of State and Law of the RAS*. 2019;4:9–46. Russian.
6. Rozhkova MA. [Is digital law a branch of law and should we expect a digital code?]. *Khoziaistvo i pravo*. 2020;4:3–12. Russian.
7. Buryanov MS. Global digital human rights in the context of digitalisation risks. *Vek globalizatsii*. 2020;3:54–70. Russian. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.05.
8. Safonova TV. [The concept and classification of information and digital rights and freedoms of man and citizen]. In: Arshanskii EYa, editor. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy 73-i Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov; 11 marta 2021 g.; Vitebsk, Belarus'* [Science for the education, industry, economics: proceedings of 73th Regional scientific and practical conference of scientists, researches and postgraduate students; 2021 March 11; Viciebsk, Belarus]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2021. p. 456–458. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.07.2022.
Received by editorial board 13.07.2022.

УДК 342

ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СВЯЗАННОЙ С ОКАЗАНИЕМ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В. В. ГОНЧАРОВ¹⁾

¹⁾Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
ул. Калинина, 13, 350044, г. Краснодар, Россия

Анализируются современные проблемы по организации и осуществлению общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи в Российской Федерации, а также вырабатывается система мер по их решению для развития данного института гражданского общества. Цель исследования состоит, во-первых, в изучении основных субъективных и объективных проблем, препятствующих эффективной организации и осуществлению общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, а также причин, их порождающих, во-вторых, в разработке и обосновании системы мероприятий по их решению. Объектом исследования выступают общественные отношения в области организации и осуществления общественного контроля в России за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи. Предметом исследования являются нормы российского законодательства об общественном контроле за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, а также конституционно-правовая доктрина в области формирования и функционирования института общественного контроля. Обосновывается позиция, согласно которой в Российской Федерации сложилась ситуация, когда деятельность, связанная с оказанием психиатрической помощи, не подвергается надлежащему контролю со стороны гражданского общества, что обусловлено, с одной стороны, отсутствием необходимой законодательной базы, а с другой – преувеличенной ролью общественных объединений врачей-психиатров в данном вопросе. Разработана и обоснована система мероприятий по решению проблем в организации и осуществлении общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, в том числе сформулированы предложения по оптимизации действующего законодательства как в области общественного контроля, так и в области регулирования оказания медицинских услуг.

Ключевые слова: психиатрическая помощь; Российская Федерация; общественный контроль; гражданское общество; объект; медицинские услуги; современные проблемы; перспективы развития; профессиональное сообщество; врачебная тайна.

Образец цитирования:

Гончаров ВВ. Организация и осуществление общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи: современные проблемы и перспективы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:27–32.

For citation:

Goncharov VV. Organisation and implementation of public control over activities related to the provision of psychiatric care: current problems and development prospects. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022; 2:27–32. Russian.

Автор:

Виталий Викторович Гончаров – кандидат юридических наук; доцент кафедры международного частного и предпринимательского права юридического факультета.

Author:

Vitaly V. Goncharov, PhD (law); associate professor at the department of international private and business law, faculty of law.
niipgergo2009@mail.ru

ORGANISATION AND IMPLEMENTATION OF PUBLIC CONTROL OVER ACTIVITIES RELATED TO THE PROVISION OF PSYCHIATRIC CARE: CURRENT PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

V. V. GONCHAROV^a

^a*Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
13 Kalinina Street, Krasnodar 350044, Russia*

This article is devoted to the analysis of modern problems associated with the organisation and implementation of public control over activities related to the provision of psychiatric care in the Russian Federation, as well as the development of a system of measures to resolve them in order to develop this institution of civil society. The purpose of the research is, firstly, to study the main subjective and objective problems that hinder the effective organisation and implementation of public control over activities related to the provision of psychiatric care, as well as the reasons that give rise to them, and secondly, to develop and substantiate a system of measures for their solution. The object of the research is public relations in the field of organisation and implementation of public control in Russia over activities related to the provision of psychiatric care. The subject of the research is the norms of Russian legislation on public control over activities related to the provision of psychiatric care, as well as the constitutional and legal doctrine in the field of the formation and functioning of the institution of public control. The author substantiates the position that in the Russian Federation a situation was developed when activities related to the provision of psychiatric care are not properly monitored by civil society, which is due, on the one hand, to the lack of the necessary legislative framework, and on the other hand, to the hypertrophied exaggerated role of public associations of psychiatrists in this matter. The author developed and substantiated a system of measures to resolve problems in the organisation and implementation of public control over activities related to the provision of psychiatric care, including proposals to optimise the current legislation both in the field of public control and in the field of regulation of the provision of medical services.

Keywords: psychiatric care; Russian Federation; public control; civil society; object; medical services; modern problems; development prospects; professional community; medical secrecy.

Введение

Вопросы взаимодействия общества и организаций (учреждений) здравоохранения детально исследуются в работах М. А. Ровкиной [1], А. А. Ожигановой [2], Я. Власова [3], Ю. П. Бойко и М. Е. Путина [4], Т. В. Семиной [5], С. А. Алыпкашевой, Д. Чотчаевой и Е. В. Ермолаевой [6], Е. Мороз и В. В. Гончарова [7], Я. Залесного, В. В. Гончарова и М. Савченко [8] и иных авторов. Данные работы имеют большое значение для развития механизма взаимодействия общества и системы здравоохранения в Российской Федерации. Важную роль в понимании такого взаимодействия играют работы В. В. Гриба [9], Я. Залесного и В. В. Гончарова [10], А. Сахбиевой, В. В. Гончарова, Е. Зацаринной, Д. Гордеевой, И. Калякиной и О. Игнатъевой [11]. Однако доля исследований, посвященных организации и осуществлению общественного контроля в отношении деятельности, связанной с оказанием психиатрической помощи, ничтожно

мала. При этом следует учитывать, что именно в России во времена СССР имелся печальный опыт использования психиатрии как вида медицинской деятельности в целях, противных здравоохранению. В частности, она применялась для борьбы с политическим инакомыслием, когда КГБ сформировал систему карательной психиатрии, жертвами работы которой стали тысячи граждан страны. В связи с этим основными целями данного исследования выступают анализ современных проблем, которые препятствуют организации и осуществлению общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи; разработка системы мероприятий по их разрешению; согласование законодательной базы в области оказания психиатрической помощи, а также организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации.

Основная часть

В любом современном демократическом государстве права и свободы человека и гражданина выступают в качестве базового принципа организации и деятельности общества и государства. Более того, процессы глобализации вызывают необходимость универсализировать национальные правовые системы в целях приведения их в соответствие с общепринятыми в международном масштабе нор-

мами и принципами, определяющими базовые права и свободы человека [12–16].

Конституция Российской Федерации 1993 г. также закрепила права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности государства, указав, что основная цель деятельности любых органов публичной власти и их должностных лиц состоит в реализации, охране и защите этих прав и свобод.

Однако в Российской Федерации необходимо разработать систему юридических гарантий, без которых права, свободы и законные интересы человека и гражданина имеют формальный характер, могут игнорироваться и не реализовываться (как органами публичной власти и их должностными лицами, так и любыми иными субъектами российского права). Основными целями создания системы юридических гарантий прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в России выступают, во-первых, обеспечение их реализации в полном объеме, во-вторых, охрана от нарушений со стороны любых субъектов российского права, в-третьих, восстановление прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, если они были нарушены, в-четвертых, привлечение к ответственности лиц, виновных в нарушении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Важнейшее место в системе юридических гарантий реализации, охраны, защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов человека и гражданина занимает институт общественного контроля, который, хоть и был закреплён чуть более 15 лет назад в российском законодательстве, имеет более чем полувековую предысторию в виде института народного контроля власти в СССР и РСФСР.

Институт общественного контроля в соответствии с российским законодательством представляет собой работу его субъектов по контролю за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, органов и организаций, осуществляющих публичные полномочия.

Функционирование института общественного контроля в Российской Федерации сопряжено с многочисленными трудностями, в числе которых можно выделить отсутствие в России развитой системы институтов гражданского общества, низкий уровень правовой культуры и правосознания, который мешает участию широких масс населения в мероприятиях общественного контроля, несовершенство действующего законодательства об общественном контроле, неполный охват органов публичной власти, а также органов и организаций, выполняющих отдельные публичные полномочия, мероприятиями общественного контроля.

По мнению автора настоящей статьи, последняя из вышеназванных проблем является наиболее важной. Ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») закрепила положение о том,

что значительная часть объектов общественного контроля не входит в состав предмета его ведения. Это решение было аргументировано тем, что организация и осуществление общественного контроля за данными объектами будут урегулированы отдельными федеральными законами. При этом на сегодняшний день ни один из них не принят. Это привело к тому, что вне контроля гражданского общества оказались практически все наиболее важные виды деятельности, осуществляемые органами публичной власти, органами и организациями, имеющими отдельные публичные полномочия, а также группы общественных отношений, в том числе деятельность по обеспечению обороны страны и безопасности государства, деятельность органов полиции, судов, органов следствия, общественные отношения в области выборов и референдумов, деятельность, связанная с оказанием психиатрической помощи, и т. п.

Одним из наиболее значимых среди вышеперечисленных объектов общественного контроля, по мнению автора настоящей статьи, выступает деятельность, связанная с оказанием психиатрической помощи.

В связи с тем что Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» вывел данный объект из предмета своего ведения, а отдельный федеральный закон по этому вопросу не принят, данное обстоятельство породило огромное количество проблем. В современной России отсутствие надлежащего контроля гражданского общества за оказанием психиатрической помощи позволяет использовать данную деятельность в незаконных целях, например в качестве средства давления на политически инакомыслящих граждан, предпринимателей, на физических лиц в целях получения опеки над ними (их имуществом).

Проблемы с организацией и осуществлением общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, можно классифицировать следующим образом:

- отсутствие отдельного федерального закона, посвященного данному вопросу;
- неопределенность круга субъектов общественного контроля, которые могут участвовать в организации и проведении мероприятий общественного контроля за рассматриваемой деятельностью¹;
- отсутствие специфических форм, методов и мероприятий общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, а также пределов их осуществления;
- необоснованное ограничение прав субъектов общественного контроля в части инициирования

¹В частности, Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» закрепляет в ст. 46 только две разновидности субъектов общественного контроля: общественные объединения врачей-психиатров и иные общественные объединения, которые в соответствии со своими уставами (положениями) вправе осуществлять контроль за соблюдением прав и законных интересов граждан. В свою очередь, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 3232-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вообще не описывает механизм организации и проведения мероприятий общественного контроля за теми или иными видами медицинской деятельности.

мероприятий общественного контроля только по просьбе граждан, которым оказывалась или оказывается психиатрическая помощь, либо с их согласия (в связи с тем что большинство подобных граждан лишены судом дееспособности, сам механизм получения данного согласия либо надлежащего оформления просьбы о проведении общественного контроля не ясен).

Для решения указанных проблем необходимо создать систему мероприятий, которые можно классифицировать следующим образом:

- разработка и принятие федерального закона, посвященного организации и осуществлению общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, а также подзаконных актов, в частности, Министерства здравоохранения Российской Федерации, детализирующих механизм взаимодействия органов публичной власти, организаций и учреждений здравоохранения с субъектами общественного контроля в процессе организации и проведения мероприятий общественного контроля;
- совершенствование имеющихся нормативно-правовых актов федерального уровня, посвященных как общим принципам организации и осуществления общественного контроля в стране (Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»), так и непосредственно процессам правового регулирования оказания медицинских услуг, включая психиатрическую помощь (Закон от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», далее – Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»);
- усиление контроля за деятельностью врачей-психиатров как в государственных и муниципальных, так и в частных учреждениях и организациях здравоохранения;
- усиление контроля за медицинскими учреждениями и организациями любых организационно-правовых форм и форм собственности в целом;

• взятие под общественный контроль деятельности профессиональных сообществ психиатров, так как представляется необоснованным осуществлять общественный контроль за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, силами самих общественных объединений врачей-психиатров во избежание коррупции, преступного сговора и конфликта интересов в связи с чрезвычайной замкнутостью и условной «кастовостью» врачебного сообщества психиатров в Российской Федерации;

- общее повышение уровня правовой культуры и правосознания, поскольку в Российской Федерации без создания на федеральном уровне системы мероприятий по их последовательному развитию в обществе невозможно добиться вовлечения широких масс населения в процессы организации и осуществления общественного контроля, в том числе и в проводимые мероприятия общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи гражданам;
- разработка и закрепление в действующем уголовном и административном законодательстве ряда уголовно-правовых и административно-правовых составов, согласно которым можно будет привлекать к уголовной и административной ответственности должностных лиц органов публичной власти, учреждения и организации здравоохранения, их должностных лиц, отдельных врачей-психиатров, противодействующих законной деятельности представителей субъектов общественного контроля в ходе организации и проведения мероприятий общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи;
- увеличение количества субъектов общественного контроля, которые будут уполномочены организовывать и проводить мероприятия общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи населению, а также расширение полномочий указанных субъектов общественного контроля.

Заключение

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» вывел из предмета своего ведения деятельность, связанную с оказанием психиатрической помощи, под предлогом необходимости принять отдельный федеральный закон, посвященный этому вопросу, который до сих пор не принят.

2. Это обстоятельство повлекло возникновение ряда нижеперечисленных проблем, связанных с организацией и осуществлением общественного контроля в отношении вышеназванного вида деятельности:

• законодательное поле функционирования данного института гражданского общества в отношении деятельности, связанной с оказанием психиатрической помощи, ограничивается лишь ст. 46 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», которая не детализирует механизм реализации гражданами и их общественными объединениями своего права на осуществление общественного контроля в отношении данного объекта;

• законодательно не урегулированы ни формы, ни методы, ни виды мероприятий общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи;

- в названном выше законе значительно преувеличена роль общественных объединений врачей-психиатров в реализации общественного контроля за рассматриваемым видом деятельности;

- критерии участия иных общественных объединений в организации и осуществлении общественного контроля в Законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» не указаны;

- число субъектов, уполномоченных организовывать и осуществлять общественный контроль за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи, согласно вышеназванному закону ограничено лишь общественными объединениями, в то время как согласно Федеральному закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» количество субъектов общественного контроля гораздо больше;

- закрепленные в Законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» права руководителей медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь, по согласованию условий посещения данных организаций представляются значительно преувеличенными, что создает препятствия для осуществления общественного контроля.

3. Разрешение названных выше проблем требует проведения мероприятий, важнейшими из которых выступают следующие:

- принятие федерального закона об общественном контроле за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи в Российской Федерации (как вариант, можно принять федеральный закон об основах общественного контроля за оказанием медицинских услуг в Российской Федерации,

в котором один из разделов будет посвящен осуществлению общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи);

- разработка Министерством здравоохранения Российской Федерации системы подзаконных нормативных правовых актов, посвященных детализации процесса взаимодействия органов здравоохранения государства, медицинских учреждений и организаций любых организационно-правовых форм и форм собственности, оказывающих психиатрическую помощь, с субъектами общественного контроля при организации и проведении мероприятий общественного контроля;

- расширение в действующем законодательстве числа форм, методов, видов мероприятий общественного контроля, которые могут применяться при общественном контроле за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи;

- дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами, криминализирующими действия сотрудников медицинских организаций, а также органов публичной власти, уполномоченных на управление в области здравоохранения, по противодействию законной деятельности представителей субъектов общественного контроля;

- дополнение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях новыми административными составами, которыми будет введена административная ответственность за действия сотрудников медицинских организаций, а также органов публичной власти, уполномоченных на управление в области здравоохранения, которыми создаются препятствия законной деятельности представителей общественного контроля.

Библиографические ссылки

1. Ровкина МА. Общественный контроль в системе управления здравоохранением. *Академический вестник*. 2014; 2(28):130–134.
2. Ожиганова АА. Здоровье и болезнь в эпоху неолиберализма. *Медицинская антропология и биоэтика*. 2018;1(15):6.
3. Власов Я. Включить мозги. *Современные страховые технологии*. 2020;5:16–19.
4. Бойко ЮП, Путин МЕ. Гражданское общество, здоровье человека и здравоохранение. *Население*. 2007;1:10–17.
5. Семина ТВ. *Медицина и общество. Солидарность и конфликт*. Москва: Канон+; 2020. 432 с.
6. Алыпкашева СА, Чотчаева Д, Ермолаева ЕВ. Здоровье как показатель благополучия общества. *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2016;6(1):89.
7. Moros E, Goncharov V. Modern dangers in the development of the Russian education system and ways to overcome them: socio-philosophical analysis. *Wisdom*. 2020;15(2):114–128. DOI: 10.24234/wisdom.v15i2.354.
8. Zaleśny J, Goncharov VV, Savchenko M. Model of the evolution of social development in the philosophy of global constitutionalism. *Wisdom*. 2019;13(2):51–61. DOI: 10.24234/wisdom.v13i2.277.
9. Гриб ВВ. Нормативное закрепление и научное видение системы объектов общественного контроля. *Юридическое образование и наука*. 2016;3:154–160.
10. Zaleśny J, Goncharov VV. View of the social concept of global constitutionalism on the legal system. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. 2020;23(2):1–6. DOI: 10.14742/ajet.1152.
11. Sakhibieva A, Goncharov V, Zatsarinnaya E, Gordeeva D, Kalyakina I, Ignatyeva O. Some global economic realities and environmental impact in the context of the pandemic: causes and trends. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_06054.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125806054.
12. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zaleśny Z, Pukhov A. Development of state ideology as a basis for improving the executive power. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05031.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125805031.

13. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zaleśny Z, Pukhov A. Prohibition of abuse of rights in agribusiness. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05033.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125805033.
14. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zaleśny Z, Pukhov A. Problems of choosing the optimal system of executive power in the Russian. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05032.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125805032.
15. Goncharov V, Zaleśny Z, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. On the importance of philosophical principles to the social concept of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;16(3):78–90. DOI: 10.24234/wisdom.v16i3.332.
16. Goncharov V, Zaleśny Z, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. The place of a person in the ontological principles of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;15(2):93–106. DOI: 10.24234/wisdom.v15i2.333.

References

1. Rovkina MA. Public control in the health care management system. *Akademicheskii vestnik*. 2014;2(28):130–134. Russian.
2. Ozhiganova AA. Health and disease in the era of Neoliberalism. *Medical Anthropology and Bioethics*. 2018;1(15):6. Russian.
3. Vlasov Ya. [Turn on the brains]. *Sovremennye strakhovye tekhnologii*. 2020;5:16–19. Russian.
4. Boyko YuP, Putin ME. [Civil society, human health and healthcare]. *Naselenie*. 2007;1:10–17. Russian.
5. Semina TV. *Meditsina i obshchestvo. Solidarnost' i konflikt* [Medicine and society. Solidarity and conflict]. Moscow: Kanon+; 2020. 432 p. Russian.
6. Alypkasheva SA, Chotchaeva D, Ermolaeva EV. [Health as an indicator of the well-being of society]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii*. 2016;6(1):89. Russian.
7. Moros E, Goncharov V. Modern dangers in the development of the Russian education system and ways to overcome them: socio-philosophical analysis. *Wisdom*. 2020;15(2):114–128. DOI: 10.24234/wisdom.v15i2.354.
8. Zaleśny J, Goncharov VV, Savchenko M. Model of the evolution of social development in the philosophy of global constitutionalism. *Wisdom*. 2019;13(2):51–61. DOI: 10.24234/wisdom.v13i2.277.
9. Grib VV. [Normative consolidation and scientific vision of the system of objects of public control]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 2016;3:154–160. Russian.
10. Zaleśny J, Goncharov VV. View of the social concept of global constitutionalism on the legal system. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. 2020;23(2):1–6. DOI: 10.14742/ajet.1152.
11. Sakhibieva A, Goncharov V, Zatsarinnaya E, Gordeeva D, Kalyakina I, Ignatyeva O. Some global economic realities and environmental impact in the context of the pandemic: causes and trends. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_06054.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125806054.
12. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zaleśny Z, Pukhov A. Development of state ideology as a basis for improving the executive power. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05031.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125805031.
13. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zaleśny Z, Pukhov A. Prohibition of abuse of rights in agribusiness. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05033.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125805033.
14. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zaleśny Z, Pukhov A. Problems of choosing the optimal system of executive power in the Russian. *E3S Web of Conferences* [Internet]. 2021 [cited 2022 August 1];258. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05032.pdf. DOI: 10.1051/e3sconf/202125805032.
15. Goncharov V, Zaleśny Z, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. On the importance of philosophical principles to the social concept of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;16(3):78–90. DOI: 10.24234/wisdom.v16i3.332.
16. Goncharov V, Zaleśny Z, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. The place of a person in the ontological principles of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;15(2):93–106. DOI: 10.24234/wisdom.v15i2.333.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2022.
Received by editorial board 28.01.2022.

УДК 34.09

ФОРМЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Н. М. КОНДРАТОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления в зарубежных странах: местный референдум, отзыв выборного лица, местные выборы, собрания (сходы) граждан, правотворческая инициатива, опрос граждан, обращение граждан и др. Приводятся примеры законодательного регулирования и практической реализации различных форм непосредственной демократии в системе местного самоуправления на примере отдельных стран.

Ключевые слова: местное самоуправление; формы местного самоуправления; местный референдум; отзыв выборного лица; местные выборы; собрания (сходы) граждан; правотворческая инициатива; опрос граждан; обращение граждан.

FORMS OF DIRECT DEMOCRACY IN THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN FOREIGN COUNTRIES

N. M. KONDRATOVICH^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The forms of direct democracy in the system of local self-government in foreign countries as a local referendum, a recall of an elected person, local elections, a meeting (gatherings) of citizens, a law-making initiative, a survey of citizens, an appeal of citizens, etc. are considered. There are proposed the examples of legislative regulation and practical implementation of various forms direct democracy in the system of local self-government on the example of individual countries.

Keywords: local government; forms of local government; local referendum; recall of an elected person; local elections; meetings (gatherings) of citizens; lawmaking initiative; survey of citizens; appeal of citizens.

Местное самоуправление, как форма самоорганизации граждан на определенной территории, позволяющая создавать достойные условия для проживания населения на ней и формирующая определенную степень ответственности за принятые решения, является одним из атрибутов современного демократического государства. Формы непо-

средственной демократии способствуют прямому осуществлению власти населением муниципального образования и являются важным элементом системы местного самоуправления. Изучение зарубежного опыта в рамках сравнительного анализа позволяет выявить эффективные формы непосредственной демократии в системе местного

Образец цитирования:

Кондратович НМ. Формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления в зарубежных странах. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:33–40.

For citation:

Kondratovich NM. Forms of direct democracy in the system of local self-government in foreign countries. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:33–40. Russian.

Автор:

Наталья Михайловна Кондратович – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Natallia M. Kondratovich, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law.
kondratovichn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7053-5789>

самоуправления и использовать оптимальные жизнеспособные формы в организации местной власти в Республике Беларусь.

Рассматривая формы непосредственной демократии в системе самоуправления, не следует их противопоставлять представительной демократии, поскольку непосредственная демократия предполагает максимальное сближение органов муниципальной власти и местного сообщества [1, с. 316].

В правовой науке выделяют две группы форм прямого волеизъявления граждан:

- формы обязательного характера позволяют выявить обязательную для исполнения волю населения муниципального образования (местный референдум обязательного характера, муниципальные выборы, собрания (сходы));
- формы рекомендательного характера способствуют выявлению общественного мнения населения по поводу местного самоуправления и позволяют соответствующим органам и должностным лицам принять (или не принять) решение с учетом мнения и интересов большей части населения (народная правотворческая инициатива, обращения граждан в органы местного самоуправления, конференции жителей по вопросам местного значения, опросы общественного мнения и т. д.).

Белорусские авторы, поддерживая в целом данный подход, предлагают отдельно рассматривать третью группу форм прямого волеизъявления граждан – «местные или гражданские инициативы граждан по осуществлению форм местной демократии» [1, с. 319]. С данной позицией можно согласиться.

Рассмотрим конкретные формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления за рубежом.

Высшим непосредственным выражением воли населения является местный референдум. Он проводится в целях решения населением вопросов местного значения и должен охватывать всю территорию данного образования.

Проведение местных референдумов предусмотрено ст. 132–133 Конституции Итальянской Республики 1947 г., ст. 140–141 Конституции Швейцарской Конфедерации 1999 г., ст. 170 Конституции Республики Польша 1997 г., ч. 1 ст. 136 Конституции Республики Болгария 1991 г., ст. 110 Конституции Республики Армения 1995 г., ст. 130 Конституции Российской Федерации 1993 г. и др.

Согласно Конституции Российской Федерации местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления через выборные и другие

органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 130)¹. В соответствии с ч. 1 ст. 123 Конституции Итальянской Республики каждая область имеет право регулировать в своем статуте референдум в отношении местных законов и административных положений.

Основной закон Федеративной Республики Германия 1949 г. закрепляет правовое регулирование принципов организации местного самоуправления (за исключением вопроса о статусе муниципальных служащих), а значит и регулирование институтов прямой демократии на местном уровне относится к компетенции земель. Основной закон лишь требует, чтобы региональное законодательство соответствовало «принципам республиканского, демократического и социального правового государства в духе... Основного закона» (ст. 28).

Регулирование института местного референдума и порядок его проведения в Швейцарии определяется кантонами. При этом есть отличительная особенность: на местном референдуме жители общины решают вопрос об одобрении или отклонении решения, принятого муниципальным органом общины.

Конституции и законы устанавливают следующие принципы проведения местного референдума: участие в нем является всеобщим и равным, голосование осуществляется непосредственно и добровольно, контроль за волеизъявлением граждан не допускается. Вопрос, выносимый на местный референдум, должен быть сформулирован таким образом, чтобы на него можно было дать однозначный ответ.

Предметом обязательного местного референдума обычно являются вопросы изменения территориального устройства, иногда – финансовые проблемы. Например, в Венгрии местное народное голосование в обязательном порядке проводится по вопросам об объединении и разъединении общин, образовании новой общины, о создании совместного представительного органа и о его разделении. Местное народное голосование проводится также по вопросам, которые определены самоуправленческим постановлением [2, с. 135].

В соответствии с ч. 3 ст. 29 Основного закона ФРГ референдум проводится в землях, из территорий или частей территорий которых должна быть образована новая земля или земля с новыми границами (заинтересованные земли). Голосование проводится по вопросу о том, должны ли заинтересованные земли оставаться в прежних границах или необходимо образовать новую землю или землю с новыми границами.

¹Местный референдум в Российской Федерации базируется на нормах ст. 130 Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Среди местных референдумов, проводимых в Швейцарии, можно выделить обязательные и факультативные. Уставы общин содержат закрытый список вопросов, решения по которым должны быть вынесены на обязательный референдум на местном уровне (референдум по нормативно-правовым актам (например, по уставу в новой редакции, по политическим регламентам, правилам землепользования и застройки), референдум по административным актам (например, по плану застройки), референдум по финансовым вопросам (по решениям о введении новых расходных статей местного бюджета сверх установленной суммы), референдум по вопросам муниципального сотрудничества (например, о вступлении и выходе из союза общин), референдум по особо важным вопросам согласно решению представительного органа и др.). На факультативный референдум могут быть вынесены решения органов местного самоуправления по вопросам, определенным в уставе общины, в случае, если в поддержку инициативы о проведении соответствующего референдума будет собрано определенное количество подписей участников референдума либо членов представительного органа общины².

В большинстве случаев местные референдумы факультативны. Так, в Швеции возможно проведение коммунальных, т. е. местных, референдумов, которые по юридической силе принятых на них решений могут быть только совещательными. Решение о проведении коммунального референдума в Швеции принимается депутатами собраний уполномоченных ландстингов или коммун. Более того, они должны принять такое решение, если соответствующее требование поддержат не менее 5 % избирателей. Коммунальный референдум может проводиться на территории ограниченного числа коммун. Правом участия в нем обладают все граждане, имеющие право голоса при выборах в собрания уполномоченных тех коммун, где проводится референдум. Проведение коммунальных референдумов подчинено определенным правилам, предусмотренным в специальном законе о коммунальных референдумах 1994 г. и в коммунальном законе 1991 г. В соответствии с законом о коммунальных референдумах дату проведения данного мероприятия устанавливают коммунальные представительные органы по согласованию с Центральным избирательным управлением Швеции. Это должно быть сделано не позднее трех месяцев до дня проведения коммунального референдума. Референдумный округ может охватывать один или несколько избирательных районов. Право на участие в коммунальном референдуме принадлежит только тем гражданам, которые достигли 18 лет и постоянно

проживают в соответствующей коммуне. Это право распространяется также и на граждан государств ЕС, граждан Норвегии и Исландии, постоянно проживающих в данной коммуне, иных иностранцев, постоянно проживающих на территории Швеции не менее трех последовательных лет. В каждом референдумном районе не позднее чем за 30 дней до дня проведения коммунального референдума, составляются избирательные списки на основании сведений, полученных по итогам последней переписи населения. Бюллетени и карточки для голосования, предназначенные для коммунальных референдумов, предоставляются Центральным избирательным управлением Швеции на основе специального заявления. Подсчет результатов осуществляют избирательные комиссии. Они составляют специальный протокол об итогах коммунального референдума и направляют его собранию уполномоченных ландстинга, которое обнародует окончательные результаты. Сами же бюллетени, использованные в ходе коммунального референдума, печатаются избирательной комиссией и хранятся в течение не менее одного года с даты подсчета голосов [3, с. 157–158].

Референдум считается состоявшимся, если в нем участвовали более половины лиц, обладающих правом голоса. Предложение считается принятым, если более половины участвовавших в голосовании высказались «за».

В законодательстве зарубежных государств (где предусматривается возможность проведения местного референдума) обычно устанавливаются пределы допустимого использования местного референдума. Так, Закон Республики Армения от 28 июня 2018 г. № ЗР-347 «О местном референдуме» в ч. 1 ст. 4 закрепляет перечень вопросов, которые не могут выноситься на местный референдум: вопросы, касающиеся прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, устранения или ограничения конституционных гарантий, обеспечивающих их осуществление; вопросы, связанные с полномочиями, делегированными государственным органам или органам местного самоуправления; вопросы о формировании аппарата главы муниципалитета; вопросы принятия или изменения муниципального бюджета, а также выполнения или изменения финансовых обязательств муниципалитета; вопросы об отчуждении муниципальной собственности; вопросы защиты населения, проведения чрезвычайных и срочных мероприятий, обеспечивающих здоровье и безопасность; вопросы, причиняющие вред памятникам истории, культуры, природы и заповедникам; вопросы, касающиеся местных налогов, пошлин, платежей; вопросы создания

²Так, в Берне требуется собрать 1500 подписей участников референдума в течение 60 дней с даты публикации правового акта, а в Цюрихе – 2000 подписей участников референдума или подписи одной трети членов представительного органа города в течение 30 дней с даты публикации правового акта.

межмуниципальных объединений; вопросы, которые уже были вынесены на местный референдум в течение предыдущего года.

В Болгарии путем референдума не могут решаться вопросы общинного бюджета и местного налогообложения, а также местные вопросы, для которых закон предусматривает специальный порядок.

Повторный местный референдум по тому же вопросу или по вопросу с идентичным содержанием может проводиться по истечении определенного законодательством срока (в Болгарии и Армении не ранее чем через два года со дня официального опубликования результатов местного референдума по данному вопросу, в Германии – через пять лет [2, с. 138]).

Данная форма прямого участия граждан в самоуправлении реализуется достаточно активно³.

В большинстве демократических стран выборы в органы местного самоуправления проводятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Пассивное избирательное право устанавливается в пределах 18–25 лет. Одновременно формулируются и иные цензовые требования: ценз оседлости, несовместимости занятия других постов на государственной службе или в выборных органах, в судах и т. д.

Срок полномочий депутатского корпуса органов местного самоуправления различен. В США он составляет 2–4 года, в Швейцарии – 3–4 года (в разных кантонах), в Великобритании, Дании, Испании, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Швеции – 4 года, в Германии (в ряде земель) – 4–5 лет, в Италии, Ирландии – 5 лет, в Бельгии, Франции, Люксембурге – 6 лет.

Так, в ст. 28 Основного закона ФРГ предусмотрено, что в землях, округах и общинах народ должен иметь представительство, созданное в результате проведения всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов. На выборах в округах и общинах правом избирать и быть избранными согласно праву европейского сообщества обладают также лица, которые имеют гражданство государства – члена европейского сообщества. Законодательство предусматривает различные способы выдвижения кандидатов в выборные органы местного самоуправления: подача петиции с подписями установленного законом числа жителей данного избирательного округа, обладающих избирательными правами, в поддержку кандидата на выборную должность; выдвижение от политической партии; самовыдвижение.

В некоторых странах выборные должностные лица могут быть досрочно отозваны со своих по-

стов избирателями или избравшим их органом. Так, в Японии право отзыва существует только на местном уровне. В США, Швейцарии, России право отзыва на федеральном уровне не признается, однако в отдельных штатах, кантонах, субъектах указанных государств право отзыва определенных должностных лиц может быть осуществлено. К примеру, в Швейцарии избиратели вправе на референдуме принять решение о досрочном прекращении полномочий кантонального парламента, т. е. все депутаты законодательного органа кантона отзываются одновременно. В России подобный порядок досрочного прекращения полномочий выборных должностных лиц урегулирован в законодательстве ряда субъектов.

Граждане Перу имеют право отзываться следующих должностных лиц: главу муниципального исполнительного органа (алькальда), членов муниципальных советов (рехидоров), должностных выборных лиц регионального уровня, выборных магистратов (судейских должностных лиц). Право отзыва в отношении выборных должностных лиц муниципального и регионального уровней не может быть осуществлено в течение первого и последнего года срока их полномочий. С инициативой отзыва вправе выступить избиратели определенного избирательного округа. С этой целью они подают в соответствующий избирательный орган заявление, под которым стоят подписи не менее 25 % избирателей (но не более 400 тыс. подписей). Национальный судебный совет по выборам назначает дату голосования об отзыве, причем такое голосование должно состояться не позднее чем через 90 дней после подачи заявления. Выборное лицо считается отозванным, если за это проголосовали более половины избирателей (50 % плюс один голос). Открывшаяся в результате вакансии заполняется путем выдачи мандата Национальным судебным советом по выборам лицу, стоящему следующим в списке. Однако если отозванными оказываются не менее одной трети членов муниципального совета, то назначаются досрочные выборы. Отозванное должностное лицо может выдвигаться кандидатом на следующих выборах на ту же должность [4, с. 156–157].

В Китае избиратели и органы, избравшие депутата, вправе отозвать его досрочно. Письменные предложения об отзыве депутатов уездных и волостных собраний народных представителей с указанием причин такой инициативы могут направляться в постоянный комитет уездного собрания, подписанные не менее чем 30 избирателями соответствующего избирательного округа. Депутат имеет право устно

³Согласно статистике Центрального избирательного комитета Российской Федерации в период с 2004 по 2016 г. было проведено 466 референдумов. Однако вопросы, которые выносились на обсуждение, в большинстве касались либо территориального деления, либо самообложения граждан. Например, в 2016 г. из 61 референдума в муниципальных образованиях России 10 были по вопросу преобразования, а остальные – по вопросу самообложения. В голосовании приняли участие чуть больше половины жителей таких муниципальных образований.

или письменно изложить на собрании свое мнение о выдвинутых основаниях отзыва. Оба документа рассылаются избирателям, после чего постоянный комитет направляет ответственного работника для руководства процессом голосования об отзыве. Депутат считается отозванным, если за отзыв проголосовало более половины избирателей данного округа. На сессиях уездных или других вышестоящих собраний народных представителей президиум собрания или более $\frac{1}{10}$ депутатов вправе предложить отозвать депутата вышестоящего собрания, избранного соответствующим собранием. В период между сессиями с такой инициативой могут выступить советы председателей постоянных комитетов или не менее $\frac{1}{5}$ членов постоянного комитета, избравшего депутата собрания. Депутат, об отзыве которого идет речь, имеет право на ответ на заседании президиума или пленарном заседании собрания, а также на письменный ответ. Голосование об отзыве проводится на пленарном заседании. Для отзыва требуются голоса более чем половины депутатов собрания народных представителей, а в период между сессиями – более чем половины состава постоянного комитета. Об отзыве следует сообщить постоянному комитету вышестоящего собрания. Письменное заявление об отзыве депутата от армии, избранного прямым голосованием, может быть заявлено группой не менее чем 10 граждан первоначального избирательного округа. Инициировать отзыв депутата вышестоящего собрания народных представителей могут избирательные комиссии полка и выше. Голосование проводится после обсуждения вопроса избравшим депутата собранием народных представителей. Решение об отзыве направляется в постоянный комитет собрания народных представителей равного уровня и в войсковую избирательную комиссию вышестоящей ступени для сведения. Голосование об отзыве депутата тайное [4, с. 177–178].

Общее собрание (сход) граждан – институт, предполагающий совместное решение общественно значимых вопросов гражданами, проживающими на определенной территории. Данный институт предусмотрен Европейской хартией местного самоуправления. В соответствии с ч. 2 ст. 3 этого документа в случаях, предусмотренных законом, местное самоуправление может осуществляться путем обращения к собраниям граждан.

В большинстве швейцарских кантонов (в 23 из 26) сходы избирателей (*Landsgemeinde*) рассматриваются как основной орган власти в низших территориальных единицах. Данный институт широко распространен в Германии и других странах на уровне мелких сельских общин.

Различают сход граждан по месту проведения и характеру решаемых вопросов, по обязательности проведения.

По месту проведения общие собрания (сходы) граждан могут быть сельскими и городскими. Согласно ст. 25 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») сход граждан может проводиться для решения вопросов местного значения в поселении, где полномочия представительного органа муниципального образования осуществляет сход граждан, если численность жителей поселения, обладающих избирательным правом, составит более 100 человек.

По обязательности проведения можно выделить обязательные и факультативные собрания (сходы). Обязательные собрания (сходы) граждан созываются органами власти в случаях, прямо предусмотренных конституцией или законом (иным правовым актом), по определенному кругу вопросов, в специально предусмотренных случаях или в установленное время. Факультативные общие собрания (сходы) граждан (иногда они называются чрезвычайными (дополнительными) собраниями и созываются для рассмотрения срочных, неотложных дел) проводятся по инициативе должностных лиц или органов власти либо инициативных групп граждан. В современных государствах общие собрания (сходы) граждан также чаще всего созываются должностными лицами или органами власти. Вместе с тем институт общего собрания (схода) может предусматривать закрепление права инициативы созыва собрания за определенным числом граждан – членов общего собрания (схода) [5, с. 382–383].

Публичные слушания представляют собой широко распространенную в мире модель обеспечения участия граждан в процессе принятия решений на местном уровне. Публичные слушания проводятся для обсуждения проектов правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования по инициативе граждан представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования.

Публичные слушания возникли в США в 1920-х гг.⁴ и лишь во второй половине XX в. получили распространение в большинстве стран Европы. Публичные слушания представляют собой механизм, аналогичный по форме открытым собраниям, который также предусматривает допуск граждан к обсуждению вопросов местного управления. Однако по своей сути публичные слушания принципиально

⁴ Обязанность муниципалитетов по проведению публичных слушаний на этапе рассмотрения принимаемых местными властями законов и ряда постановлений по наиболее важным для локального сообщества вопросам впервые в мире была закреплена в США в 1923 г.

отличаются от собраний тем, что направлены (в соответствии с американской практикой) не столько на удовлетворение потребности жителей участвовать в местных делах и контролировать работу чиновников, сколько на повышение качества муниципального управления. Так, в штате Нью-Йорк каждый закон, принятый местными органами власти, должен пройти процедуру публичных слушаний.

В США муниципалитеты вправе самостоятельно регулировать порядок организации публичных слушаний на своей территории, вносить коррективы в перечень вопросов, по которым они проводятся. Однако базовые требования к проведению слушаний закреплены в ряде федеральных законов и уточнены сводом муниципального права штата.

В соответствии с Кодексом штата Вашингтон (*Revised Code of Washington*) устанавливаются определенные требования по бюджету к проведению слушаний. Бюджетные слушания проводятся ежегодно в первый понедельник октября (упомянутый кодекс определяет исключение из этого правила, указывая на возможность проведения слушаний по бюджету в первый понедельник в декабре или в другую дату). Уведомление о проведении слушаний публикуется не позднее чем за две недели до этой даты, при этом оно должно выходить в официальной газете округа (графства) один раз в неделю в течение двух недель подряд сразу после принятия предварительного бюджета. Сами бюджетные слушания могут длиться несколько дней (но не превышать в общей сложности пять дней), в течение которых любой налогоплательщик может высказаться за или против любой части бюджета [6, с. 278].

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на публичные слушания должны выноситься следующие вопросы:

1) проект устава муниципального образования, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав, кроме случаев, когда изменения в устав вносятся исключительно в целях приведения закрепляемых в уставе вопросов местного значения и полномочий по их решению в соответствие с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами;

2) проект местного бюджета и отчет о его исполнении;

3) проекты планов и программ развития муниципального образования, проекты правил землепользования и застройки, проекты планировки территорий и проекты межевания территорий, а также вопросы предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, вопросы отклонения от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения одного вида разрешенного использования земель-

ных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки;

4) вопросы о преобразовании муниципального образования.

Порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования, нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования и должен предусматривать заблаговременное оповещение жителей муниципального образования о времени и месте проведения публичных слушаний, предварительное ознакомление с проектом муниципального правового акта, а также другие меры, обеспечивающие участие жителей муниципального образования в публичных слушаниях, опубликование (обнародование) результатов публичных слушаний, включая мотивированное обоснование принятых решений. Наряду с печатными вариантами размещения информации о проведении публичных слушаний уведомления размещают и на сайтах органов власти. Публикация объявления о проведении публичных слушаний в электронном виде позволяет также использовать механизмы обратной связи и получать от граждан заявки об участии в слушаниях в электронном виде, предложения по вопросам публичных слушаний также могут быть поданы в электронном виде через сайт или направлены на электронную почту.

Правотворческая инициатива – это форма участия населения в местном самоуправлении, которая заключается во внесении инициативной группой граждан, обладающих активным избирательным правом, проекта муниципального правового акта по вопросам местного значения в орган местного самоуправления или должностному лицу органа местного самоуправления, рассмотрение которого для них является обязательным. По результатам рассмотрения должно быть принято официальное мотивированное решение в письменной форме, которое будет доведено до сведения всех членов инициативной группы граждан.

Стадии реализации правотворческой инициативы следующие: формирование и регистрация инициативной группы, внесение и регистрация правотворческой инициативы, сбор подписей в поддержку правотворческой инициативы, рассмотрение правотворческой инициативы органами и должностными лицами местного самоуправления.

В Российской Федерации минимальная численность инициативной группы граждан не может превышать 3 % от численности жителей муниципального образования, обладающих активным избирательным правом. В Венгрии местные нормативные акты могут быть приняты в результате инициативы 5–10 % граждан, проживающих на соответствующей территории.

Внесенный проект муниципального правового акта подлежит обязательному рассмотрению органом или должностным лицом местного самоуправления, к компетенции которых относится принятие соответствующего акта в течение установленного срока (в Российской Федерации в течение трех месяцев со дня его внесения). Представителям инициативной группы граждан должна быть обеспечена возможность изложить свою позицию при рассмотрении указанного проекта. Мотивированное решение, принятое по результатам рассмотрения проекта муниципального правового акта, должно быть в письменной форме официально доведено до сведения внесшей его инициативной группы граждан.

Опрос граждан проводится на всей территории муниципального образования или на части его территории для выявления мнения населения и его учета при принятии решений органами и должностными лицами местного самоуправления, а также органами государственной власти. Результаты опроса носят рекомендательный характер. Это означает, что органы местного самоуправления могут использовать в своей работе изученное общественное мнение по вопросам местного значения.

В опросе граждан имеют право участвовать жители, обладающие избирательным правом. Порядок назначения и проведения опроса граждан определяется нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. В нормативном правовом акте о назначении опроса граждан формулируются вопросы, предлагаемые гражданам, устанавливаются дата и сроки, методики проведения опроса, форма опросного листа, количество лиц, которые должны быть опрошены. Так, согласно Закону города Москвы от 6 ноября 2011 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» проведение опроса иницирует глава муниципального образования или представительный орган. Инициатива главы муниципального образования о проведении опроса рассматривается в течение 30 дней со дня ее поступления в представительный орган. Жители муниципального образования должны быть проинформированы о проведении опроса не менее чем за 10 дней. Продолжительность опроса не может составлять более чем 14 дней с даты, определенной решением представительного органа о назначении опроса. Результаты опроса публикуются в интернете в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа.

Право граждан на индивидуальные и коллективные обращения, установленное конституциями

и законодательством зарубежных стран, может быть реализовано и на уровне местного самоуправления в соответствии с нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований.

Так, граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления (и обращения к их должностным лицам), в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и обращения к их должностным лицам⁵. Должностные лица местного самоуправления обязаны дать письменный ответ по существу обращений граждан в органы местного самоуправления в течение одного месяца.

В законодательстве многих стран в последние годы было закреплено понятие «электронное обращение». Например, согласно ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 4 мая 2007 г. № 67 «О порядке рассмотрения обращений граждан» электронное обращение – обращение заявителя, поступившее на официальный адрес электронной почты государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, рассматриваемое в порядке, установленном ст. 6-1 упомянутого закона.

Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”» были внесены изменения, которыми введена электронная форма обращений, а само понятие «обращение гражданина» стало определяться как направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления.

Технически обращения в форме электронного документа могут быть направлены различными способами: через государственную автоматизированную систему, специальный сервис приема и первичной обработки обращений граждан, создаваемый на базе официального сайта органа власти, официальный сайт органа публичной власти, личную почту должностного лица, указанную на официальном сайте органа публичной власти в качестве контактных данных, и др.

⁵Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 02.01.2022).

Граждане современных демократических государств активно вовлечены в деятельность органов местного самоуправления, инициативно проявляют себя во всех формах непосредственной демократии на местах. Обращает на себя внимание тот факт, что в зарубежных странах выработана целостная система форм непосредственной демократии на уровне местного самоуправления. Это дает широкие возможности для граждан использовать их и повышать эффективность деятельности органов местного самоуправления. В то же время особое внимание в ближайшей перспективе уделяется

вопросу дальнейшего увеличения объема государственных электронных услуг, которые стремительно развиваются, поскольку повышение уровня информатизации в сфере работы с гражданами и организациями является одним из основополагающих принципов при дебюрократизации государственного аппарата.

Полагаем, оправдавший себя практический опыт реализации форм непосредственной демократии в системе местного самоуправления в зарубежных странах будет полезен для дальнейшего совершенствования законодательства в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Василевич ГА, Киселева ТМ, Куневич ГГ, Масловская ТС, Шахновская ИА. *Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах*. Минск: Право и экономика; 2022. 400 с.
2. Кондратович НМ. К вопросу о формах непосредственной демократии в системе местного самоуправления в зарубежных странах. В: Василевич ГА, редактор. *Конституционное право как фактор динамичного развития белорусского государства: история и современность: материалы Республиканской научно-практической конференции; 15 октября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 134–138.
3. Ракитская ИА. Референдум в Швеции: особенности организации и правила проведения. *Московский журнал международного права*. 2015;3:148–160.
4. Маклаков ВВ, редактор. *Зарубежное избирательное право*. Москва: НОРМА; 2003. 288 с.
5. Руденко ВН. Институт общего собрания (схода) граждан в современном публичном праве. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2002;3:378–413.
6. Миронова СМ. Зарубежный опыт участия граждан в финансовой деятельности муниципальных образований. *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2017;2:275–280.

References

1. Vasilevich GA, Kiseleva TM, Kunevich GG, Maslovskaya TS, Shakhovskaya IA. *Mestnoe samoupravlenie v Belarusi i zarubezhnykh stranakh* [Local self-government in Belarus and foreign countries]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2022. 400 p. Russian.
2. Kondratovich NM. [On the question of the forms of direct democracy in the system of local self-government in foreign countries]. In: Vasilevich GA, editor. *Konstitutsionnoe pravo kak faktor dinamichnogo razvitiya belorusskogo gosudarstva: istoriya i sovremennost': materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 15 oktyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Constitutional law as a factor in the dynamic development of the Belarusian state: history and modernity: materials of the Republican scientific and practical conference; 2021 October 15; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 134–138. Russian.
3. Rakitskaya IA. Referendum in Sweden: specific features of organisation and practice. *Moscow Journal of International Law*. 2015;3:148–160. Russian.
4. Maklakhov VV, editor. *Zarubezhnoe izbiratel'noe pravo* [Foreign suffrage]. Moscow: NORMA; 2003. 288 p. Russian.
5. Rudenko VN. [Institute of the general meeting (gathering) of citizens in modern public law]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2002;3:378–413. Russian.
6. Mironova SM. International experience of citizen participation in the financial activities of municipalities. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute*. 2017;2:275–280. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2022.
Received by editorial board 28.01.2022.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 341.6(076.5)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. Н. РОМАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются причины формирования специальных процессуальных норм, регулирующих особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий трансграничных гражданских дел на примере Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи (принята в Гааге 23 ноября 2007 г.). Делается вывод о том, что для международных договоров, относящихся к категории самоисполнимых, необходимым и достаточным для эффективной правоприменительной деятельности является принятие постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, разъясняющих особенности рассмотрения и разрешения соответствующих категорий дел.

Ключевые слова: международный договор; гражданское процессуальное право; имплементация международных норм.

Образец цитирования:

Романова ОН. Некоторые проблемы имплементации норм международных договоров в цивилистическое процессуальное законодательство Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:41–48.

For citation:

Ramanava ON. Some problems of implementation of international norms in national civil procedural law. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:41–48. Russian.

Автор:

Ольга Николаевна Романова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Olga N. Ramanava, PhD (law), docent; head of the department of civil procedure and labour law, faculty of law. ramanavaon@bsu.by

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL NORMS IN NATIONAL CIVIL PROCEDURAL LAW

O. N. RAMANAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The reasons for the formation of special procedural rules regulating the specifics of the consideration and resolution of certain categories of cross-border civil cases are investigated on the example of the Convention on the international procedure for the recovery of alimony and other forms of family maintenance (concluded in the Hague on 23 November 2007). It is concluded that for international treaties belonging to the category of self-executing, it is necessary and sufficient for effective law enforcement activity to adopt resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus explaining the specifics of consideration and resolution of the relevant categories of cases.

Keywords: international treaty; civil procedural law; implementation of international norms.

Введение

Изменения, вносимые в цивилистические процессуальные кодексы Республики Беларусь, в последние годы демонстрируют устойчивую тенденцию к расширению круга трансграничных дел, требующих, с точки зрения законодателя, специального регулирования порядка их рассмотрения и разрешения. Так, Законом Республики Беларусь от 8 ноября 2018 г. № 142-З «О внесении дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) введена ст. 561-1 «Особенности рассмотрения просьб о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи». Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» в ГПК введена гл. 28-2 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа». При этом в первом случае законодатель посвятил особенностям рассмотрения и разрешения просьб о взыскании алиментов одну статью (ст. 561-1), разместив ее в разд. XX ГПК «Международный гражданский процесс», во втором же сформировал целую главу в разд. VI ГПК «Исковое производство в суде первой инстанции», проигнорировав, по сути, очевидный трансграничный характер этой категории дел. Следует отметить, что в проекте Кодекса гражданского судопроизводства¹ (далее – КГС) данное обстоятельство было учтено законодателем, и названным выше категориям дел посвящены отдельные главы, размещенные в разд. VII КГС «Международный гражданский процесс» (гл. 52 «Производство по просьбам о признании или признании и исполнении решений иностранных судов о взыскании алиментов на детей,

просьбам о вынесении решений и о совершенствовании решений о взыскании алиментов на детей в международном порядке», гл. 53 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа»).

В Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) также произошли важные изменения: Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 89-З «Об изменении законов по вопросам медиации» гл. 29 ХПК «Производство по делам об обжаловании решений международных арбитражных (третейских) судов, третейских судов, иных постоянных арбитражных органов, находящихся на территории Республики Беларусь» дополнена нормами, регулирующими порядок рассмотрения и разрешения заявлений о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение международного медиативного соглашения. При этом в проекте КГС разработчики предлагают в разд. VII включить гл. 51 «Производство по делам о признании и приведении в исполнение международных медиативных соглашений».

«Формирование специальных норм определено общими закономерностями функционирования и развития системы права» [1, с. 14]. Тенденция введения в процессуальные кодексы новых институтов (норм), регулирующих специфику рассмотрения и разрешения трансграничных дел, – частный случай общей тенденции дифференциации цивилистического процессуального права, размещения в кодифицированных актах процессуальных норм, регулирующих процессуальные особенности рассмотрения и разрешения конкретных категорий дел или отдельных указанных в законе дел [2, с. 169, 171].

¹Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://forumpravo.by/files/Proekt_KGS_Verhovnij_synd_04.03.2022.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

Юридическая наука, в том числе наука гражданского процессуального права, всегда искала и ищет причины необходимости внесения изменений, дополнений, появления на свет новых норм, институтов, отраслей права. Найдя их, можно в будущем предвидеть последствия аналогичных причин, в какой-то мере повлиять на получение нужного последствия [2, с. 229]. Новые нормы и институты в гражданском процессуальном праве могут появляться вследствие самых разнообразных обстоятельств [2, с. 232], например изменений или дополнений в материальном праве, требующих специфических средств защиты, принятия нормативных актов организационного характера и т. д. В юридической литературе причины образования специальных норм условно делят на объективные и субъективные. К первым относят своеобразие регулируемых правом общественных отношений, ко вторым – приоритеты социальной политики, лишенные объективной основы законодательные традиции, соображения классификационного характера [1, с. 16].

Лежащей на поверхности внешней причиной появления в ГПК и ХПК специальных процессуальных норм, регулирующих особенности рассмотрения и разрешения перечисленных выше дел, является ратификация Республикой Беларусь ряда международных договоров и необходимость реализовать на практике соответствующие нормы, в частности положения Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи (принята в Гааге 23 ноября 2007 г.; далее – Конвенция о международном порядке взыскания алиментов), Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей (принята в Гааге 25 октября 1980 г.), Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (принята в Сингапуре 7 августа 2019 г.).

В юридической литературе предлагают различать общую и специальную имплементацию. Общая имплементация заключается в установлении государством в своем внутреннем праве нормы, констатирующей наличие международно-правового сорегулятора в сфере действия национального права. Способом общей имплементации является общая (универсальная) отсылка к международному праву. Специальная национально-правовая имплементация (внутриправовая имплементация, трансформация) заключается в том, что государство придает конкретным нормам международного права силу внутригосударственного действия, что осу-

ществляется путем изменения действующего законодательства². Применительно к гражданскому процессуальному праву общими имплементирующими нормами (авторский термин М. В. Мещановой [3, с. 71]) являются ст. 543 ГПК и ч. 3 ст. 25 ХПК. В соответствии с указанными нормами в сфере гражданского и хозяйственного судопроизводства Республика Беларусь устанавливает приоритет международных договоров над национальным законодательством: если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о гражданском или хозяйственном судопроизводстве Республики Беларусь, применяются правила международного договора Республики Беларусь. Несмотря на наличие в процессуальных кодексах общих имплементирующих норм законодатель, как уже было сказано, в последние годы все активнее осуществляет специальную имплементацию – вносит соответствующие дополнения (специальные процессуальные нормы, регулирующие особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел) в процессуальные кодексы. При этом, как известно, механизм имплементации международных норм является сложной категорией, включающей в себя, кроме законодательного механизма, совокупность различных правовых и организационных средств. Учитывая изложенное, актуальными представляются несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных вопросов: какова роль международных договоров в формировании специальных процессуальных норм и институтов, регулирующих особенности рассмотрения отдельных категорий трансграничных дел; является ли возникновение в процессуальных кодексах перечисленных выше специальных процессуальных норм (институтов) объективной необходимостью, если учитывать наличие в гражданском процессуальном законодательстве общей имплементирующей нормы, или оно вызвано субъективными причинами; насколько эффективен данный законодательный имплементационный механизм с точки зрения интересов правоприменителя?

Ответы на эти вопросы можно получить, проведя компаративный анализ появившихся в результате специальной (внутриправовой) имплементации норм процессуальных кодексов и норм соответствующих международных договоров. В настоящей публикации мы ограничимся анализом норм ст. 561-1 ГПК, регуливающей особенности рассмотрения просьб о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов.

²Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы общей части) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ульяновск : Ульян. гос. ун-т, 2006. С. 83.

Основная часть

В соответствии с ч. 2 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах» нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) нормативного правового акта.

В развитие данного положения ст. 10 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о нормативных правовых актах) предусматривает следующие основания для принятия (издания) нормативных правовых актов, направленных на реализацию международных договоров и иных международных правовых актов:

- исполнение международных договоров и иных международных правовых актов невозможно без принятия (издания) соответствующих нормативных правовых актов;
- из содержания международных договоров и иных международных правовых актов следует необходимость принятия (издания) соответствующих национальных нормативных правовых актов.

В указанных нормах отражены два способа воздействия норм международного права на цивилистическое процессуальное право, которые предопределены видом международного договора. «Самоисполнимые международные договоры после их ратификации не нуждаются в принятии последующего имплементационного внутреннего законодательства, поэтому суды общей юрисдикции в рамках конкретного правоприменения используют нормы самоисполнимого международного договора непосредственно. Несамостоятельные международные договоры требуют принятия внутреннего имплементационного законодательства, что обуславливает необходимость использования судами общей юрисдикции данного законодательства»³.

Следует отметить, что деление международных договоров на указанные выше две категории – самостоятельные и несамостоятельные – весьма условно. Во-первых, сами нормы (не договор в целом), содержащиеся в одном международном договоре, могут быть разными по своему характеру (самоисполнимыми и несамостоятельными), что затрудняет однозначную квалификацию данного документа. Во-вторых, критерии деления договоров (норм) на два вида (по сути, это основания для принятия (издания) нормативных правовых актов, направ-

ленных на реализацию международных договоров, установленные ст. 10 Закона о нормативных правовых актах) относятся к оценочным категориям: необходимо решить возможно или невозможно исполнение международных договоров без принятия (издания) соответствующих нормативных правовых актов, а также следует или не следует из содержания международных договоров необходимость в принятии (издании) соответствующих национальных нормативных правовых актов.

Очевидно, что наличие либо отсутствие перечисленных оснований для принятия (издания) нормативных правовых актов определяет нормотворческий орган. Является ли конкретный договор самоисполнимым, может определить лишь само государство, его законодательная практика и никто более⁴ [4, с. 147]. Однако всегда ли законодатель при принятии решения руководствуется только теми критериями, которые изложены в ст. 10 Закона о нормативных правовых актах, или во внимание принимаются (должны приниматься) и иные факторы, влияющие на эффективность реализации норм международных договоров?

Сравнительный анализ (с терминологической и содержательной точек зрения) Конвенции о международном порядке взыскания алиментов и принятой в ее исполнение ст. 561-1 ГПК позволяет сделать вывод о том, что включение в ГПК соответствующих норм было продиктовано в большей степени субъективными, нежели объективными причинами. Практически все нормы Конвенции о международном порядке взыскания алиментов являются самоисполнимыми, из ее содержания не следует необходимость принятия (издания) национальных нормативных правовых актов. Исключение составляет норма п. 1 ст. 4, в соответствии с которой договаривающееся государство должно назначить центральный орган для осуществления функций, возложенных названной конвенцией на указанный орган. Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2017 г. № 83-З «О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи» в качестве такого органа было определено Министерство юстиции Республики Беларусь. Это единственная норма, принятие которой было продиктовано объективной необходимостью. Соответственно, причину появления ст. 561-1 ГПК следует искать среди причин, не относящихся к объективным. Понимая, что полученный резуль-

³Воронцова И. В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15. Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2015. С. 13.

⁴Там же. С. 152.

тат будет являться во многом предположением, мнением автора настоящей публикации, проведем компаративный анализ в целях выявления этих причин.

В первую очередь обращает на себя внимание следующий важный, с точки зрения автора настоящей статьи, момент. Для обозначения предмета регулирования (совокупности дел) ст. 561-1 ГПК использует обобщенный термин «просьбы о взыскании алиментов». Этим термином законодатель обозначил несколько принципиально разных категорий дел, которые условно можно разделить на две группы, исходя из их сущности и, как следствие, по признаку применяемой для их разрешения процедуры.

В первую группу входят дела искового производства (о взыскании алиментов, о совершенствовании решения о взыскании алиментов). Оба вида дел рассматриваются по правилам искового производства с учетом положений Конвенции о международном порядке взыскания алиментов (ч. 6, 9 ст. 561-1 ГПК).

Вторая группа включает дела о признании решения или о признании и исполнении решения, которые рассматриваются по правилам приложения 4 к ГПК с учетом положений Конвенции о международном порядке взыскания алиментов.

В силу ч. 2 ст. 561-1 ГПК просьбы о взыскании алиментов законодатель абсолютно обоснованно наделил статусом процессуального документа, требования к форме и содержанию которого устанавливаются Конвенцией о международном порядке взыскания алиментов.

Таким образом, в одной ст. 561-1 действующего ГПК и в одной гл. 52 проекта КГС объединены две принципиально разные группы дел, одни из которых решают вопрос материального права в рамках искового производства, другие – вопрос процессуального права в рамках производства о признании и принудительном исполнении иностранных судебных решений. При этом применительно и к первой, и ко второй группе дел законодатель не устанавливает процедуру их рассмотрения, а отсылает к соответствующим правилам ГПК (проекта КГС) – правилам искового производства и правилам производства по делам о признании и принудительном исполнении иностранных судебных решений.

Как уже было сказано, к делам искового производства по терминологии ст. 561-1 ГПК относятся дела о вынесении решения о взыскании алиментов и о совершенствовании решения о взыскании алиментов. В ч. 5 ст. 561-1 ГПК законодатель частично продублировал норму Конвенции о международном порядке взыскания алиментов о допустимости просьб о вынесении решения (подп. с, d ст. 10), сделав это не вполне удачно, поскольку, во-первых,

не удалось избежать отсылки к нормам Конвенции о международном порядке взыскания алиментов, а, во-вторых, в документах не отражен существенный момент, касающийся применения при необходимости норм Конвенции о международном порядке взыскания алиментов к сопутствующим требованиям об установлении материнства и (или) отцовства.

В соответствии со ст. 561-1 ГПК для всех просьб (как подлежащих рассмотрению в исковом производстве, так и в производстве по делам о признании и принудительном исполнении иностранных решений) установлено специальное правило родовой подсудности: они относятся к ведению областных судов или Минского городского суда. В части, касающейся просьб о признании и принудительном исполнении иностранных судебных решений, это правило дублирует положение, закрепленное в ГПК, применительно ко всем делам о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений (ст. 2 приложения 4 ГПК). А для просьб, подлежащих рассмотрению в порядке искового производства (о вынесении решения и о совершенствовании решения), данная статья устанавливает исключение из общего правила родовой подсудности (ст. 42 ГПК). Возникает следующий вопрос: чем вызвано подобное специальное регулирование? Очевидно, что отсутствие специального правила не создало бы препятствий в реализации норм Конвенции о международном порядке взыскания алиментов, поскольку применялось бы общее правило родовой подсудности и эти дела могли бы рассматриваться районными (городскими) судами. Как правило, причиной отнесения тех или иных дел к компетенции вышестоящих судов является их специфика, сложность, повышенная общественная значимость. В данном случае весомым аргументом в пользу установления исключения из общего правила родовой подсудности является сложность дела, вызванная многими обстоятельствами, к числу которых в первую очередь следует отнести трансграничный характер дела и необходимость проверки судом ряда условий допустимости просьб (среди них есть вопросы экзекватуры, относящиеся к компетенции судов областного уровня).

Исходя из смысла ч. 1 ст. 561-1 ГПК и ст. 545 проекта КГС применительно ко всем просьбам, подаваемым как кредитором, так и должником, на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов установлены единые (альтернативные) правила территориальной подсудности. Так, просьбы о признании решения, о признании и исполнении решения, о вынесении решения, о совершенствовании решения о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном

порядке взыскания алиментов, поступившие через Министерство юстиции Республики Беларусь, рассматриваются областным или Минским городским судом по месту жительства (месту пребывания) лица, имеющего право на получение алиментов (кредитора), или лица, обязанного уплачивать алименты (должника). Просьбы о взыскании алиментов рассматриваются также областным, Минским городским судом по месту нахождения имущества лица, обязанного уплачивать алименты (должника).

Подобное регулирование вызывает целый ряд вопросов. В частности, с точки зрения законодательной техники не вполне понятно, по какой причине три критерия альтернативной подсудности названы в разных предложениях ч. 1 ст. 561-1 ГПК. Первые два критерия перечислены с использованием союза *или*, а третий критерий – с использованием союза *также*. Буквальное толкование анализируемой нормы не дает оснований интерпретировать ее иначе, как норму, устанавливающую три равнозначных альтернативных варианта. При этом установление единых альтернативных правил территориальной подсудности для всех видов просьб не соответствует Конвенции о международном порядке взыскания алиментов. Например, в соответствии со ст. 18 «Ограничения при возбуждении производства» данной конвенции до тех пор, пока кредитор продолжает проживать в государстве, где было вынесено решение, должник не может возбудить процедуру по совершенствованию решения, вынесению нового решения в каком-либо ином договариваемом государстве, т. е. по общему правилу такие процедуры могут быть возбуждены только по месту жительства кредитора. Исключения из этого правила приведены в п. 2 ст. 18 рассматриваемой конвенции. Если в нарушение п. 1 ст. 18 Конвенции о международном порядке взыскания алиментов будет вынесено решение, должен последовать отказ в его признании и исполнении (п. f ст. 22). Приведем еще один пример: в ст. 20 Конвенции о международном порядке взыскания алиментов перечислены основания признания и исполнения решений, вынесенных в одном договариваемом государстве, в других договаривающихся государствах. По сути, данная норма перечисляет правила международной подсудности, соблюдение которых должно гарантировать последующую реализацию судебных решений в договаривающихся государствах. В частности, решение будет удовлетворять требованиям рассматриваемой конвенции в следующих случаях:

- ответчик постоянно проживал в государстве вынесения решения на момент начала производства;

- ответчик подчиняется юрисдикции этого иного договариваемого государства непосредственно или в рамках конкретного случая, не заявив возражений при первой возможности;

- кредитор постоянно проживал в государстве вынесения решения на момент начала производства;

- ребенок, в пользу которого взыскиваются средства на содержание, постоянно проживал в государстве вынесения решения на момент начала производства при условии, что ответчик проживал совместно с ребенком либо проживал и выплачивал средства на содержание ребенка в данном государстве;

- между сторонами имеется соглашение о выборе юрисдикции в письменной форме, за исключением споров по обязательствам по содержанию детей;

- решение было вынесено органом, осуществляющим юрисдикцию по вопросам личного статуса или родительской ответственности, если только такая юрисдикция не обоснована исключительно гражданством одной из сторон.

Таким образом, ГПК, с одной стороны, не содержит перечня всех предусмотренных Конвенцией о международном порядке взыскания алиментов правил подсудности относительно просьб о взыскании алиментов, а с другой – устанавливает иное, не предусмотренное данной конвенцией, правило: подачу просьб по месту нахождения имущества лица, обязанного уплачивать алименты (должника).

Обращают на себя внимание также норма ч. 8 ст. 561-1 ГПК и п. 2 ст. 547 проекта КГС, предусматривающие способы и основания совершенствования решения о взыскании алиментов. Необходимость закрепить данную норму в ГПК (и, соответственно, в КГС) вызывает большие сомнения по следующим соображениям. Упомянутая норма регулирует два вопроса, один из которых является процессуальным, а второй – материально-правовым. С процессуальной точки зрения ч. 8 ст. 561-1 ГПК и п. 2 ст. 547 проекта КГС касаются последствий вступления решения по делящимся правоотношениям (только одной их разновидности – алиментным) в законную силу. Однако в этом специальном регулировании нет необходимости, поскольку норма лишь повторяет общее правило, закрепленное в ч. 2 ст. 318 ГПК, в соответствии с которой, если по вступлении в законную силу решения суда по делящимся правоотношениям сторон (присуждение периодических платежей и т. п.) изменяются обстоятельства, на которых оно основано, каждая сторона вправе путем предъявления нового иска требовать вынесения нового решения. Что касается материально-правового вопроса (изменение раз-

мера алиментов, способов и порядка их уплаты), то он урегулирован в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье, и оснований для его дублирования в процессуальном кодексе нет.

Применительно к делам о признании и исполнении решений ч. 4 ст. 561-1 ГПК содержит норму, дублирующую ст. 21 Конвенции о международном порядке взыскания алиментов: решение иностранного суда о взыскании алиментов, которое не может быть признано и исполнено в Республике Беларусь в целом, должно быть признано и исполнено в любой отделимой части, которая может быть признана и исполнена, без изменения решения по существу.

Подводя итог анализу правового регулирования порядка рассмотрения просьб о взыскании алиментов (ст. 561-1 ГПК, гл. 52 проекта КГС), подаваемых на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов, можно сделать следующие основные выводы. В процессуальном законодательстве Республики Беларусь были частично продублированы (не всегда полно и точно) нормы Конвенции о международном порядке взыскания алиментов,

а ст. 561-1 ГПК представляет собой своего рода краткое содержание указанной конвенции. Без обращения к первоисточнику – нормам Конвенции о международном порядке взыскания алиментов – реализовать предусмотренные ст. 1 данной конвенции цели не представляется возможным. Три нормы ст. 561-1 ГПК являются отсылочными и отправляют правоприменителя либо к правилам соответствующих производств ГПК, которые должны применяться с учетом положений Конвенции о международном порядке взыскания алиментов (ч. 5, 7 ст. 561-1 ГПК, п. 2, 3 ст. 546 проекта КГС), либо к нормам самой конвенции (ч. 2 ст. 561-1 ГПК, п. 2 ст. 544 проекта КГС). Новыми, объективно необходимыми нормами, не предусмотренными Конвенцией о международном порядке взыскания алиментов, являются только положения о родовой подсудности исковых дел, возбуждаемых по просьбам на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов и о сроке направления судом в Министерство юстиции Республики Беларусь копии судебных постановлений по результатам рассмотрения просьб.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что причина появления нормы ст. 561-1 ГПК кроется в первую очередь в потребностях правоприменительной практики, в частности в информационной потребности. Очевидно, что непосредственному применению норм любого международного договора могут мешать многие факторы (уровень международно-правовой подготовки судьи, недостаточная определенность и ясность норм международного договора и др.). Язык международных договоров, в частности Конвенции о международном порядке взыскания алиментов, безусловно, сложно назвать простым. Языковая проблема права в целом является актуальной и многоаспектной [5, с. 3–15]. В международных договорах она усугубляется столкновением различных не всегда терминологически и содержательно совмести-

мых национальных систем права. Поэтому, если мы имеем дело с международным договором, который относится к категории самоисполнимых, простое дублирование ряда его норм в национальном законодательстве (полная или частичная автоматическая инкорпорация), равно как и издание трансформационного инкорпорирующего акта или отсылка к нормам конкретного международного договора, вряд ли решат проблему «информационного голода» правоприменителя и приведут лишь к неоправданному «разбуханию» нормативного материала. В связи с этим необходимым и достаточным для эффективной правоприменительной деятельности является принятие постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, разъясняющего судам особенности рассмотрения и разрешения соответствующих категорий дел.

Библиографические ссылки

1. Баулин ОВ. *Специальные нормы в гражданском процессуальном праве*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 1997. 104 с.
2. Шерстюк ВМ. *Категории диалектики в гражданском и арбитражном процессуальном праве*. Москва: Городец; 2022. 256 с.
3. Мещанова МВ. Место международных договоров в системе источников международного частного права. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2020;3:69–77.
4. Усенко ЕТ. *Очерки теории международного права*. Москва: Норма; 2008. 240 с.
5. Гриценко АС, Антонов АВ. Простой язык права. Постановка проблемы, общие подходы и современные тенденции. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;1:3–15.

References

1. Baulin OV. *Spetsial'nye normy v grazhdanskom protsessual'nom prave* [Special norms in civil procedural law]. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University; 1997. 104 p. Russian.
2. Sherstyuk VM. *Kategorii dialektiki v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessual'nom prave* [Categories of dialectics in civil and arbitration procedural law]. Moscow: Gorodets; 2022. 256 p. Russian.
3. Miashchanava MV. Place of international treaties in the system of sources of international private law. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2020;3:69–77. Russian.
4. Usenko ET. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays on the theory of international law]. Moscow: Norma; 2008. 240 p. Russian.
5. Gritsenko AS, Antonov AV. The plain language of law. Statement of the problem, general approaches and current trends. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022;1:3–15. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.07.2022.
Received by editorial board 08.07.2022.

УДК 347.19(347.72)

НОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРИЩЕСТВ И ОБЩЕСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Л. В. ЦАРЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Право хозяйственных товариществ и обществ традиционно характеризуется достаточно высокой динамикой изменений, что закономерно с учетом взаимосвязи этой области права с развитием экономических отношений. Вместе с тем изменение видового разнообразия компаний путем создания новых организационных форм происходит довольно редко и, как правило, воспринимается как незаурядное нововведение, характеризуется как реформа и привлекает особое внимание доктрины и практики. В настоящем исследовании дается обзор создания новых организационных форм товариществ и обществ в Беларуси, Германии и Польше в ходе последних 30 лет, выявляются цели такого рода реформ и мотивы, побуждающие соответствующих законодателей к их проведению. Соглашаясь с тем, что новые организационные формы компаний создаются в исторически уникальной экономической, социальной и политической среде каждого государства, автор приходит к выводу, что на современном этапе реформы национального корпоративного права, сопряженные с созданием новых форм товариществ и обществ, ориентированы на максимально гибкое регулирование малого и среднего бизнеса в условиях конкуренции правопорядков. При введении новых организационных форм нормы о действующих организационных формах выполняют роль системообразующих и применяются субсидиарно по вопросам, не урегулированным специальными нормами.

Ключевые слова: сравнительное корпоративное право; организационная форма юридического лица; хозяйственное общество; хозяйственное товарищество.

NEW LEGAL FORMS OF COMPANIES AT THE PRESENT STAGE: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

L. V. TSAROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The law of business partnerships and companies has traditionally been characterised by a fairly high rate of change, which is logical given the correlation between this area of law and the development of economic relations. At the same time, changes in the type diversity of companies through the creation of new organisational forms are quite rare and are usually perceived as an extraordinary innovation, characterised as a reform and attracting special attention of doctrine and practice. The article provides an overview of new organisational forms of partnerships and societies creation in Belarus, Germany and Poland over the past 30 years, identifying the aims of such reforms and the motivations of the concerned legislators to implement them. While recognising that new company forms are created in the historically unique economic, social and political environment of each state, the author concludes that the current stage of national corporate law reforms associated with the creation of new forms of partnerships and companies is focused on providing maximum flexibility in the regulation of small and medium-sized businesses in a competitive legal framework. When introducing new organisational forms, the

Образец цитирования:

Царёва ЛВ. Новые организационные формы хозяйственных товариществ и обществ на современном этапе: сравнительно-правовой анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2: 49–57.

For citation:

Tsarova LV. New legal forms of companies at the present stage: a comparative legal analysis. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:49–57. Russian.

Автор:

Людмила Васильевна Царёва – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Liudmila V. Tsarova, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law. tsareva@bsu.by

rules on the existing organisational forms play a systemic role and are applied subsidiarily on matters not regulated by special rules.

Keywords: comparative company law; organisational form of legal entity; business company; business partnership.

Введение

Современная система хозяйственных товариществ и обществ в Беларуси существует всего около 30 лет. В 2018 г. в ходе реновации Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК Беларуси) внесено предложение сократить видовое разнообразие коммерческих организаций за счет упразднения хозяйственных товариществ^{1*}. В некоторых странах, напротив, наблюдается тенденция по созданию новых организационных правовых форм товариществ и обществ, ориентированных на мелкий и средний бизнес. Примерами являются партнерство с ограниченной ответственностью (*limited liability partnership*) в Великобритании, общество предпринимателей с ограниченной ответственностью (*Unternehmergeellschaft mit beschränkter Haftung*, далее – *UG*), партнерство лиц свободных профессий (*Partnerschaftsgesellschaft*, далее – *PartG*) в Германии, упрощенное общество с ограниченной ответственностью (*Societe a responsabilita limitata simplificata*) и общество, преследующее коммерческие и некоммерческие цели (*Societa benefit*) в Италии, частная компания (*IKE*) в Греции, партнерское товарищество (*spółka partnerska*), коммандитно-акционерное товарищество (*spółka komandytowo-akcyjna*), а также простое акционерное общество (*prosta spółka akcyjna*, далее – *PSA*) в Польше и т. д. Во всех названных слу-

чаях речь идет о национальных реформах, проведение которых было инициировано государством, а не следовало из обязательств по гармонизации или унификации международного или интеграционного характера.

Такая разновекторность тенденций развития корпоративного права в части видового разнообразия товариществ и обществ в Беларуси и в зарубежных странах ставит вопрос о факторах и причинах, побуждающих законодателей к проведению соответствующих реформ. Данный вопрос исследуется на основе изучения законодательства о новых организационных формах компаний, созданных в Беларуси, Германии и Польше за последние 30 лет. Обращение к опыту Германии предопределено глубиной степенью доктринальной разработки и длительным периодом поступательного развития права компаний, в то время как изучение опыта Польши представляет интерес для Беларуси в связи с территориальной близостью, а также в связи с успехами в трансформации экономической системы из социалистической в рыночную. Внимание акцентируется только на создании новых организационных форм товариществ и обществ (их подвидов), внутренние изменения существующих организационных форм не затрагиваются.

Основная часть

Белорусское право хозяйственных товариществ и обществ характеризуется относительно юным «возрастом» по сравнению с аналогичными институтами Германии и Польши. Правовые основы создания хозяйственных обществ были закреплены Законом Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «Об акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью»^{2*}. С момента вступления в силу указанного документа в государстве стало возможным создание трех вынесенных в его название организационных правовых форм. Формы хозяйственных товариществ (полного и коммандитного) стали доступны для использования с 1 июля 1999 г. (момент вступления в силу ГК Беларуси 1998 г.).

Как известно, необходимость проведения реформы гражданского законодательства, в рамках которой в столь короткий период (семь лет) были разработаны правовые основы создания и функционирования хозяйственных обществ и товариществ, возникла из-за кардинальных геополитических изменений (распад Советского Союза и приобретение Беларусью независимости), сопровождавшихся сменой экономического курса (с централизованной и плановой экономики на рыночную).

Обратим внимание на то, что формально имеются юридические основания говорить о восстановлении (а не возникновении) права хозяйственных товариществ и обществ в правовой системе государства, поскольку институт торговых товариществ был

^{1*} Проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

^{2*} В ходе реформы 2006 г. закон приобрел более краткое наименование – Закон Республики Беларусь 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах». См.: Закон Республики Беларусь от 10 января 2006 г. № 100-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “Об акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью”».

известен дореволюционному праву, которое применялось на территории современной Беларуси, и гражданскому законодательству БССР. В Своде законов Российской империи, которые с конца XIX в. действовали на белорусских землях, товариществом признавалось «соединение нескольких лиц, которые ставят задачей своей совместной деятельности извлечение для себя прибыли от какого-нибудь хозяйственного предприятия. Таковы товарищества полное, на вере, акционерное, биржевое и трудовые артели» [1, с. 120–121].

В советский период институт товариществ регламентировался гражданским кодексом^{3*}. Гражданский кодекс БССР в редакции 1927 г. содержал разд. XI «Товарищества», состоящий из пяти подразделов, отражающих их видовое разнообразие: простое товарищество (ст. 313–331), полное товарищество (ст. 332–348), товарищество на вере (ст. 349–354), товарищество с ограниченной ответственностью (ст. 355–358) и акционерное общество (паевое товарищество, ст. 359–403). Примечательно, что этот раздел находился в гл. «Обязательственное право», а система организационных форм товариществ выстраивалась по образцу немецкого права, базируясь на нормах о договоре простого товарищества. Впоследствии под влиянием социалистической идеологии последовательно реализовался отказ от частного права^{4*}, что неминуемо привело к поэтапному сокращению, а затем к полному исключению отношений, оформляемых посредством торговых товариществ. В Гражданском кодексе БССР 1964 г., последнем гражданском кодексе советского периода и непосредственном предшественнике действующего ГК Беларуси, норм о хозяйственных товариществах и обществах не содержалось, что в контексте настоящего исследования позволяет говорить именно о создании в начале 1990-х гг. новых организационных форм корпоративного права. Фактически товарищества и общества как виды организаций для осуществления коммерческой деятельности предлагалось использовать поколению, воспитанному на идее функционирования экономики по принципу «для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»^{5*}, едва ли знакомому с принципами частного права и не имеющему правовых традиций ведения бизнеса в такой форме.

Более того, законодательство о хозяйственных товариществах и обществах было принято в об-

ратной последовательности по сравнению с эволюционным развитием этих институтов: сначала закон о хозяйственных обществах (1992), а затем ГК Беларуси, содержащий нормы о товариществах (1998). На этапе начального развития права компаний данное обстоятельство предопределило использование именно института хозяйственных обществ на практике и, возможно, сыграло не последнюю роль в отсутствии последующего интереса к товариществам.

Отметим также, что при принятии ГК Беларуси в 1998 г. законодатель в значительной степени воспринял положения Модельного гражданского кодекса для стран СНГ, который разрабатывался в переходный период с опорой на положения документа над названием «Основы гражданского законодательства СССР». По образцу упомянутого модельного кодекса ГК Беларуси включил в систему субъектов, образованных на основе объединения имущества граждан и юридических лиц и обладающих статусом юридического лица, хозяйственные товарищества и общества.

Последующее развитие корпоративного законодательства Беларуси изобиловало многочисленными изменениями, в том числе направленными на повышение привлекательности белорусской юрисдикции для иностранных инвесторов и IT-сектора, адаптацию отдельных организационных форм для потребностей малого и среднего бизнеса, упрощение создания и реорганизации хозяйственных обществ. При этом новые организационные правовые формы товариществ и (или) обществ не вводились.

Изменение видового разнообразия хозяйственных товариществ и обществ в Беларуси может произойти в случае реализации законодателем предложения об упразднении форм хозяйственного товарищества (полного и коммандитного). По мнению инициаторов такого предложения, достаточным основанием для этого служит невостребованность таких форм практикой, поскольку со времени вступления в силу ГК Беларуси в стране было создано всего три хозяйственных товарищества (одно полное и два коммандитных)^{6*}. При реализации данного проекта необходимо будет исключить не только специальные нормы о товариществах, но и откорректировать целый ряд статей, содержащих общие положения о юридических лицах, товариществах и обществах.

^{3*} Изначально это был разд. X «Товарищества» (ст. 276–366) Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. На территории Республики Беларусь он был введен в действие с 1 марта 1923 г.

^{4*} Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. Т. 1. С. 34.

^{5*} Там же.

^{6*} Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi_obosnovanie.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

На этапе обсуждения проекта указанная инициатива вызвала критику в научной литературе [2, с. 68], тем не менее проект был направлен в парламент без каких-либо изменений в этой части.

Германское право товариществ и обществ^{7*} (*Gesellschaftsrecht*) имеет более чем столетнюю непрерывную историю развития и справедливо считается одним из наиболее разработанных и в доктринальном, и в прикладном планах. За последние 30 лет видовое разнообразие в праве товариществ и обществ расширилось за счет введения двух новых форм: с 1995 г. стало возможным учреждение лицами свободных профессий особого вида товарищества – *PartG*, а в 2008 г. появилось *UG*.

В отличие от Беларуси, малый и средний бизнес в Германии активно использует весь спектр организационных форм товариществ. Более того, модель простого товарищества (*Gesellschaft bürgerlichen Rechts*, т. е. товарищество гражданского права, далее – *GbR*) сохраняет свой статус базовой правовой конструкции для всего права компаний [3, S. 950]. Не взирая на отсылку в названии товарищества на гражданское (а не торговое) право и его регламентацию Германским гражданским уложением, *GbR* может быть зарегистрировано в ведомстве по коммерческой деятельности (*Gewerbeamt*), что влечет признание за товариществом элементов правоспособности (например, оно может самостоятельно предстать перед судом в лице управляющего).

Согласно господствующему в доктрине мнению организационные формы полного товарищества (*Offene Handelsgesellschaft*), партнерства лиц свободных профессий (*PartG*), командитного товарищества (*Kommanditgesellschaft*) являются производными от формы простого товарищества [3, S. 949], на что указывают и отсылочные нормы, закрепляющие субсидиарное применение положений о простом товариществе, если специальными нормами о соответствующем виде товарищества не предусмотрено иное (ч. 3 ст. 105 Германского торгового уложения, ч. 4 ст. 1 закона о партнерствах). Новейшие изменения законодательства о товариществах, которые вступят в силу 1 января 2024 г.^{8*}, развивают концепцию правоспособного простого товарищества, за-

крепляя, что оно само может быть носителем прав и обязанностей, также у него могут быть собственные активы. *GbR*, обладающее правоспособностью, может быть внесено в коммерческий регистр, при этом необходимо указать соответствующее название (*eGbR*). Также товарищество этой формы можно внести в добровольный публичный реестр. Эта по общему правилу необязательная для существования простого товарищества регистрация в целях обеспечения прозрачности корпоративных отношений будет необходимым условием для совершения от его имени таких юридических сделок, как преобразование в соответствии с законом о реорганизации, приобретение акций других компаний или недвижимости.

Торговые товарищества Германии (включая гибридные разновидности^{9*}) не являются юридическими лицами. При этом они имеют юридическую самостоятельность, поскольку в силу ст. 124 Германского торгового уложения полное товарищество может под своим именем приобретать права и нести обязанности, вступая в гражданские и торговые правоотношения, приобретать имущество, иметь собственные активы, быть истцом и ответчиком в суде. Вместе с тем полные товарищи несут полную неограниченную ответственность по долгам товарищества, поскольку по общему правилу модель полного товарищества не знает разделения ответственности между самим товариществом и его участниками, характерного для компаний, основанных на объединении капиталов (*Haftungstrennungsprinzip der Kapitalgesellschaften*).

PartG, как новая организационная форма товарищества, введена в оборот в 1995 г. путем принятия закона о партнерствах лиц свободных профессий^{10*}. Ее введение было предопределено тем, что профессиональная деятельность лиц свободных профессий традиционно не расценивалась как торговый промысел, в связи с чем организационно-правовые формы полного или командитного товарищества не подходили для таких сфер. По основным характеристикам эта форма находится между простым и полным товариществом^{11*}. Закон о партнерствах лиц свободных профессий содержит многочислен-

^{7*} Право Германии не проводит терминологического различия между товариществами и обществами, используя термин *Gesellschaft* для обеих категорий, при этом четко разграничивает общества, основанные на объединении лиц (*Personengesellschaften*), и общества, основанные на объединении капиталов (*Kapitalgesellschaften*). Для лаконичности и более легкого выстраивания аналогий общества, основанные на объединении лиц, в настоящей статье именуются товариществами.

^{8*} Gesetz zur Modernisierung des Personengesellschaftsrechts [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bmj.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/DE/Personengesellschaftsrecht.html> (Datum der Bewerbung: 10.07.2022).

^{9*} К гибридным разновидностям товариществ немецкого права относят командитное товарищество, где в качестве единственного полного товарища выступает общество с ограниченной ответственностью (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung und Compagnie Kommanditgesellschaft, GmbH & Co. KG*), и командитное товарищество, где в качестве единственного полного товарища выступает общество предпринимателей с ограниченной ответственностью (*Unternehmergesellschaft mit beschränkter Haftung und Compagnie Kommanditgesellschaft, UG & Co. KG*).

^{10*} Gesetz über Partnerschaftsgesellschaften Angehöriger Freier Berufe [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/partgg/> (Datum der Bewerbung: 10.07.2022).

^{11*} *Führich E. R. Wirtschaftsprivatrecht. München : Verl. Vahlen. 3. Aufl. 2001. S. 341.*

ные отсылочные нормы к Германскому торговому уложению как источнику регулирования полного товарищества (ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 4, ч. 2 ст. 5 и др.), а также предусматривает субсидиарное применение положений Германского гражданского уложения, регулирующих деятельность простого товарищества (ч. 4 ст. 1).

Форма *PartG* специально предназначена для объединений лиц свободных профессий^{12*}. Идея этой организационной формы – обеспечить возможность кооперироваться лицам одной профессии и при этом уйти от модели солидарной ответственности за профессиональные ошибки, совершенные иными партнерами. Ключевые отличительные признаки данной формы касаются видов деятельности и ответственности партнеров. *PartG* может создаваться только для объединения физических лиц определенных профессий, если это предусмотрено соответствующим специальным законодательством о соответствующем виде деятельности. Особенностью ответственности участников *PartG* является то, что партнер несет ответственность личным имуществом только за свою профессиональную деятельность (ст. 8 закона о партнерствах лиц свободных профессий). Иными словами, субсидиарную солидарную ответственность личным имуществом перед кредитором несут только те партнеры, которые участвовали в выполнении конкретного заказа или поручения.

В качестве разновидности *PartG* в 2013 г. введено так называемое партнерство с ограниченной профессиональной ответственностью (*Partnerschaftsgesellschaft mit beschränkter Berufshaftung*, далее – *PartG mbB*), основное отличие которого от обычного партнерства лиц свободных профессий заключается в ограничении ответственности партнеров страховой суммой по страхованию профессиональной ответственности (ч. 4 ст. 8 закона о партнерствах лиц свободных профессий). Этот вариант партнерства стал реакцией на активное использование иностранных организационных форм, позволяющих ограничить ответственность партнеров. *PartG mbB* может применяться только для осуществления тех видов деятельности, для которых страхование ответственности регулируется специальным зако-

нодательством о конкретных профессиях и, соответственно, пригодно для объединений налоговых консультантов, аудиторов, юристов, архитекторов, инженеров-консультантов^{13*}. Для того чтобы ограничение ответственности партнеров имело силу, в наименовании товарищества должно содержаться указание на данное ограничение (*mit beschränkter Haftung, mbH*).

С 1 января 2024 г. планируется сделать доступной возможность использования для деятельности лиц свободных профессий организационно-правовых форм торговых товариществ (полное, командитное и его разновидности, например *GmbH & Co. KG*) путем прямого указания в специальном профессиональном законодательстве.

Обобщая рассмотрение введения в немецком праве партнерства как разновидности товарищества, следует обратить внимание на эволюцию института товариществ под влиянием развития общественных отношений, в том числе интеграционных процессов. Хотя форма партнерства и регулируется самостоятельным законом, она все же «вписана» в систему действующих организационных форм посредством целого ряда отсылочных норм и взаимосвязей.

Импульсом для создания *UG* в Германии стало решение Суда Европейского союза по делу «Центрос»^{14*} 1999 г. о толковании норм о свободе учреждения. Оно позволило мелкому и среднему бизнесу беспрепятственно выбирать юрисдикцию для создания компаний в рамках ЕС с возможностью последующего осуществления деятельности в любой стране без потери правосубъектности, чем вовлекло традиционно замкнутое национальное корпоративное право в конкуренцию правопорядков и активизировало циркуляцию идей по упрощению права частных компаний.

С юридической точки зрения *UG* представляет собой разновидность общества с ограниченной ответственностью (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung*, далее – *GmbH*). Особенности правового положения *UG* предусмотрены в ст. 5 закона об обществах с ограниченной ответственностью^{15*}, а в части, не урегулированной специальными нормами, в отношении *UG* применяются нормы о *GmbH*.

^{12*} Согласно ч. 2 ст. 1 закона о партнерствах лиц свободных профессий, как правило, свободные профессии предполагают личное, автономное и профессионально независимое предоставление услуг высокого уровня на основе специальной профессиональной квалификации или творческого таланта в интересах клиентов и широкой общественности. Занятость по свободной профессии в смысле настоящего закона – это независимая деятельность врачей, стоматологов, ветеринаров, немедицинских практиков, физиотерапевтов, акушеров, натуропатических массажистов, квалифицированных психологов, юристов, патентных поверенных, аудиторов, налоговых консультантов, экономистов-консультантов и бизнес-экономистов, сертифицированных бухгалтеров, налоговых агентов, инженеров, архитекторов, коммерческих химиков, пилотов, штатных экспертов, журналистов, фотожурналистов, устных и письменных переводчиков и представителей аналогичных профессий, а также ученых, художников, писателей, учителей и воспитателей.

^{13*} Параллельно для компенсации ограничения ответственности с позиции клиента закон предусмотрел увеличение обязательного страхования профессиональной ответственности таких лиц.

^{14*} Centros Ltd v Erhvervsog Selskabsstyrelsen [Electronic resource]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=c-212/97> (date of access: 10.07.2022).

^{15*} Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gmbhg/> (Datum der Bewerbung: 10.07.2022).

Помимо официального наименования, используется также неформальное обозначение такой формы – мини-*GmbH*. Поводом для этого стала такая отличительная характеристика, как минимальный размер уставного капитала *UG*, который составляет 1 евро. Объявленный уставный фонд должен быть сформирован в полном объеме к моменту регистрации. Учитывая, что *UG* может создаваться с очень незначительным уставным капиталом, его фирменное наименование в обязательном порядке должно содержать в себе указание на организационную форму общества – *UG*.

В связи с тем что законодатель все же преследует цель формирования уставного фонда в объеме 25 тыс. евро и последующего перехода *UG* в *GmbH*, общество обязано в конце каждого года формировать специальный фонд в размере $\frac{1}{4}$ от полученной прибыли, который не может быть выплачен учредителям и должен служить для увеличения уставного фонда (ч. 3 ст. 5а закона об обществах с ограниченной ответственностью).

Таким образом, желая придать привлекательность своей юрисдикции в условиях региональной конкуренции правопорядков, немецкий законодатель предложил мелкому и среднему бизнесу новую упрощенную организационную форму, «вписав» ее в систему действующего корпоративного права как разновидность общества с ограниченной ответственностью. При этом признаки классического общества с ограниченной ответственностью, форма которого была впервые на нормативном уровне закреплена именно в Германии в 1892 г., были сохранены.

Польское право товариществ и обществ^{16*} имеет свои особенности развития. Частное право Польши формировалось путем унификации французского, немецкого, австрийского, венгерского и российского права, поскольку после восстановления независимости в 1918 г. гражданское законодательство этих государств действовало в разных регионах Польши. Унификация законодательства о компаниях была проведена путем принятия в 1934 г. торгового кодекса. После Второй мировой войны частное право подверглось значительному влиянию коммунистической идеологии. С вступлением в силу в 1965 г. гражданского кодекса были отменены общие положения торгового кодекса Польши, при этом часть документа, включавшая положения о полном товариществе, обществе с ограниченной ответвен-

ностью и акционерном обществе, сохранила свою юридическую силу. То обстоятельство, что торговый кодекс не был полностью отменен, позволило сохранить право товариществ и обществ в социалистический период. Важное значение после смены государственного строя в 1989 г. имело и сохранение частного предпринимательства, поскольку оно обеспечило понимание частноправовых отношений и потенциал для их дальнейшего развития.

Принятый в 2000 г. Кодекс хозяйственных товариществ и обществ (*Kodeks spółek handlowych*, далее – КХТиО)^{17*}, заменивший торговый кодекс, помимо известных ранее полного и коммандитного товарищества, закрепил в качестве новых форм партнерское товарищество (*spółka partnerska*) и коммандитно-акционерное товарищество (*spółka komandytowo-akcyjna*).

На создание новой для польского права формы партнерства как разновидности товарищества, специально предназначенного для лиц свободных профессий, польского законодателя вдохновило развитие американского и немецкого права [4, s. 292], где была внедрена концепция объединения лиц одной профессии, в котором участник не отвечает своим имуществом по обязательствам, вытекающим из ошибочных действий иных участников.

Специальные нормы о партнерстве в польском праве закреплены в ст. 86–101 КХТиО. Особенности, отличающими партнерство от полного товарищества, являются сужение цели создания, а следовательно, и круга лиц, которые могут быть его участниками, ограничение ответственности участников, возможность назначения правления и дополнительные причины для расторжения договора товарищества^{18*} [5, с. 88–89]. Если иное не предусмотрено в уставе партнерства, то в силу ст. 89 КХТиО по вопросам, не урегулированным в специальных нормах (речь идет, в частности, о процедуре создания, представительстве, управлении делами товарищества, его имуществе, участии в получении прибыли и несении убытков), применяются предписания КХТиО о полном товариществе.

Создавая организационную форму коммандитно-акционерного товарищества, польский законодатель разрешил дискуссию о ее месте в системе товариществ и обществ^{19*} в пользу признания за ним самостоятельной формы в ряду товариществ. Структурно специальные нормы о коммандитно-акционерном товариществе составляют самостоя-

^{16*} Как и германское, польское законодательство не проводит терминологического различия между товариществами и обществами, используя единый термин *spółka*, при этом четко разграничивает общества, основанные на объединении лиц (разд. II Кодекса коммерческих компаний), и общества, основанные на объединении капиталов (разд. III Кодекса коммерческих компаний). Для лаконичности и более легкого выстраивания аналогий общества, основанные на объединении лиц, в настоящей статье именуются товариществами.

^{17*} *Kodeks spółek handlowych* [Electronic resource]. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20000941037/U/D20001037Lj.pdf> (date of access: 10.07.2022).

^{18*} Например, утрата всеми участниками права заниматься соответствующей свободной профессией.

^{19*} Даже исходя из названия, такая форма может рассматриваться как минимум в качестве подвида коммандитного товарищества или акционерного общества.

тельный раздел гл. II КХТиО наряду с разделами о полном товариществе, партнерстве и коммандитном товариществе.

Согласно КХТиО коммандитно-акционерное товарищество – это хозяйственное товарищество, имеющее целью осуществление деятельности под собственным фирменным наименованием, по меньшей мере один участник которого неограниченно отвечает перед кредиторами по обязательствам товарищества (полный товарищ) и хотя бы один участник которого является акционером. Таким образом, субъектный состав коммандитно-акционерного товарищества включает две категории участников: полные товарищи и акционеры. Первые несут ответственность по обязательствам товарищества лично, без ограничений, в то время как вторые обязаны только предпринимать действия, указанные в уставе (ст. 128 КХТиО), и не несут ответственности по обязательствам товарищества (ст. 135 КХТиО). В соответствии с § 1 ст. 132 КХТиО полный товарищ может приобрести акции товарищества, тем самым приобретая двойной статус.

Специфика коммандитно-акционерного товарищества по сравнению с иными формами товариществ выражается в нетипичном правовом регулировании отношений, связанных с капиталом. Ключевыми особенностями в данном контексте являются участие в товариществе акционера (участника, владеющего акциями и не несущего ответственность по обязательствам товарищества), наличие категории фиксированного уставного капитала минимум в 50 тыс. злотых^{20*}, выпуск товариществом акций, наличие органов управления товариществом (наблюдательный совет и общее собрание) и явное преломление в этом случае принципа постоянного личного состава (также в случае полных товарищей) [5, с. 99].

Субсидиарно применяемое законодательство по вопросам, не урегулированным специальными нормами, также имеет свою специфику, поскольку определяется дифференцированно. В отношении взаимодействия полных товарищей между собой, со всеми акционерами и третьими лицами, а также в отношении вкладов таких товарищей, за исключением вкладов в уставный капитал, *mutatis mutandis*, применяются положения для полных товариществ. По другим вопросам действуют нормы об акционерных обществах, в частности речь идет о вопросах, касающихся уставного капитала, вкладов акционеров, акций, наблюдательного совета и общего собрания соответственно. Указанная специфика в совокупности с названием товарищества объясняет обозначение товарищества как гибридного, несмотря на законодательное определение его места среди товариществ.

Таким образом, как и в Германии, правовое регулирование новых организационных форм товариществ в польском праве имеет тесную связь с нормами о базовых формах товариществ и обществ, в значительной степени дополняющих правовые основы о «новичках».

Новая форма хозяйственных обществ – PSA – известна в Польше с 1 июля 2021 г. Юридино-технически ее введение оформлено путем дополнения гл. III КХТиО, посвященной обществам, основанным на объединении капиталов, разд. Ia «Простое акционерное общество» из 134 статей, который размещен между разделами, регулирующими общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество. Сущностно эта новелла охарактеризована в литературе как «самая масштабная реформа с момента принятия КХТиО»^{21*} [6, с. 5].

По мнению экспертов, новая форма сочетает в себе преимущества общества с ограниченной ответственностью и акционерного общества и максимально смягчает непривлекательные императивные предписания о хозяйственных обществах, среди которых ограничение свободы договора в ходе формирования учредительных документов, препятствующее гибкости корпоративных отношений между учредителями и инвесторами; отсутствие закрепления прав на долю в обществе с ограниченной ответственностью в ценных бумагах, облегчающих их обращение; запрет на внесение в качестве вклада в уставный фонд общества работ и услуг; защита кредиторов общества при учреждении уставного капитала [7, с. 144].

Нестандартные решения, характерные для правовой конструкции PSA, ориентированы на стартапы, заинтересованные в несложных гибких вариантах выстраивания отношений в зависимости от успешности проекта. Стремление законодателя сделать форму более простой по сравнению с известными можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, учредителям и акционерам PSA предоставлено больше свободы в выстраивании своих внутренних отношений [8, S. 117]. Во-вторых, формирование активов PSA характеризуется более либеральными правилами в отношении вкладов в уставный фонд, которые могут быть внесены не только денежными средствами или имуществом, поддающимся денежной оценке, но и в натуральной форме, в том числе работами или услугами (ст. 300² КХТиО), и формирования капитала, минимальный размер которого составляет 1 злотый (ст. 300³ КХТиО). В-третьих, акции PSA не имеют номинальной стоимости и обособлены от акционерного капитала (они подтверждают права акционеров), а не являются его частью. Кроме того, не установлено законодательных ограничений на привилегирован-

^{20*} § 2 ст. 126 КХТиО.

^{21*} Здесь и далее перевод наш. – Л. Ц.

ность акций в отношении права голоса, дивидендов или ликвидационного имущества. В-четвертых, акционеры вправе выбирать способ управления *PSA* (ст. 300⁵² КХТиО): классический (правление при поддержке добровольного наблюдательного совета) или более привычный для правовой системы общего права (совет директоров, состоящий из исполнительных и неисполнительных директоров). В-пятых, процедура принятия акционерами решений на общем собрании или вне его в письменной форме или с использованием электронных средств связи (ст. 300⁸⁰ КХТиО) является максимально либеральной. Акционеры могут голосовать с помощью электронных средств связи, если они указаны в уставе общества или если все акционеры дали документальное согласие на такой способ голосования.

Правила *PSA* предусматривают также упрощенную процедуру ликвидации. Такой шаг призван учесть интересы начинающих предприятий, подверженных высокому риску неудачи бизнеса. В качестве альтернативы длительной и формализованной процедуре ликвидации компании простому акционерному обществу предоставлена возможность воспользоваться специальной процедурой, когда все активы *PSA* могут быть переданы одному из акционеров, на которого возлагается обязанность удовлетворить требования кредиторов и других

акционеров (ст. 300¹²² КХТиО). Такая альтернатива интересна в ситуации, когда одна часть команды утратила интерес к продолжению бизнеса, а другая готова и имеет намерение продолжить деятельность, используя объединенные активы. Использование данной процедуры требует решения общего собрания квалифицированным большинством голосов, а также одобрения регистрационного суда, что направлено на защиту интересов кредиторов и акционеров.

При необходимости *PSA* может быть преобразовано в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью. Кроме того, если акционеры решат перенести юридический адрес в другое государство – член ЕС, *PSA* не будет подлежать обязательной ликвидации, что не свойственно другим формам обществ.

Введение *PSA* в законодательство о польских компаниях вызвало широкий резонанс в юридической науке. Время покажет, как эта новая форма будет воспринята на практике. Несмотря на то что вводный анализ инновации вызывает вопросы, в целом реформа получила положительную оценку как минимум в связи с ее креативностью и попыткой законодателя предложить форму, соответствующую меняющимся реалиям ведения бизнеса в условиях цифровизации.

Заключение

Обобщение объективных обстоятельств и правовых оснований введения новых организационных форм товариществ и обществ в трех различных государствах подтверждает тезис о том, что «новые организационные формы компаний всегда создаются в исторически уникальной экономической, социальной и политической среде» [9, S. 835]. Основные импульсы, побуждающие законодателя к изменению видового разнообразия товариществ и обществ, как правило, исходят из потребностей экономического оборота, причем на современном этапе не только национального, но и в значительной степени интеграционного и международного. Последнее предопределяет относительно высокое значение компаративистики для развития корпоративного права.

На современном этапе конструктивные характеристики новых форм компаний обуславливаются совокупностью факторов, среди которых не только стремление законодателей к созданию привлекательных условий для малого и среднего бизнеса, отдельных профессиональных сообществ и стартапов в условиях конкуренции правопорядков, но и национальные особенности развития корпоративного права.

Общими характеристиками, обосновывающими введение в правопорядок в Германии и Польше новых организационных форм компаний, выступают, во-первых, упрощение существующих моде-

лей частных компаний, основанных на объединении капиталов (примерами являются мини-*GmbH* в Германии и *PSA* в Польше), во-вторых, новые варианты структурирования квалифицирующих признаков (в частности, отказ от концепции твердого капитала в пользу модели накопления в мини-*GmbH* и *PSA*, статус и условия ответственности участников в партнерствах, отсутствие номинальной стоимости акций в *PSA*). Создание новых организационных форм компаний в указанных государствах реализовано путем их включения в существующую систему товариществ и обществ, в том числе посредством отсылочных норм к положениям об апробированных практикой формах, что обеспечивает внешнюю стабильность системы, придает ей внутреннюю определенность и позволяет последовательно и динамично развиваться на базовой правовой основе.

Учитывая данный опыт, к уже звучавшим в литературе аргументам о нецелесообразности упразднения института товариществ в Беларуси [10, с. 187–188] следует добавить аргумент о том, что нормы о товариществах (возможно, с определенными изменениями) могли бы использоваться в дальнейшем в качестве основы для создания востребованных в современном коммерческом обороте форм, способствуя эволюции и поддержанию целостности корпоративного права Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Шершеневич ГФ. *Курс гражданского права*. Тула: Автограф; 2001. 720 с.
2. Салей ЕА, Царёва ЛВ. Корпоративное право Беларуси: иллюзия или реальность. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;1:66–74.
3. Fleischer H. Zur Rechtsnatur der OHG und ihres Gesellschaftsvertrags. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*. 2021; 949–956.
4. Gawrysiak-Zabłocka A, Skibińska E. *Kodeks spółek handlowych. Komentarz*. Warszawa: C. H. Beck; 2022. 1829 s.
5. Москва Л. Коммерческое право в Польше: хозяйственные товарищества. *Правоведение*. 2021;65(1):76–105. DOI: 10.21638/spbu25.2021.105.
6. Opalski A. Prosta spółka akcyjna – nowy typ spółki handlowej. *Część I. Przegląd prawa handlowego*. 2019;11:5–15.
7. Sójka T. A simple joint-stock company: an innovative model of protection for creditors and investors in Poland. *Правоведение*. 2021;65(2):141–154. DOI: 10.21638/spbu25.2021.201.
8. Oplustil K. Die einfache Aktiengesellschaft (PSA) – eine neue Gesellschaftsform im polnischen Recht. In: Winner M, Cierpial-Magnor R, editoren. *Neue Regelungen für Start-ups und Investoren in MOE. Internationale Beiträge zu aktuellen Fragen. Siebentes Jahrbuch des Krakauer Forums der Rechtswissenschaften*. Wien: Nomos Verlag; 2020. S. 117–137.
9. Fleischer H. Ein Rundflug über Rechtsformneuschöpfungen im in- und ausländischen Gesellschaftsrecht. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*. 2022;827–835.
10. Салей ЕА, Царева ЛВ. Юридические лица в свете реновации Гражданского кодекса Беларуси. *Евразийский юридический журнал*. 2021;3:186–190.

References

1. Shershenevich GF. *Kurs grazhdanskogo prava* [Civil law course]. Tula: Avtograf; 2001. 720 p. Russian.
2. Salei AA, Tsarova LV. Belarusian corporate law: illusion or reality. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;1:66–74. Russian.
3. Fleischer H. Zur Rechtsnatur der OHG und ihres Gesellschaftsvertrags. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*. 2021; 949–956.
4. Gawrysiak-Zabłocka A, Skibińska E. *Kodeks spółek handlowych. Komentarz*. Warszawa: C. H. Beck; 2022. 1829 s.
5. Moskwa L. Commercial law in Poland: partnerships. *Pravovedenie*. 2021;65(1):76–105. Russian. DOI: 10.21638/spbu 25.2021.105.
6. Opalski A. Prosta spółka akcyjna – nowy typ spółki handlowej. *Część I. Przegląd prawa handlowego*. 2019;11:5–15.
7. Sójka T. A simple joint-stock company: an innovative model of protection for creditors and investors in Poland. *Pravovedenie*. 2021;65(2):141–154. DOI: 10.21638/spbu25.2021.201.
8. Oplustil K. Die einfache Aktiengesellschaft (PSA) – eine neue Gesellschaftsform im polnischen Recht. In: Winner M, Cierpial-Magnor R, editoren. *Neue Regelungen für Start-ups und Investoren in MOE. Internationale Beiträge zu aktuellen Fragen. Siebentes Jahrbuch des Krakauer Forums der Rechtswissenschaften*. Wien: Nomos Verlag; 2020. S. 117–137.
9. Fleischer H. Ein Rundflug über Rechtsformneuschöpfungen im in- und ausländischen Gesellschaftsrecht. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*. 2022;827–835.
10. Salei AA, Tsarova LV. [Legal entities in the light of the renovation of the Civil Code of Belarus]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2021;3:186–190. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.08.2022.
Received by editorial board 17.08.2022.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.45

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД КАК ПРИЗНАК УГОЛОВНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

К. С. ЗАХИЛЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается понятие «существенный вред» как признак уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь). Определяются содержание этого признака и способы выявления существенного вреда как признака уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. Анализируется причинно-следственная связь между незаконными действиями в отношении информации о частной жизни и персональных данных и их последствиями.

Ключевые слова: персональные данные; информация о частной жизни; уголовная ответственность; существенный вред; преступные последствия.

Образец цитирования:

Захилько КС. Существенный вред как признак уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:58–68.

For citation:

Zakhilko KS. Significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:58–68. Russian.

Автор:

Кирилл Сергеевич Захилько – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Kiryl S. Zakhilko, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
zakhilko@yahoo.com

SIGNIFICANT HARM AS A CRIMINAL UNLAWFULNESS SIGN OF ILLEGAL ACTIONS IN RELATION TO PRIVATE LIFE INFORMATION AND PERSONAL DATA

К. С. ЗАХИЛКО^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The concept of significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data (art. 203¹ of the Criminal Code of the Republic of Belarus) is considered. The content of the sign and methods for determining of significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data are determined. The causal relationship between illegal actions in relation to private life information and personal data and their consequences is analysed.

Keywords: personal data; private life information; criminal liability; significant harm; criminal consequences.

Введение

Существенный вред (в различных вариациях формулировок) – используемый в уголовном праве оценочный признак последствий. Исходя из законодательного назначения содержание данного признака определяется судом с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела. Более того, как справедливо отмечается в научной литературе, его толкование зависит от профессионализма, высокого правосознания и юридической грамотности лица, применяющего уголовный закон [1, с. 46]. Это обуславливает очевидное отсутствие законодательного закрепления понятия, критериев определения существенного вреда и повышает актуальность детального доктринального осмысления указанных обстоятельств применительно к каждому из видов преступлений, где используется названный признак.

Понятие «существенный вред» встречается в следующих статьях Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): ст. 190, ч. 2 ст. 197, ст. 204, ст. 384, ст. 424–426, ст. 455 (в рамках признака «причинение существенного вреда правам и законным интересам гражданина»), ст. 369¹ (в рамках признака «направленность на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам»), ст. 334, ч. 1 ст. 349, ч. 1 ст. 350,

ст. 352, ч. 1 ст. 355 (в рамках признака «причинение существенного вреда»). При этом реальная практика его применения и толкования существует в отношении довольно ограниченного числа норм УК. В первую очередь это касается ч. 1 ст. 349, ст. 424–426 УК. В научной литературе встречаются публикации, посвященные анализу этого признака указанных видов преступлений^{1*} [2–7]. Предлагаются и варианты толкования соответствующих признаков в научно-практической литературе^{2*}.

Одна из последних новелл УК – ст. 203¹ («Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных») – также закрепляет в качестве обязательного признак «причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина». На сегодняшний день данный признак не рассматривался в научной литературе отдельно (некоторые исследователи частично затрагивали этот вопрос в публикациях [7–9]). С учетом высокой актуальности проблематики защиты информации о частной жизни и персональных данных видится необходимым научный анализ данного признака с опорой на существующие научные и прикладные подходы к толкованию его и его аналогов в различных видах преступлений.

Основная часть

Причинение существенного вреда в нормах Особенной части УК может рассматриваться в качестве признака последствия тех или иных деяний (например, в ст. 203¹, 204, 349, 384, 424 и др.). В данном случае речь идет о неопределенно оценочном виде последствий преступления как признаке объективной

стороны его состава [10, с. 435]. В этом отношении при анализе рассматриваемого признака необходимо учитывать следующее.

Вред, причиняемый общественным отношениям, определяется двумя обстоятельствами: особенностями объекта, на который было совершено

^{1*}Захилько К. С. Понятия «существенный вред» и «иные тяжкие последствия» в нормах гл. 31 УК [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2022.

^{2*}Лепехин А. Н. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против информационной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2007. 185 с. ; Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск, 2010. 1063 с. ; Стук А. К., Турко В. Л., Парамонова Е. В., Игликова А. А. Практика прокурорского надзора. Поддержание государственного обвинения и надзор за законностью судебных решений по уголовным делам (извлечение) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2017.

посягательство, и объективной способностью деяния вызывать определенные изменения в окружающей действительности^{3*}. Как отмечала в связи с этим Н. Ф. Кузнецова, «общественно опасные последствия соединяют все другие элементы состава с объектом преступления. Без них система “состав” распадается, так как между действием и объектом оказывается разрыв... все остальные элементы состава – вина, мотив, цель, способ, специальные признаки субъекта – сфокусированы на причинение вреда (ущерба)» [11, с. 170]. Например, «вина состоит в психическом отношении к действиям и общественно опасным последствиям... способ совершения преступления – форма действия (бездействия), которая утяжеляет его общественно опасную направленность на достижение преступного результата» и т. д. [11, с. 170]. На необходимость системного рассмотрения общественно опасного последствия преступления и невозможность его обособления от категории общественных отношений, охраняемых той или иной статьей УК (объекта уголовно-правовой охраны), указывает большинство исследователей общественно опасных последствий в уголовном праве [10, с. 412–413]. Некоторые из ученых вовсе предлагают рассматривать последствия как часть категории «объект преступления» [10, с. 415, 535, 540, 547].

Указанное определяет, что существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина в конкретном случае совершения преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, должен рассматриваться как звено, соединяющее действие или бездействие, описанное в ст. 203¹ УК, и объект данного преступления. Возможная форма и содержание вины как признака рассматриваемого посягательства должна получить научно-практическое толкование не произвольно, а в контексте объекта, деяния, последствия и иных признаков, предусмотренных в ст. 203¹ УК.

Ст. 203¹ УК помещена в гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». С учетом рассмотренного выше это определяет, что преступные последствия в виде существенного вреда должны всегда находить непосредственное отражение в области общественных отношений, связанных с обеспечением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Все иные последствия (имущественный, моральный вред и т. д.) могут фиксироваться в процессуальных документах только в качестве обстоятельства, не находящегося в непосредственной причинно-следственной связи с деянием, описанным в ст. 203¹ УК. Как, например, обстоятельство, подтверждающее, что вред конституционным правам и свободам человека и гражданина действительно имел необходи-

мое количественное измерение. Это связано в том числе со следующей причиной.

В случае с многообъектными преступлениями в уголовном праве допускается множественность проявлений разнохарактерных негативных последствий в рамках одного преступления [10, с. 425–426]. В случае со ст. 203¹ УК такая возможность исключается. Исходя из содержания ст. 203¹ УК рассматриваемое преступление нельзя отнести к многообъектным, а соответствующий состав преступления – к сложным. В ст. 203¹ УК дается уточнение направленности признака существенного вреда (в отношении прав, свобод и законных интересов гражданина). С учетом выраженного бланкетного содержания признаков деяния в ст. 203¹ УК, предмета регулирования Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», а также прямой корреляции предмета преступления, закрепленного в ст. 203¹ УК, и конституционных прав, закрепленных в ст. 28 Конституции Республики Беларусь, данное уточнение прямо конкретизирует содержание страдающих общественных отношений. Этот объект ограничивается кругом тех отношений, которые непосредственно охраняются гл. 23 УК. Каких-либо оснований для признания предусмотренного ст. 203¹ УК преступления многообъектным нет.

В указанном контексте следует иметь в виду, что не каждое обстоятельство, которое в научной литературе предлагается рассматривать в качестве существенного вреда относительно норм гл. 31, 35 УК, возможно квалифицировать как существенный вред применительно к ст. 203¹ УК. Так, согласно этой норме в качестве признака последствия преступления нельзя рассматривать вред государственным или общественным интересам, а также вред, причиненный правам, свободам и законным интересам третьих лиц, если он не стал прямым следствием существенного вреда, причиненного правам, свободам и законным интересам гражданина (в отношении сведений о котором были совершены незаконные действия).

В отношении рассмотрения признака последствий в ст. 203¹ УК важно отметить необходимость установить причинно-следственную связь между деянием и последствиями в виде существенного вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Не будет преступлением простое совпадение во времени умышленного незаконного сбора, предоставления, распространения информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия и нанесения существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина [12]. Аналогично не могут рассматриваться в качестве преступления, предусмотренного

^{3*}Грунтов И. О. Последствия преступления // Белорус. юрид. энцикл. : в 4 т. Т. 3. П–С. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 116–118.

ст. 203¹ УК, последствия в виде существенного вреда, вызванные следующими деяниями:

- неумышленным незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия;
- незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица, осуществленными с его согласия;
- умышленными блокированием, обезличиванием, систематизацией, изменением, использованием, хранением, предоставлением или удалением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица, не связанными с их незаконным сбором, предоставлением, распространением (понятие ряда указанных вариантов поведения раскрывается в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных») и тому подобными действиями, даже если одновременно с указанными вариантами поведения имели место умышленные незаконные сбор, предоставление, распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, не повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина.

В науке уголовного права при рассмотрении вопроса причинно-следственной связи в деянии, описанном в ст. 203² УК, уже отмечалось, что «речь идет об определении необходимой причинно-следственной связи между деянием, первичным и вторичным последствиями» [9, с. 91–92]. Это связано с тем, что в рамках уголовного права в большинстве случаев последствием преступления возможно признавать не любое явление, которое как-либо связано с деянием, а лишь явление, которое в данных конкретных условиях закономерно вызывает наступление определенного последствия (это явление в одинаковых условиях будет с большой вероятностью порождать определенные последствия). Если преступный результат в данных условиях не является закономерным, а возникает в результате вмешательства случайных факторов, причинно-следственная связь отсутствует. Поэтому не вполне корректно говорить о том, что «вред в рамках исследуемого деяния может выражаться, например, в причинении вреда здоровью, имуществу гражданина в связи со сбором, предоставлением, распространением сведений о нем, причинении убытков, увольнении с работы, необходимости изменения места жительства и др.» [8, с. 44–45], так как ряд из указанных обстоятельств не может с необходимой причинно-следственной связью вызываться сбором, предоставлением или распространением информации. Данные обстоятельства зачастую могут быть лишь опосредованно связаны с незаконными действи-

ями с информацией, вызываться последующими действиями с полученными или опубликованными сведениями, случайными событиями и т. д.

Это определяет то, что, говоря о существенном вреде правам, свободам и законным интересам граждан как последствиям преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, необходимо разделять первичные и вторичные последствия. Изначально следует вести речь о вреде, который закономерно и непосредственно вызывается умышленным незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, т. е. о нарушении конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных (самостоятельное первичное последствие). И только при наличии указанного вреда возможно говорить и о вреде, непосредственно и закономерно вызванном нарушением конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных (вторичное последствие).

В случае первичных последствий подобный вред связан со сбором или раскрытием информации, обладающей высокой значимостью для человека, что само по себе влечет негативные изменения для лица в связи с существенным и реальным нарушением безопасности сферы его личной жизни, коррелирующей с соответствующим конституционным правом, предусмотренным в ст. 28 Конституции Республики Беларусь и непосредственно охраняемым гл. 23 УК. В случае вторичных последствий вредом являются вызванные этим сбором или раскрытием негативные изменения в имущественном, физическом, моральном и правовом состоянии лица.

Указанные вторичные последствия не могут существовать без первичных и должны лишь дополнять и развивать их в мотивировке правоприменителя, подчеркивая значимость собранной или раскрытой информации. С учетом имеющейся практики и теории в области защиты права на информацию о частной жизни и персональных данных существенность первичного последствия (нарушения прав на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь и защиту персональных данных) предлагается мотивировать исходя из совокупности следующих обстоятельств: значимости информации для личности, ее вида и объема, возможности восстановления конфиденциальности сведений, негативного влияния конфиденциальной информации на честь и достоинство личности, утраты контроля над информацией о себе (в том числе в результате широкой публикации, включения ее в банки данных для обработки искусственным интеллектом и т. д.).

Вторичные последствия, развивающие и подтверждающие существенность первичных, могут выражаться в любых прямых последствиях несогласованного использования информации (моральные, социальные, материальные последствия и т. п.).

Ниже рассмотрим возможные варианты конкретного содержания вторичных последствий как обстоятельств существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина в качестве признака незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных.

С учетом отсутствия широкой практики применения рассматриваемого признака в отношении норм гл. 23 УК следует обратиться к анализу доктрины уголовного права, уголовно-правовых норм и правоприменительной практики, связанных с вопросами уголовной ответственности за наиболее распространенные преступления, обязательным признаком которых является причинение существенного вреда. В первую очередь необходим анализ преступлений против компьютерной безопасности и интересов службы. При этом необходимо учитывать сделанные ранее выводы о характеристиках последствий как признака, закрепленного в ст. 203¹ УК.

Для начала необходимо отметить, что в ст. 203¹ УК речь идет о понятии «существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина», тогда как в главе о преступлениях против интересов службы рассматривается более широкий термин «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а в главе о преступлениях против компьютерной безопасности – еще более широкий по содержанию термин «существенный вред». Закрепление в ст. 203¹ УК более узкого понятия отвечает рассмотренным выше представлениям о необходимости связи преступного последствия и объекта преступления (ст. 203¹ УК помещена в гл. 23 УК). При этом следует иметь в виду, что не каждое обстоятельство, которое в научной литературе предлагается рассматривать в качестве существенного вреда относительно норм гл. 31, 35 УК, возможно трактовать в качестве такового применительно к содержанию соответствующего признака в ст. 203¹ УК.

В УК или нормативных правовых актах Верховного Суда Республики Беларусь толкований признака «существенный вред» относительно преступлений против компьютерной безопасности не имеется. Более того, на сегодняшний день в правоприменительной практике отсутствуют единые подходы к толкованию понятия «существенный вред»^{4*}.

При рассмотрении в научной литературе признака «существенный вред» в составах преступлений против компьютерной безопасности Н. А. Швед, Н. Ф. Ахраменка и В. В. Лосев сходятся во мнении, что такой вред может иметь как материальный, так

и нематериальный характер. В целях классификации среди материальных последствий выделяют имущественный, физический и экологический вред.

При количественной оценке существенного вреда, выраженного в имущественных материальных последствиях, ученые расходятся во мнении. Так, Н. Ф. Ахраменка указывает, что за основу должен браться размер ущерба, в 250 и более раз превышающий базовую величину^{5*}. В. В. Лосев называет размер, в 40 и более раз превышающий базовую величину. В наиболее полном из существующих в Республике Беларусь исследовании, проведенном главным специалистом отдела криминологической экспертизы проектов законов Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Н. А. Швед, указанный ущерб оценивается в 10 базовых величин^{6*}. Позиция данного автора основывается на анализе социальных стандартов и размера средней заработной платы по Республике Беларусь^{7*}. Представители правоприменительного корпуса указывают на отсутствие каких-либо количественных ориентиров в этом вопросе.

Представляется, что количественная характеристика существенного вреда должна связываться с понятием малозначительности деяния. Применительно к имуществу граждан ущерб, в 10 и более раз превышающий размер базовой величины, в целом можно характеризовать как существенный вред. Однако следует отметить следующее.

Предложенный размер имущественного вреда коррелирует с оценкой минимальных последствий хищений имущества граждан. При этом общественная опасность хищений вытекает не только и не столько из стоимости похищенного имущества, сколько из иных криминообразующих обстоятельств (в первую очередь из способа хищения и корыстной направленности посягательства). В ст. 203¹ УК закрепляются совсем иные варианты поведения и меньший набор криминообразующих признаков. Следует признать, что типичная опасность мелкого хищения сама по себе выше опасности незаконных сбора, предоставления или распространения конфиденциальных сведений о лице, не повлекших каких-либо последствий в виде существенного вреда. Опасность последнего можно скорее соизмерить с уничтожением или повреждением имущества или причинением имущественного ущерба без признаков хищения, которые не повлекли значительного ущерба. В связи с этим для признания незаконных сбора, предоставления или распространения конфиденциальных сведений о лице общественно опасными деяниями в типичных ситуациях требуется причи-

^{4*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2009. С. 66.

^{5*} Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу... С. 816.

^{6*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ...

^{7*} Там же. С. 66.

нение больших имущественных последствий, нежели имущественные последствия, характерные для преступного хищения.

Следует отметить, что в качестве ошибочной вышестоящие инстанции и надзорные органы называют позицию следственных органов и суда, связанную со ссылкой без дополнительного обоснования на то, что вред нельзя признать существенным, если связанный с ним размер ущерба не превысил 40 базовых величин^{8*}. По справедливому мнению правоприменителя, такая оценка незаконна, поскольку в качестве существенного вреда может оцениваться также вред, связанный с меньшим размером ущерба.

Учитывая вышесказанное, следует согласиться с примерным ориентиром, предложенным В. В. Лосевым (40 базовых величин), который опирался на значительный ущерб как криминообразующий признак в преступлениях против собственности, лишенных дополнительных криминообразующих признаков, характерных для хищения имущества (например, в ст. 214, 216 УК). Вариант же с размером в 250 базовых величин не следует признавать удачным, так как преступление, предусмотренное ст. 203¹ УК, является умышленным и сопряжено с причинением вреда исключительно гражданам, а не общественным и иным охраняемым законом интересам (как в случае со ст. 424 УК).

Все ученые сходятся во мнении, что при материальных последствиях как разновидности существенного вреда в преступлениях против компьютерной безопасности следует учитывать не только стоимость информации, но и затраты на ликвидацию последствий, упущенную выгоду. Следует согласиться, что это применимо и к рассматриваемому в настоящей статье преступлению. Все совокупные прямые имущественные последствия нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных могут быть характеристикой существенности его нарушения. Однако, учитывая умышленную форму вины, определенную законодателем в ст. 203¹ УК, все указанные материальные последствия должны предвидеться лицом, совершающим общественно опасное деяние, как его закономерный результат.

При оценке последствий в виде существенного вреда важен вопрос о способе оценки в случае нескольких деяний. По общепринятым представлениям, если существенный характер вреда складывается как совокупность вреда различного содержания, признаки преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, будут иметь место в ситуации, когда установлен

единый умысел лица на причинение существенного вреда, который складывается из совокупности вреда различного содержания.

В связи с этим следует признать, что существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных может подтверждаться причинением гражданину в связи с его нарушением вторичного последствия (имущественного ущерба, как прямого, так и косвенного) ущерба в совокупном размере 40 базовых величин, если этот ущерб осознавался лицом как закономерное вторичное последствие нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных. Вместе с тем следует помнить, что речь идет только о примерных критериях. В конкретных ситуациях суд может увеличить или снизить данный размер вреда (40 базовых величин) с учетом имущественного положения потерпевшего, волатильности размера базовой величины, социально-экономических показателей и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Нематериальный характер существенного вреда в преступлениях против компьютерной безопасности, по мнению Н. А. Швед, подразумевает нарушение или ущемление прав и законных интересов граждан, организаций, нарушение их нормальной деятельности^{9*}, причинение морального вреда, ущерба деловой репутации^{10*}. В целом аналогичное определение дает Н. Ф. Ахраменка^{11*}. В. В. Лосев к указанной дефиниции добавляет характеристику «значительность нарушения или ущемления» [12, с. 42].

В ч. 1 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» установлено, что при определении вреда как существенного необходимо «учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться, в частности, в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка».

В юридической литературе отмечается, что данные разъяснения не конкретизируют определение рассматриваемого признака [13]. Обоснованно указывается, что по своему содержанию оценка причиненного вреда как существенного должна основываться и подтверждаться объективными

^{8*} Лепехин А. Н. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений... С. 38.

^{9*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ...

^{10*} Она же. Несанкционированный доступ к компьютерной информации: анализ состава преступления [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2017.

^{11*} Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу...

обстоятельствами (последствиями деяния), а не абстрактными «нарушениями принципов деятельности органов управления» [14, с. 246–247]. Более того, если вести речь о применимости указанного разъяснения к ст. 203¹ УК, в которой потерпевшими выступают исключительно граждане, их права и законные интересы, то комментарий инстанции будет выглядеть следующим образом: судам следует учитывать тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться, в частности, в нарушении конституционных прав и свобод граждан. Такие положения явно не дают какой-либо дополнительной информации о признаках, предусмотренных в ст. 203¹ УК.

В связи с указанным следует предположить, что нематериальный вторичный вред, подтверждающий существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, может выражаться в фактических изменениях психического, физического, биологического, химического, социального, экономического характера. При этом указанные изменения должны подтверждаться объективными обстоятельствами по материалам дела. Простой ссылки, к примеру, на физический вред, нарушение абстрактного конституционного права без установления, в чем они выразились, недостаточно. При этом состояние угрозы причинения существенного вреда не должно рассматриваться как существенный вред.

Для нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, в том числе путем совершения деяний, описанных в ст. 203¹ УК, весьма характерно причинение физических и нравственных страданий потерпевшему (моральный вред). Это связано с пониманием потерпевшим того, что посторонние лица грубо вторгаются в его личную жизнь, знают о нем личную информацию и в любой момент могут ее использовать в незаконных целях (что зачастую необратимо), опубликовать, передать конкретным лицам и т. д. Это находит подтверждение и в научной литературе. Так, Н. Ф. Кузнецова отмечает, что преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина в первую очередь причиняют социальный и моральный вред [15, с. 314–315]. В связи с этим в правоприменительных документах при обосновании признака существенного вреда следует обязательно учитывать степень физического или нравственного страдания в результате нарушения указанного права.

Исходя из общепринятых подходов, основывающихся на содержании ст. 11 УК и примечаний к гл. 35 УК^{12*}, нанесение существенного вреда как последствия преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, возможно, когда в результате нарушения конститу-

ционного права на защиту частной жизни и персональных данных совершаются иные преступления. Так, посредством умышленного незаконного сбора, предоставления или распространения информации о частной жизни или персональных данных лицо может совершить уголовно наказуемое хулиганство (разместить на сайте организации собранные сведения о потерпевшем, содержание которых обладает свойствами, характерными для признака «исключительный цинизм», или информацию, посредством которой выражается явное неуважение к обществу, сопровождаемое угрозами насилия либо угрозами уничтожения или повреждения имущества, и т. д.), использовать или умышленно передать (опубликовать) сведения другим лицам для преследования с уголовно наказуемыми угрозами (ст. 186 УК), исказить сведения, выдав их за достоверные, и использовать данные для осуществления публичной клеветы (ст. 188 УК), распространить или прорекламировать порнографические материалы (ст. 343, 343¹ УК), совершить мошенничество, причинить имущественный ущерб без признаков хищения (ст. 216 УК), осуществить в последующем несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК) с использованием персональных данных и т. д.

С учетом сказанного можно заключить, что совершение в результате незаконных действий с информацией о частной жизни и персональными данными иных правонарушений (административных, дисциплинарных, гражданско-правовых) само по себе не может подтверждать существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных. Таким образом, следует признать необоснованной ссылку в правоприменительных документах для подтверждения существенности вреда на различные нарушения, в том числе грубые, служебных или профессиональных обязанностей, причинение имущественного ущерба (ст. 11.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), совершение иных административных правонарушений, нарушение условий договора (в том числе соглашения о конфиденциальности), совершение иных действий, порочащих честь и достоинство гражданина (ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь), и т. д. В отличие от совершения преступления при рассмотрении незаконных действий с информацией о частной жизни и персональными данными в названных случаях, помимо ссылки на указанные вредоносные последствия, требуется дополнительное обоснование существенной степени негативного воздействия нарушений (или их совокупности) на потерпевшего.

Значительное нарушение или ущемление субъективных конституционных прав и законных интересов граждан также является видом нематериального

^{12*} Захилько К. С. Понятия «существенный вред» и «иные тяжкие последствия»...

существенного вреда. Такое нарушение или ущемление должно влечь негативные изменения в социальных отношениях (в том числе правоотношениях), причем в существенной степени. На практике ссылка на значительное нарушение или ущемление субъективных прав и законных интересов граждан для обоснования существенного вреда используется довольно часто. Так, например, в формулировках обвинения имеют место ссылки на «существенный вред, повлеченный ограничением договорных прав пользователей» при неправомерном приобретении реквизитов законных пользователей для выхода в интернет^{13*}, нарушение конституционного права на хранение и распространение информации при блокировании сайтов в интернете^{14*} или при распространении ложной информации о прекращении предпринимательской деятельности^{15*} и т. д.

Правами, полноценная реализация которых может быть затруднена в результате нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, в том числе путем совершения деяний, описанных в ст. 203¹ УК, являются право на свободу вероисповедания, сохранение своей национальной принадлежности (распространение сведений об отношении к религии или сведений о национальности, если лицо скрывает этот факт), право на свободное выражение мнений и убеждений (если распространение, сбор или предоставление сведений о личной жизни или персональных данных влечет возможность выявить мнения или убеждения отдельных лиц в результате обработки данных с использованием искусственного интеллекта или вынуждает выражать мнение или убеждение помимо воли лица), право на участие в выборном процессе на основе тайного голосования (если собранные персональные данные позволяют определить содержание голоса конкретного потерпевшего), право равного доступа к любым должностям в государственных органах (если в результате незаконной обработки персональных данных или сведений о личной жизни лицу незаконно отказывают в занятии должности на основании не предусмотренного законом критерия, например из-за его религиозных убеждений, непосещения определенных мест и т. д.), право на справедливую долю вознаграждения в экономических результатах труда (если в результате незаконной обработки персональных данных или сведений о личной жизни лицу на основании незаконного критерия снижают положенную ему долю вознаграждения за труд) и т. д.

В связи с вышеуказанным следует обратить внимание на то обстоятельство, что при вменении признака последствия «существенный вред» отдельные суды не приводят в приговоре доказательства, на основании которых они пришли к выводу о причинении обвиняемым существенного вреда в результате преступления, и мотивы принятого решения.

На это обращает внимание Верховный Суд Республики Беларусь при разъяснении того, что вывод о причинении действиями виновного существенного вреда должен подтверждаться достаточной совокупностью доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке, а в приговоре надлежит приводить доказательства, на которых основан такой вывод, и мотивы принятого решения (см. постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК)»). Указанная негативная тенденция рассматривать под причинением существенного вреда в основном абстрактное нарушение конституционных прав граждан, не раскрывая его содержание, отмечается и в научной литературе^{16*}. К сожалению, до сих пор встречаются случаи, когда правоприменитель дает указание на причинение существенного вреда без его конкретизации. Такой подход следует признать недопустимым, так как он противоречит принципу законности и создает угрозы расширительного толкования уголовного закона.

Поэтому важно отметить некоторую неопределенность в существующих разъяснениях правоприменительной практики, что в определенной мере не способствует решению указанной выше проблемы. Так, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» весьма размыто отмечается, что «признавая лицо виновным в преступлении, в составе которого имеются оценочные признаки (...существенный вред и другие), суд обязан привести доказательства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака»^{17*}. В целом указанное разъяснение не создает конкретной обязанности определенным образом аргументировать наличие признака существенного вреда в приговоре, содержит недосказанность о сути проблемы применения рассматриваемого признака судами. Оно лишь повторяет общие требования к приговору суда и его содержанию, не внося в них дополнительных отличительных характеристик

^{13*} Стук А. К., Турко В. Л., Парамонова Е. В., Изликова А. А. Практика прокурорского надзора...

^{14*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ... С. 63.

^{15*} Стук А. К., Турко В. Л., Парамонова Е. В., Изликова А. А. Практика прокурорского надзора...

^{16*} Там же.

^{17*} Здесь и далее курсив в цитатах наш. – К. З.

в отношении применения норм с признаком «существенный вред».

Указанное выше разъяснение существенно отличается от аналогичного разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, которое сконструировано более удачно и может рассматриваться как положительный опыт. Так, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» конкретно определяется, что «признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например... существенный вред), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака». Указанное разъяснение более четко отмечает проблему, описанную в постановлении Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 4 «О практике рассмотрения

судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК)», способствует обеспечению принципа законности уголовного права и уголовной ответственности, позволяет последовательно обеспечивать уголовно-правовыми средствами права и законные интересы граждан и должно получить закрепление в правовой системе Республики Беларусь.

Вместе с тем стоит признать, что одной из значительных причин, по которой правоприменитель не стремится отдельно аргументировать основания для вывода о наличии в содеянном указанного признака, является отсутствие в науке уголовного права единообразных критериев, на которые было бы возможно опереться при описании правоприменителем мотивов принятого решения. Это выливается в небывалое разнообразие подходов. Следовательно, необходимым видится формирование единообразной практики обоснования наличия признака существенного вреда при совершении соответствующих преступлений.

Заключение

Подводя итог сказанному выше, мы можем сделать следующие выводы.

1. Говоря о существенном вреде правам, свободам и законным интересам граждан как последствиях преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, необходимо разделять первичные и вторичные последствия.

2. Вред, который закономерно и непосредственно вызывается умышленным незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, т. е. нарушение конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, является обязательным самостоятельным первичным последствием преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК.

3. С учетом имеющейся практики и теории в области защиты права на информацию о частной жизни и персональных данных существенность первичного последствия (нарушение прав на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь и защиту персональных данных) предлагается определять исходя из совокупности следующих обстоятельств: значимости информации для личности, вида информации и объема данных, возможности восстановления конфиденциальности сведений, негативного влияния конфиденциальной информации на честь и достоинство личности, утраты контроля над информацией о себе (в том числе в результате широкой публикации, включения ее в банки данных для обработки искусственным интеллектом и т. д.).

4. Вред, непосредственно и закономерно нанесенный нарушением конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных,

можно рассматривать как вторичное последствие преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК. Его наличие необязательно для применения ст. 203¹ УК, но может служить дополнительным обоснованием существенности нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных.

5. Существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных может подтверждаться причинением гражданину в связи с нарушением данного права вторичного последствия (в первую очередь морального и социального вреда, а также имущественного ущерба).

6. Нарушение конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, в том числе путем совершения деяний, описанных в ст. 203¹ УК, характеризуется причинением морального вреда потерпевшему. В связи с этим в правоприменительных документах при обосновании признака существенного вреда следует обязательно учитывать степень физического или нравственного страдания, причиненного в результате нарушения указанного права.

7. Отдельные правоприменители не приводят в приговоре доказательства, на основании которых они пришли к выводу о причинении обвиняемым существенного вреда в результате преступления, и мотивы принятого решения. Такой подход следует признать недопустимым, так как он противоречит принципу законности и создает угрозы расширительного толкования уголовного закона.

Для решения данной проблемы, учитывая позитивный опыт Верховного Суда Российской Федерации, предлагается в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентя-

бря 2001 г. № 9 «О приговоре суда» сформулировать следующее правило: «Признавая обвиняемого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например... существенный вред), суд не должен ограничивать-

ся ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака».

Библиографические ссылки

1. Ковальчук АВ. Существенный вред как оценочный признак в Уголовном кодексе Республики Беларусь. *Юстиция Беларуси*. 2017;10:42–26.
2. Гончарова Г. К вопросу о значении понятия существенного вреда по делам о преступлениях против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2011;3:30–34.
3. Дубко МА. Неправомерное завладение компьютерной информацией: существенный вред в составе преступления. *Право.by*. 2016;3:39–44.
4. Кулеш В, Хилюта В. Существенный вред как обязательное преступное последствие злоупотребления властью или служебными полномочиями. *Судовы веснік*. 2019;2:73–80.
5. Лосев В. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2013;4:57–61.
6. Харчейкина Ю. Существенный вред как последствие преступлений против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2020;4:20–21.
7. Дубко МА, Полещук ДГ. Уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности: обзор изменений и рекомендации по применению. *Предварительное расследование*. 2021;1:77–85.
8. Полещук Д. Ответственность за незаконные действия с персональными данными: текущее состояние и перспективы. *Законность и правопорядок*. 2020;4:44–49.
9. Пухов АА. Уголовно-правовая защита неприкосновенности частной жизни и персональных данных в свете изменений уголовного закона. *Право.by*. 2021;4:85–92.
10. Лопашенко ИА, редактор. *Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Том VI. Объект преступления. Объективная сторона преступления*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 632 с.
11. Кузнецова НФ. *Проблемы квалификации преступлений*. Москва: Городец; 2007. 332 с.
12. Лосев ВВ. Преступления против информационной безопасности. *Судовы веснік*. 2002;1:40–43.
13. Лосев ВВ. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2013;4:57–61.
14. Асанова ВВ, Бабий НА, Барков АВ, Войтова ДА, Карабельникова АС, Киреенко ПЯ и др. *Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией*. Минск: Тесей; 2008. 504 с.
15. Кузнецова НФ. Преступления и иные правонарушения. В: Борзенков ГН, редактор. *Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования МГУ имени М. В. Ломоносова; 27–28 мая 2004 г.; Москва, Россия*. Москва: ЛексЭст; 2005. с. 313–317.

References

1. Kovalchuk AV. [Significant harm as an evaluation feature in the Criminal Code of the Republic of Belarus]. *Yustitsiya Belarusi*. 2017;10:42–26. Russian.
2. Goncharova G. [To the question of the meaning of the concept of significant harm in cases of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2011;3:30–34. Russian.
3. Dubko MA. Misappropriation of computer information: substantial harm in the composition of the crime. *Pravo.by*. 2016;3:39–44. Russian.
4. Kulesh V, Khilyuta V. [Significant harm as an obligatory criminal consequence of abuse of power or official authority]. *Sydovy vesnik*. 2019;2:73–80. Russian.
5. Losev V. [Significant harm in the composition of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2013;4:57–61. Russian.
6. Kharcheykina Y. [Significant harm as a consequence of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2020;4:20–21. Russian.
7. Dubko MA, Poleshchuk DG. Criminal law support of information security: review of changes and recommendations for application. *Preliminary investigation*. 2021;1:77–85. Russian.
8. Poleshchuk D. [Responsibility for illegal actions with personal data: current state and prospects]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2020;4:44–49. Russian.
9. Pukhov AA. Criminal law protection of privacy and personal data in the light of changes in the criminal law. *Pravo.by*. 2021;4:85–92. Russian.
10. Lopashenko IA, editor. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs. Tom VI. Ob'ekt prestupleniya. Ob'ektivnaya storona prestupleniya* [Criminal law. A Common part. A crime. Academic course. Volume 6. The object of the crime. The objective side of the crime]. Moscow: Yurлитinform; 2016. 632 p. Russian.
11. Kuznetsova NF. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of qualification of crimes]. Moscow: Gorodets; 2007. 332 p. Russian.
12. Losev VV. [Crimes against information security]. *Sydovy vesnik*. 2002;1:40–43. Russian.

13. Losev VV. [Significant harm in the composition of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2013;4:57–61. Russian.

14. Asanova VV, Babii NA, Barkov AV, Voitova DA, Karabelnikova AS, Kireenko PYa, et al. *Korrupsionnaya prestupnost': kriminologicheskaya kharakteristika i nauchno-prakticheskii kommentarii k zakonodatel'stvu o bor'be s korrupsiei* [Corruption crime: criminological characteristics and scientific and practical commentary on the legislation on combating corruption]. Minsk: Tesei; 2008. 504 p. Russian.

15. Kuznetsova NF. [Crimes and other offenses]. In: Borzenkov GN, editor. *Sootnoshenie prestuplenii i inykh pravonarushenii: sovremennye problemy: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 250-letiyu obrazovaniya MGU imeni M. V. Lomonosova; 27–28 maya 2004 g.; Moskva, Rossiya* [Correlation of crimes and other offenses: modern problems: materials of the 4th International scientific and practical conference, dedicated 250th anniversary of the formation of Lomonosov Moscow State University; 2004 May 27–28; Moscow, Russia]. Moscow: LeksEst; 2005. p. 313–317. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.06.2022.
Received by editorial board 24.06.2022.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е. В. ЛУНЕВА¹⁾

¹⁾Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия

Охрана и рациональное использование геологического наследия международного значения осуществляется в рамках функционирования глобальных геопарков ЮНЕСКО. Научные источники свидетельствуют о множестве способов интеграции норм о геопарках в национальное законодательство. В СНГ признается важность сохранения редких геологических объектов, создания и развития геопарков, а также необходимость правовой охраны абиотической составляющей природной среды в целом (геологических обнажений, объектов и комплексов неживой природы, горных территорий и др.). Однако в Республике Беларусь в правовой охране природы акцент сделан на сохранении биологического или видового и ландшафтного разнообразия. В белорусском законодательстве не используются термины «георазнообразие», «геологическое наследие», «геопарк». Автором сформулированы общие рекомендации по возможному развитию законодательства Республики Беларусь об охране геологического наследия.

Ключевые слова: геологическое наследие; геологическое разнообразие; глобальные геопарки ЮНЕСКО; геопарки; редкие формы рельефа; уникальные геологические материалы; горные территории; особо охраняемые природные территории.

Образец цитирования:

Лунева ЕВ. Правовая охрана геологического наследия. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022;2:69–78.

For citation:

Luneva EV. Legal protection of geological heritage. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022;2:69–78. Russian.

Автор:

Елена Викторовна Лунева – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета.

Author:

Elena V. Luneva, PhD (law), docent; associate professor at the department of the ecological, labour law and civil procedure, faculty of law.
vilisa_vilisa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6666-5353>

LEGAL PROTECTION OF GEOLOGICAL HERITAGE

E. V. LUNEVA^a

^aKazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Street, Kazan 420008, Russia

The protection and rational use of the geological heritage of international importance is carried out within the framework of the functioning of the UNESCO global geoparks. Scientific sources show many ways of integrating geopark regulations into national legislation. At the CIS level, the importance of preserving rare geological objects, creating and developing geoparks, as well as the need for legal protection of the abiotic component of the natural environment as a whole (geological outcrops, objects and complexes of inanimate nature, mountainous areas, etc.) is recognised. However, in the Republic of Belarus, in the legal protection of nature, the bias is made in favour of the conservation of biological or species and landscape diversity. Belarusian legislation does not use the terms «geodiversity», «geological heritage», «geopark». At the end of the article, general recommendations on the possible development of the legislation of the Republic of Belarus on the protection of geological heritage are formulated.

Keywords: geological heritage; geological diversity; UNESCO global geoparks; geoparks; rare landforms; unique geological materials; mountain areas; specially protected natural areas.

Введение

В период с 1990 по 2015 г. происходило поэтапное формирование концепции геопарков [1, р. 14]. В конце 2015 г. официально появилась новая категория объектов ЮНЕСКО – глобальные геопарки ЮНЕСКО¹. Они были созданы для сохранения геологического наследия международного значения и его устойчивого использования². Посредством образования данных объектов ЮНЕСКО возможно установить связи между геологическим, природным и культурным наследием³, а также использовать их совместно⁴.

На мировом уровне разработана целостная концепция геопарков как форм устойчивого управления в области охраны и использования объектов геологического наследия международного значения, обеспечения георазнообразия [2, с. 192]. Применительно к глобальным геопаркам ЮНЕСКО нормативно закреплены понятие, значение, критерии, требования к географической представленности, оценка геологического наследия, процедура присвоения особого статуса⁵, процедура и срок повторной аттестации, рекомендации по созданию национальных комитетов по геопаркам, сетевое взаимодействие геопарков, последствия отказа от присвоенного международного статуса и другие положения,

в том числе положения, содержащие отсылки к национальному законодательству⁶.

Концепция геопарков активно развивается. В научной литературе обосновывается роль геопарков при достижении целей ЮНЕСКО в области устойчивого развития на период до 2030 г. [3, р. 1, 11]. Увеличивается количество стран, присоединившихся к глобальной сети геопарков. В 2022 г. режим глобальных геопарков ЮНЕСКО был введен в восьми объектах⁷. Этот факт свидетельствует о том, что все больше государств осознает экологические, социальные и экономические выгоды от усиления охраны геологического наследия, увеличения его туристического потенциала, популяризации геологической науки и экологического образования, а также развития сельских территорий.

На официальном сайте глобальной сети геопарков в числе стран, где созданы и функционируют данные объекты, нет Республики Беларусь⁸. В государстве пока не существует ни одной природной территории, получившей режим глобального геопарка ЮНЕСКО, в то время как в Республике Беларусь расположено множество ценных геологических и геоморфологических объектов, редких и живописных геологических ландшафтов, которые могут со-

¹Акты Генеральной конференции. 38-я сессия, Париж, 3–18 ноября 2015 г. Т. 1: Резолюции [Электронный ресурс]. С. 36. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000243325_rus/PDF/243325rus.pdf.multi (дата обращения: 28.12.2021).

²Устав Международной программы по геонаукам и геопаркам от 17 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260675_rus (дата обращения: 28.12.2021).

³Там же.

⁴Там же.

⁵Термин «статус» применительно к геопаркам в настоящей статье использован в тех случаях, когда он употребляется в официальных документах.

⁶Устав Международной программы по геонаукам и геопаркам от 17 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260675_rus (дата обращения: 28.12.2021).

⁷Восемь новых объектов получают статус глобальных парков ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/vosem-novykh-obektov-poluchayut-status-globalnykh-geoparkov-yunesko-0> (дата обращения: 28.12.2021).

⁸Global geoparks network [Electronic resource]. URL: <http://www.globalgeopark.org/aboutGGN/MemberList/index.htm> (date of access: 28.12.2021).

ставить основу сети геопарков страны. Разумеется, для введения на природной территории режима глобального геопарка ЮНЕСКО необходимо развитие республиканского законодательства и законодательства административно-территориальных единиц (Минска и областей) о геологическом наследии, георазнообразии, создании и функционировании геопарков.

Объекты геологического наследия (уникальные геологические формации, геологические ландшафты, горные породы, валуны, обнажения пород, ледниковые формы рельефа и иные ценные геологические материалы) образуют составную часть природной среды, поэтому отношения по поводу них регулируются экологическим и природоресурсным правом. Объекты геологического наследия не перечисляются в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды», посвященной объектам отношений в области охраны окружающей среды, и не исполь-

зуются в легальной терминологии. Однако объекты геологического наследия входят в состав более широкой категории – природные объекты. Объекты геологического наследия имеют совпадения и (или) пересечения с такими объектами отношений в области правовой охраны окружающей среды, как недра, особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ), типичные и редкие природные ландшафты и др. Следовательно, место объектов геологического наследия в системе объектов отношений в области действующей правовой охраны окружающей среды Республики Беларусь определяется их принадлежностью к категории «иных природных объектов». Учитывая природную, научную, историческую, культурную, познавательную, образовательную, эстетическую, туристическую и рекреационную ценность геологического наследия, можно сделать вывод, что они заслуживают самостоятельной правовой охраны и требуют особого научного внимания.

Правовые исследования в сфере охраны геологического наследия, создания и функционирования геопарков

Проблематика охраны геологического наследия, георазнообразия, создания и функционирования геопарков в Республике Беларусь пока не исследовались в эколого-правовой доктрине. Однако имеются работы естественно-научного характера по планированию создания геопарков, развитию геотуризма в Беларуси [4–6].

В зарубежной литературе наблюдается увеличение количества правовых исследований государственной политики в отношении охраны геологического наследия и георазнообразия, создания и функционирования геопарков, возможных моделей их интеграции в национальное законодательство различных стран. Рассматриваются преимущества и недостатки существования внутринациональных правовых норм о геопарках. Так, коллектив авторов, констатируя отсутствие целостной государственной политики в отношении георазнообразия, геологического наследия, геотуризма и геопарков в Бразилии, а также соответствующего правового регулирования, приходит к выводу о том, что необходимость принятия национального законодательства для геопарков спорна: с одной стороны, отсутствие законодательства не ограничивает создание геопарков и допускает широкий спектр форм управления, может быть частной инициативой (создание на основе частных природных заповедников, владельцы которых свободны от уплаты налогов), с другой – в правовом вакууме сложно гарантировать защиту георазнообразия на должном уровне [7, р. 5, 6]. При этом более популярны и лучше функционируют геопарки в странах с установленными юридическими требовани-

ями к их развитию и управлению ими [8, р. 145]. Таким образом, в целях сохранения уникальных и редких геологических объектов внутринациональное законодательство о геопарках должно быть принято, однако оно должно быть гибким и вариативным.

Поскольку геопарки включают в свои границы ООПТ и (или) иные территории с природоохранным режимом, которые существовали до создания геопарка [9, р. 325], и геопарк может частично или полностью перекрываться с уже существующей ООПТ или территориально совпадать с ней [2, с. 194, 195], в научной литературе часто поднимаются вопросы соотношения геопарков с различными категориями ООПТ (национальными парками, заказниками, природными парками и т. д.), определения места геопарков в сети ООПТ. Например, В. Николова и Д. Синневский выявили, что в большинстве европейских стран в соответствии с национальным законодательством геопарки не считаются ООПТ [8, р. 143]. При этом особенности создания и функционирования геопарков и ООПТ, включая вопросы управления, определяются по-разному: геопарк может находиться на границе природного парка, и обе территории будут в ведении одного органа власти (опыт Италии); геопарк может включать в себя природный парк, и обе территории подчиняются разным управленческим структурам (опыт Германии). Зарубежные коллеги считают, что в европейских странах необходимо разработать специальный правовой инструмент для защиты и сохранения геологического наследия, а определение геопарков как ООПТ могло бы

способствовать увеличению экологических и экономических выгод [8, р. 144, 145].

Украинскими учеными доказано, что среди всех объектов природно-заповедного фонда, которые предусмотрены украинским законодательством, категория «национальный природный парк» наилучшим образом подходит для создания геопарка, поскольку определены основные цели и органы, ответственные за его функционирование [10, р. 136]. Кроме того, предлагается создавать геопарки как научные парки, управляемые университетами, где готовят специалистов геологических специальностей, в соответствии с Законом Украины от 25 июня 2009 г. № 1563-VI «О научных парках» [10, р. 136, 140].

Интересной представляется правовая модель геопарков, расположенных в национальном парке. Коллективом авторов рассмотрены следующие недостатки юридической техники в области управления геопарками, расположенными в национальных парках Таиланда: неясность в полномочиях различных ведомств по их управлению, отсутствие отличий управления геопарками от управления обычными территориями национальных парков, ненадлежащее использование общих положений о национальных парках при управлении геопарками, отсутствие конкретной политики и планов по управлению геопарками, а также другие юридические дефекты [11, р. 1]. Упомянутыми авторами обосновывается необходимость разработки и принятия самостоятельного закона Таиланда об управлении геопарками, расположенными в национальных парках [11, р. 1].

В научной литературе спрогнозированы становление и развитие национального законодательства Словакии в отношении органа управления геопарка в виде возможных организационно-правовых форм юридического лица: некоммерческая организация (при законодательном расширении сфер ее деятельности), региональная туристическая организация, целевая управляющая организация, действующая на основании правового положения о конкретном геопарке [12, р. 1082]. В рассматриваемой работе выделяются проблемы финансирования геопарков, в том числе сложности в управлении ими при частичном или полном наложении геопарков и национальных парков или охраняемых ландшафтных территорий [12, р. 1079].

В России сложились два основных теоретических подхода к правовой модели геопарка: узкий и широкий. При этом они имеют области пересечения.

Узкий подход сводится к исключительному признанию геопарка ООПТ. Так, в юридической литературе высказываются предложения ввести в геопарке режим «дополнительной самостоятельной категории ООПТ» [13, с. 28, 42], вида ООПТ [14, с. 11], разновидности ООПТ [15, с. 4], самостоятельного

вида только региональных ООПТ [16, с. 16], в границах которых расположены уникальные геологические комплексы и объекты, имеющие особое научно-просветительское, историко-культурное, эстетическое, туристское и рекреационное значение. Одновременно сторонниками такого подхода признается сложность вопроса «разумного сочленения и правового взаимодействия статуса территории геопарка со статусом действующих ООПТ регионального значения» [13, с. 35], а также ощутимое сходство геопарков с некоторыми категориями ООПТ, в том числе национальными парками, с позиции развития туризма [13, с. 41]. Проблему совмещения геопарка с действующими категориями ООПТ предлагается решить с помощью двух видов территориального зонирования земель: экологического зонирования (для защиты уникальных геологических объектов и комплексов геопарков) и зонирования территории геопарков посредством установления зон с особыми условиями использования их территорий (для ведения хозяйственной и иной не запрещенной законом деятельности на земельных участках, входящих в границы геопарка и находящихся на праве собственности, пользования у частных лиц) [15, с. 6].

Широкий подход подразумевает гибкость правового регулирования в виде вариативности различных правовых моделей создания и функционирования национальных геопарков. Российскому законодателю предлагается не ограничиваться признанием геопарков самостоятельной категорией ООПТ (опыт Китая), а предусмотреть также возможность придания региональным и национальным ООПТ дополнительного режима геопарка (опыт Испании и Италии), создания и функционирования геопарков для управления в области охраны и рационального использования сети ООПТ геологического и иного профиля (опыт Италии) [2, с. 196].

В юридической науке исследованы правовые особенности организации таких региональных геопарков в России, как геопарк с правовым режимом туристско-рекреационной зоны, геопарк без правового режима туристско-рекреационной зоны и без правового режима ООПТ, геопарк с правовым режимом ООПТ в виде государственного палеонтологического, минералогического или геологического заказника, геопарк как самостоятельная категория ООПТ, введенная региональными нормативными правовыми актами. Показана специфика правового режима каждого такого типа регионального геопарка [17, с. 32, 37, 38, 40, 41].

Рассмотренные научные источники свидетельствуют о множестве способов возможной интеграции норм о геопарках в национальное законодательство. Особенности нормативно-правовых баз разных стран влияют на правовые модели геопар-

ков, их соотношение с ООПТ, иными природоохранными территориями, специфику управления. Поэтому, скорее всего, у Республики Беларусь будет свой путь развития законодательства об охране

геологического наследия, георазнообразия, о создании и функционировании геопарков как с общими, так и с собственными правилами, адаптированными к местным реалиям.

Правовая охрана геологического наследия на уровне СНГ

На уровне СНГ, участницей которого является Республика Беларусь, все активнее обсуждается вопрос правовой охраны и рационального использования ценных геологических объектов. В документах СНГ признается важность сохранения уникальных и редких геологических объектов, создания и развития геопарков, а также необходимость правовой охраны абиотической составляющей природной среды в целом.

Основа для правовой охраны геологического наследия СНГ была заложена в Модельном законе от 16 октября 1999 г. «Об особо охраняемых природных территориях». В документе содержатся положения об охране геологических обнажений (подп. б п. 2 ст. 15), сохранении ценных объектов и комплексов неживой природы (подп. д п. 4 ст. 22), типичных и редких ландшафтов (п. 1 ст. 6), природных ландшафтов (п. 2 ст. 2, п. 3 ст. 18, п. 3 ст. 21, подп. а п. 4 ст. 22).

Перспективы сотрудничества государств – участников СНГ в рамках Международной программы по геонаукам и геопаркам ЮНЕСКО были рассмотрены 10–11 сентября 2018 г. в Минске на XXII сессии Межправительственного совета по разведке, использованию и охране недр⁹. По результатам обсуждения данного вопроса российской стороне (Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского) было поручено создать на сайте Межправительственного совета по разведке, использованию и охране недр раздел «Уникальные геологические объекты стран СНГ как основы создания геопарков» совместно с геологическими службами государств – участников СНГ. В настоящее время указанный раздел находится в разработке.

В конце 2020 г. в СНГ прошли консультации по теме «О взаимодействии государств – участников СНГ в рамках ЮНЕСКО». Впервые в истории встреч с представителями министерств иностранных дел обсуждались аспекты деятельности и перспективные направления взаимодействия государств – участников СНГ в рамках ЮНЕСКО, в том числе вопросы участия в мероприятиях, инициативах и проектах программы «Глобальные геопарки ЮНЕСКО»¹⁰.

Чуть позднее Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ был принят Модельный закон «О развитии и охране горных территорий», который предназначен для решения задач социально-экономического развития горных природных ландшафтов, горных экологических систем. Данный модельный закон был направлен в парламенты и рекомендован для использования в национальном законодательстве Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ.

В Модельном законе «О развитии и охране горных территорий» единожды упоминается словосочетание «глобальные геопарки». Примечательно, что говорится о них в статье, посвященной ООПТ. Так, согласно п. 4 ст. 29 рассматриваемого закона «особой охране в соответствии с международными соглашениями и законодательством государства подлежат биосферные заповедники, глобальные геопарки, объекты всемирного природного и культурного наследия, рамсарские угодья, расположенные на горных территориях». Упоминание о глобальных геопарках среди нормативных положений об ООПТ неслучайно. Согласно подп. vii п. 3 Руководящих принципов работы глобальных геопарков ЮНЕСКО определение объекта в качестве геологического наследия в рамках глобального геопарка ЮНЕСКО должно получить юридическую защиту до представления заявки на получение международного статуса. Другими словами, геопарк должен быть образован исключительно в том месте, где ценные геологические объекты изначально имели охраняемый режим [17, с. 34].

В Модельном законе «О развитии и охране горных территорий» не используется термин «геологическое наследие». В то же время в документе применяется словосочетание «природное наследие» (п. 3 ст. 19, п. 1 ст. 22, п. 4 ст. 29), значение которого шире понятия «геологическое наследие». Однако этого недостаточно для надлежащего охранения последнего. В силу специфики геологического наследия как уникального элемента неживой природы, существенно влияющего на биоразнообразие, его правовую охрану и рациональное использование необходимо обеспечивать отдельными правилами.

⁹Решение Экономического совета СНГ от 24 сентября 2021 г. «О деятельности Межправительственного совета по разведке, использованию и охране недр в 2017–2020 годах» [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6442#text> (дата обращения: 28.12.2021).

¹⁰Протокольное решение Совета министров иностранных дел СНГ «О реализации Плана многоуровневых межмидовских консультаций в рамках Содружества Независимых Государств на 2020 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6394#text> (дата обращения: 28.12.2021).

Охрана геологического наследия в законодательстве Республики Беларусь

Георазнообразие признается фундаментом всех экосистем и основой взаимодействия человека с ландшафтом в посвященных геопаркам документах ЮНЕСКО¹¹. В связи с этим геопарки создаются на природных территориях, имеющих эту характеристику. Поэтому исследование законодательства страны об охране геологического наследия следует начинать с изучения правовой охраны георазнообразия.

В Республике Беларусь правовая охрана природы сконцентрирована на сохранении биологического (видового) и ландшафтного разнообразия¹². В белорусском законодательстве отсутствуют термины «геологическое разнообразие», «геологическое наследие», «геопарк».

Вместе с тем неверно говорить, что в Республике Беларусь вообще не предусмотрено охранительных правовых мер, связанных с георазнообразием и геологическим наследием. Правовая охрана абиотической составляющей природной среды осуществляется по отдельным ценным геологическим объектам и материалам, но не в отношении георазнообразия и геологического наследия в целом. Охранительные правовые нормы о редких формах рельефа, расположенных в природной среде минералогических, палеонтологических и иных уникальных геологических материалах (редкие горные породы, полезные ископаемые и минералы, ценные палеонтологические остатки, редкие естественные и искусственные геологические обнажения, особо крупные или своеобразные по форме и вещественному составу валуны и другие уникальные геологические материалы) содержатся в законодательстве о недрах, ООПТ и культуре. При этом в исследуемой сфере законодательство об ООПТ и законодательство о культуре применяются в случаях, если соответствующие общественные отношения не урегулированы законодательством об охране и использовании недр¹³.

В Кодексе Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-З (далее – Кодекс о недрах) предусмотрены лишь две охранительные меры в отношении уникальных геологических материалов:

- обязанность недропользователей при обнаружении уникальных геологических материалов

приостановить работы, которые могут нарушить их целостность, и сообщить о них в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь или его территориальные органы (п. 1.9 ст. 16);

- государственный учет уникальных геологических материалов (ст. 81).

Вместе с тем установленных белорусским законодательством мер по охране уникальных геологических материалов недостаточно для их сохранения. В научной литературе высказывается мнение о необходимости закрепления правовых норм, предусматривающих специальные требования по охране уникальных геологических материалов¹⁴. В частности, предлагается правовая норма, регулирующая охрану участков недр, содержащих уникальные геологические материалы, от факторов, оказывающих негативное воздействие на их сохранность, качество, а также на условия изучения¹⁵. Кроме того, помимо государственного учета уникальных геологических материалов, целесообразным видится введение нормы об инвентаризации объектов геологического наследия на территории Республики Беларусь. Самостоятельным способом охраны уникальных геологических материалов является создание геопарков, которыми управляют юридические лица, заинтересованные в сохранении геологического наследия.

В п. 2 ст. 81 Кодекса о недрах содержится перечень уникальных минералогических, палеонтологических и иных геологических материалов, подлежащих государственному учету. С позиции правового режима уникальных геологических материалов, уже состоящих на государственном учете, существенное значение имеет бланкетная норма о том, что они «подлежат охране в соответствии с законодательством об особо охраняемых природных территориях, законодательством о культуре и иным законодательством» (п. 11 ст. 81).

В Законе Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон «Об особо охраняемых природных территориях») условно можно выделить два способа правовой охраны редких форм рельефа и уникальных геологических материалов. Оба они

¹¹Устав Международной программы по геонаукам и геопаркам от 17 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260675_rus (дата обращения: 28.12.2021).

¹²Например, легальные определения «нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду», «национальная экологическая сеть» в ст. 1, 4, 5, 7, 33, 39, 42, 43, 48, 63-2, 63-4, 74 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды», п. 7 ст. 1, ст. 13, п. 2.4 ст. 20, п. 3.3 ст. 32, п. 15.3 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях».

¹³Кодекс Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. № 406-З. П. 8 ст. 2 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2008. № 184. 2/1503.

¹⁴Слепцов А. В. Правовая охрана недр в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. Минск : БГУ, 2022. С. 6, 12, 18.

¹⁵Там же. С. 16, 19, 20.

реализуются на практике в виде конкретных объявленных категорий ООПТ.

Первый способ (общий) применяется при попадании редких форм рельефа, уникальных геологических материалов в границы заповедников, национальных парков и заказников республиканского значения. Дело в том, что среди общих критериев создания перечисленных ООПТ заявлено наличие редких природных ландшафтов, уникальных или редких по своему происхождению, морфометрическим и (или) иным характеристикам форм рельефа (п. 2.1 и 2.7 ст. 16). Например, Березинский биосферный заповедник славится урочищем «Красная Лука», моренным комплексом, сформированным сожским ледником, и другими особенностями литогенной основы ландшафтов¹⁶. Исключительным разнообразием отличается рельеф национального парка «Браславские озера». В его границах распространены краевые ледниковые образования, зандры, участки озерно-ледниковой низины, которые осложняются ложбинами, термокарстовыми и эвразийскими котловинами¹⁷. На такие геологические объекты распространяется правовой режим охраны и использования соответствующей категории ООПТ.

Второй способ правовой охраны (специальный) основывается на режиме охраны геологических ООПТ местного значения. Согласно п. 2.3 ст. 3, абз. 2 п. 3 Закона «Об особо охраняемых природных территориях» выделяют геологические памятники природы республиканского и местного значения. Одним из общих критериев при выборе территорий для объявления их памятником природы является наличие отдельных редких форм рельефа, расположенных в природной среде уникальных геологических материалов (п. 3 ст. 16 Закона «Об особо охраняемых территориях»). Помимо памятников природы, геологический профиль могут иметь и заказники местного значения¹⁸, хотя в новом законе об ООПТ такой возможности не предусмотрено.

Примечательно, что памятники природы решено дополнительно создавать в границах национального парка и заказника для усиления правовой охраны ценных природных комплексов и объектов. Так, «допускается объявление памятника природы на землях, образующих национальный

парк, заказник, если в целях обеспечения охраны ценных природных комплексов и объектов необходимо установить более жесткий режим их охраны и использования по сравнению с режимом охраны и использования территории национального парка, заказника, на которой расположены эти ценные природные комплексы и объекты» (п. 2 ст. 17 Закона «Об особо охраняемых природных территориях»). Такой подход оправдан тем, что режим заповедования памятника природы относится к режиму абсолютного заповедования, режим заповедования национального парка – к смешанному заповедному режиму, режим заповедования заказника – к относительному заповедному режиму [18, с. 467], который состоит «в сочетании абсолютного запрета с допущением ограниченной эксплуатации природных ресурсов» [18, с. 468]. Таким образом, внутри национальных парков и заказников Республики Беларусь могут быть расположены геологические памятники природы, характеризующиеся режимом абсолютного заповедования. Например, в границах национального парка «Нарочанский» расположены такие памятники природы республиканского значения, как Лукинская гряда, полуостров Дубовая гора на озере Мядель, Кочергинская гряда и др.¹⁹

Геопарк среди категорий ООПТ Республики Беларусь не заявлен (п. 1 ст. 3 Закона «Об особо охраняемых природных территориях»). В то же время отсутствие в белорусском законодательстве термина «геопарк» не препятствует введению для отдельных категорий ООПТ режима глобального геопарка ЮНЕСКО. Из легальных определений разных категорий ООПТ, данных в п. 1–3, 6 ст. 1 Закона «Об особо охраняемых природных территориях», следует, что наиболее эффективно создавать геопарк на основе национального парка, где ценные природные комплексы и объекты могут использоваться в самом широком спектре видов хозяйственной деятельности – природоохранной, научной, образовательной, туристической и рекреационной. В 2019 г. в национальном парке «Браславские озера» состоялась рабочая встреча группы экспертов международного проекта «Оценка природного потенциала и выявление возможностей создания геопарков в Республике Беларусь» гранта ЮНЕСКО с работниками

¹⁶Березинский биосферный заповедник [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berezinsky.by/priroda/prirodnye-usloviya/geologiya-i-relef/> (дата обращения: 28.12.2021).

¹⁷Национальный парк «Браславские озера» [Электронный ресурс]. URL: <https://braslavyapark.by/o-nas/prirodnye-resursy/geomorfologiya/> (дата обращения: 28.12.2021).

¹⁸Например, решение Полоцкого районного исполнительного комитета от 18 февраля 2011 г. № 107 (в ред. от 20 августа 2021 г. № 1794) «О геологических и гидрологических заказниках и памятниках природы местного значения»; решение Россонского районного исполнительного комитета от 10 сентября 2009 г. № 723 «О преобразовании геоморфологического заказника природы местного значения “Межевская озовая гряда” в комплексный ландшафтно-геологический заказник местного значения “Межевская озовая гряда”».

¹⁹С фьордами, как в Норвегии, и звонцами, как в Литве: в Беларуси хотят создать первый геопарк [Электронный ресурс]. URL: <https://bahna.land.ru/oopt/s-fordami-kak-v-norvegii-i-zvontsami-kak-v-litve-v-belarusi-khotyat-sozdat-pervyj-geopark/> (дата обращения: 28.12.2021).

научного отдела названного выше природоохранного учреждения, в результате которой были обсуждены перспективы и потенциал создания геопарка на территории национального парка, а также включения его во Всемирную сеть геопарков ЮНЕСКО²⁰. Планируется, что к 2025 г. режим национального геопарка будет установлен на территории национальных парков «Браславские озера» и «Нарочанский»²¹.

В законодательстве Республики Беларусь о культуре имеется привязка к компонентам природной среды, природным и природно-антропогенным объектам. Так, согласно в ст. 68 Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З (далее – Кодекс о культуре) в ансамбль культурных ценностей, включая некрополи и комплекс культурных ценностей, входит или может входить окружающая среда. Указанный кодифицированный нормативный правовой акт направлен на сохранение исторического, культурного и археологического наследия (п. 1.1.ст. 33 и п. 2.7 ст. 57).

Часть норм о культуре будет применима к функционированию геопарка, его режиму, например нормы о правах и обязанностях физических лиц как субъектов культуры (ст. 32–40 Кодекса о культуре). В границах геопарка предполагается нахождение центров (домов) народного творчества (фольклора), ремесленных центров (домов), геологических музеев и других видов культурных организаций, осуществляющих культурно-просветительскую деятельность. В таком случае на них будут распространяться нормы законодательства о культуре.

Комплексность отношений в сфере охраны георазнообразия, охраны и рационального использования геологического наследия, создания и функционирования геопарков требует системного

и совокупного применения норм разной отраслевой принадлежности. Природоресурсное, природоохранное, гражданское законодательство, законодательство о культуре, туризме и иное отраслевое законодательство должны быть согласованными и непротиворечивыми.

Наличие двух способов правовой охраны редких форм рельефа и уникальных геологических материалов позволяет прийти к выводу о необходимости сразу двух правовых моделей организации геопарков, которые целесообразно предусмотреть в национальном законодательстве страны: геопарков республиканского значения и геопарков местного значения. Юридические процедуры создания разных видов национальных геопарков в Республике Беларусь будут отличаться.

Геопарки республиканского значения могут быть образованы как национальные парки, отличающиеся высоким уровнем георазнообразия, с дополнением их режима особенностями управления, обеспечивающими комплексное геологическое, природное и культурное наследие. В таком случае осуществляющее управление геопарком республиканского значения природоохранное учреждение должно будет учитывать социальные и экономические потребности местного населения, сохранение его культурной самобытности, что не свойственно обычным национальным паркам.

Геопарки местного значения могут быть образованы как модель управления сетью геологических и иных заказников и памятников природы местного значения. В таком случае природоохранный режим остается в заказниках и памятниках природы местного значения, объединенных в территорию геопарка местного значения, которая будет управляться единым органом.

Заключение

Таким образом, благодаря существующим правовым нормам об охране редких форм рельефа и уникальных геологических материалов в Республике Беларусь может быть реализована концепция геопарков как форм устойчивого, рационального использования объектов геологического наследия с учетом специфики национального законодательства. В целях надлежащего сохранения геологического наследия требуется нормативное закрепление понятия геопарк, процедуры создания, особенностей функционирования его разновидностей как на республиканском уровне, так и на уровне административно-территориальных единиц.

Общие рекомендации по развитию законодательства Республики Беларусь об охране геологического наследия следующие.

1. Для введения в законодательство Республики Беларусь положений о сохранении геологического разнообразия п. 7 ст. 1 Закона «Об особо охраняемых природных территориях» целесообразно дополнить указанием на геологическое разнообразие, изложив его в следующей редакции: «Система ООПТ – совокупность заповедников, национальных парков, заказников и памятников природы, формируемая в целях сохранения биологического, ландшафтного и геологического разнообразия, поддержания экологического равновесия в Республике Беларусь».

²⁰Геопарк ЮНЕСКО будет создан на территории нацпарка «Браславские озера» [Электронный ресурс]. URL: <https://vitvesti.by/ekologija/geopark-iunesko-budet-sozdan-na-territorii-natcparka-braslavskie-ozera.html/> (дата обращения: 28.12.2021).

²¹Впервые в Беларуси появятся национальные геопарки [Электронный ресурс]. URL: <https://bsu.by/news/vpervye-v-belarusi-poyavyatsya-natsionalnye-geoparki-d/> (дата обращения: 28.12.2021).

2. Целесообразно предусмотреть правовые средства охраны георазнообразия в целом и дополнительные правовые средства охраны редких геологических объектов Республики Беларусь (расширить понятийный аппарат, предусмотреть правила об инвентаризации объектов геологического наследия и т. д.).

3. В Законе «Об особо охраняемых природных территориях» необходимо установить понятие «национальный геопарк», но не в качестве само-

стоятельной категории ООПТ, а как дополнительный режим для национального парка или модель управления сетью геологических и иных заказников и памятников природы местного значения.

4. Правовая охрана ценных геологических объектов и система ООПТ в стране организованы таким образом, что разумно закрепить два вида национальных геопарков: геопарки республиканского значения и геопарки местного значения.

Библиографические ссылки

1. Du Y, Girault Y. A genealogy of UNESCO global geopark: emergence and evolution. *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2018;1:1–17. DOI: 10.17149/ijgp.j.issn.2577.4441.2018.02.001.
2. Лунева ЕВ. Рациональное использование геологического наследия в геопарках: законодательство России, Китая и Испании. В: Голиченков АК, редактор. *Состояние и перспективы развития науки экологического и земельного права: сборник материалов XXV юбилейной всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экологического, земельного права и законодательства»*; 16–17 мая 2022 г.; Москва, Россия. Москва: Издательство Московского университета; 2022. с. 192–196.
3. Briggs A, Dowling R, Newsome D. Geoparks – learnings from Australia. *Journal of Tourism Futures* [Internet]. 2021 [cited 2021 December 28]. Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JTF-11-2020-0204/full/pdf?title=geoparks-learnings-from-australia>. DOI: 10.1108/JTF-11-2020-0204.
4. Грищенко НД, Власов БП. Оценка потенциала и перспектив создания геопарков в Беларуси. В: Белорусский государственный университет. *Актуальные проблемы охраны геологического наследия Беларуси: материалы круглого стола, проведенного в Белорусском государственном университете 31 января 2020 г. в рамках реализации проекта ЮНЕСКО «Оценка природного потенциала и выявление возможностей создания геопарков в Республике Беларусь»*. Минск: Право и экономика; 2020. с. 5–7.
5. Козлов ЕА, Кузьмицкая ДГ. Концентрация геологических памятников Гродненской области как базовый фактор развития геотуризма. В: Захаров СГ, редактор. *Проблемы географии Урала и сопредельных территорий: материалы II Международной научно-практической конференции*; 22–23 мая 2020 г.; Челябинск, Россия. Челябинск: Край Ра; 2020. с. 200–204.
6. Мацука АГ. Геопарк как платформа эффективного взаимодействия общества и природы. В: Абрамова ИВ, Богдасаров МА, Шелест ТА, редакторы. *Устойчивое развитие: региональные аспекты: сборник материалов X Международной научно-практической конференции молодых ученых*; 25 апреля 2018 г.; Брест, Беларусь. Брест: БрГУ; 2018. с. 38–40.
7. Kuhn C, Santos F, Jesus C, Kolya A, Reis F. Public policies for geodiversity in Brazil. *Geoheritage*. 2022;14(2):1–16. DOI: 10.1007/s12371-022-00705-9.
8. Nikolova V, Sinnyovsky D. Geoparks in the legal framework of the EU countries. *Tourism Management Perspectives*. 2019;29:141–147.
9. Brilha J. Geoheritage and geoparks. In: Reynard E, Brilha S, editors. *Geoheritage: assessment, protection, and management*. London: Elsevier; 2018. p. 323–335. DOI: 10.1016/B978-0-12-809531-7.00018-6.
10. Yabolnyk V, Manyuk VV. Legal aspects of creating geoparks in Ukraine. *Journal of Geology, Geography and Geoecology*. 2017;2:136–145. DOI: 10.15421/111729.
11. Tovisetkul CP, Lengvttaya J, Verathanatchakul T, Benjaku S. The development of the law for management the geopark of Thailand. *Journal of Politics, Administration and Law*. 2021;1:1–21.
12. Lukáč M, Štraba L, Čerhega A, Khouri S. Recent state policy and its impact on geopark establishment and operation in Slovakia. *Land*. 2021;10:1069–1086. DOI: 10.3390/land10101069.
13. Злотникова ТВ. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства. *Правовое государство: теория и практика*. 2021;4:28–46. DOI: 10.33184/pravgos-2021.4.2.
14. Арутюнян МС, Хисматуллин ОЮ. Некоторые проблемы определения правового режима геопарков. *Аграрное и земельное право*. 2021;12:10–11.
15. Шагапова РА. Территориальное зонирование как инструмент правового режима геопарков. *Экологическое право*. 2021;4:3–7.
16. Шагапова РА. Понятие «геопарк» и его правовой режим. *Экологическое право*. 2022;2:13–16. DOI: 10.18572/1812-3775-2022-2-13-16.
17. Лунева ЕВ. Организация геопарков в России и особенности их правового режима. *Lex russica*. 2021;9:32–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043.
18. Петров ВВ. *Экологическое право России*. Москва: БЕК; 1995. 557 с.

References

1. Du Y, Girault Y. A genealogy of UNESCO global geopark: emergence and evolution. *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2018;1:1–17. DOI: 10.17149/ijgp.j.issn.2577.4441.2018.02.001.
2. Luneva EV. [Rational use of the geological heritage in geoparks: legislation of Russia, China and Spain]. In: Golichenkov AK, editor. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya nauki ekologicheskogo i zemel'nogo prava: sbornik materialov XXV yubilejnoi*

vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy ekologicheskogo, zemel'nogo prava i zakonodatel'stva»; 16–17 maya 2022 g.; Moskva, Rossiya [State and prospects for the development of the science of environmental and land law: collection of materials of the 25th anniversary all-Russian scientific and practical conference «Actual problems of environmental, land law and legislation»; 2022 May 16–17; Moscow, Russia]. Moscow: Publishing house of Moscow University; 2022. p. 192–196. Russian.

3. Briggs A, Dowling R, Newsome D. Geoparks – learnings from Australia. *Journal of Tourism Futures* [Internet]. 2021 [cited 2021 December 28]. Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JTF-11-2020-0204/full/pdf?title=geoparks-learnings-from-australia>. DOI: 10.1108/JTF-11-2020-0204.

4. Grishchenkova ND, Vlasov BP. [Assessment of the potential and prospects for the creation of geoparks in Belarus]. In: Belarusian State University. *Aktual'nye problemy okhrany geologicheskogo naslediya Belarusi: materialy kruglogo stola, provedennogo v Belorusskom gosudarstvennom universitete 31 yanvarya 2020 g. v ramkakh realizatsii proekta YuNESKO «Otsenka prirodnogo potentsiala i vyyavlenie vozmozhnostei sozdaniya geoparkov v Respublike Belarus'»* [Actual problems of protecting the geological heritage of Belarus: materials of a round table held at the Belarusian State University on 31 January 2020 as part of the implementation of the UNESCO project «Assessment of natural potential and identification of opportunities for creating geoparks in Republic of Belarus»]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. p. 5–7. Russian.

5. Kozlov EA, Kuz'mitskaya DG. [The concentration of geological monuments in the Grodno region as a basic factor in the development of geotourism]. In: Zakharov SG, editor. *Problemy geografii Urala i sopredel'nykh territorii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 maya 2020 g.; Chelyabinsk, Rossiya* [Problems of the geography of the Urals and adjacent territories: proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2020 May 22–23; Chelyabinsk, Russia]. Chelyabinsk: Krai Ra; 2020. p. 200–204. Russian.

6. Matsuka AG. [Geopark as a platform for effective interaction between society and nature]. In: Abramova IV, Bogdasarov MA, Shelest TA, editors. *Ustoichivoe razvitiye: regional'nye aspekty: sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh; 25 aprelya 2018 g.; Brest, Belarus'* [Sustainable development: regional aspects: collection of materials of the 10th International scientific and practical conference of young scientists; 2018 April 25; Brest, Belarus]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2018. p. 38–40. Russian.

7. Kuhn C, Santos F, Jesus C, Kolya A, Reis F. Public policies for geodiversity in Brazil. *Geoheritage*. 2022;14(2):1–16. DOI: 10.1007/s12371-022-00705-9.

8. Nikolova V, Sinnyovsky D. Geoparks in the legal framework of the EU countries. *Tourism Management Perspectives*. 2019;29:141–147.

9. Brilha J. Geoheritage and geoparks. In: Reynard E, Brilha S, editors. *Geoheritage: assessment, protection, and management*. London: Elsevier; 2018. p. 323–335. DOI: 10.1016/B978-0-12-809531-7.00018-6.

10. Yabolnyk V, Manyuk VV. Legal aspects of creating geoparks in Ukraine. *Journal of Geology, Geography and Geoecology*. 2017;2:136–145. DOI: 10.15421/111729.

11. Tovisetkul CP, Lengvttaya J, Verathanatchakul T, Benjaku S. The development of the law for management the geopark of Thailand. *Journal of Politics, Administration and Law*. 2021;1:1–21.

12. Lukáč M, Štraba L, Čerhega A, Khouri S. Recent state policy and its impact on geopark establishment and operation in Slovakia. *Land*. 2021;10:1069–1086. DOI: 10.3390/land10101069.

13. Zlotnikova TV. International and regional experience in the development of geoparks as a legal framework for changing environmental legislation. *The-Rule-of-Law-State: Theory and Practice*. 2021;4:28–46. DOI: 10.33184/pravgos-2021.4.2. Russian.

14. Arutyunyan MS, Hismatullin OYu. Some problems of determining the legal regime of geoparks. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2021;12:10–11. Russian.

15. Shagapova RA. Territorial zoning as an instrument of the legal regime of geoparks. *Ekologicheskoe pravo*. 2021;4:3–7. Russian.

16. Shagapova RA. The concept of geopark and its legal regime. *Ekologicheskoe pravo*. 2022;2:13–16. DOI: 10.18572/1812-3775-2022-2-13-16. Russian.

17. Luneva EV. Organisation of geoparks in Russia and peculiarities of their legal regime. *Lex russica*. 2021;9:32–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.032-043. Russian.

18. Petrov VV. *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Environmental law of Russia]. Moscow: BEK; 1995. 557 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.
Received by editorial board 27.06.2022.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА», ПРИУРОЧЕННЫЙ К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА И. Н. КОЛЯДКО

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUND TABLE «MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL PROCEDURAL LAW» DEDICATED TO THE 70th ANNIVERSARY OF PROFESSOR I. N. KOLYADKO

В Белорусском государственном университете 15 апреля 2022 г. прошел Международный научно-практический круглый стол «Современные тенденции развития цивилистического процессуального права», приуроченный к знаменательной дате – 70-летию профессора кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ И. Н. Колядко.

В мероприятии участвовали ученые белорусских и российских учреждений высшего образования (БГУ, Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, Белорусского государственного экономического университета, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Белорусской государственной орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственной академии, Университета права и социально-информационных технологий, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Российского государственного университета правосудия, Тихоокеанского государственного университета, Московского экономического института, Московского государственного юридического уни-

верситета имени О. Е. Кутафина, а также представители Верховного Суда Республики Беларусь и Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь), магистранты и практикующие юристы.

Общее количество участников круглого стола составило 58 человек, 6 из которых – представители зарубежных учреждений высшего образования.

С приветствием и поздравлениями юбиляра и участников мероприятия выступили декан юридического факультета БГУ А. В. Шидловский, проректор по учебной работе и образовательным инновациям БГУ О. Г. Прохоренко, директор Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ В. Н. Годунов, заместитель председателя, председатель судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь А. А. Забара, начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь О. А. Бакиновская.

А. А. Забара отметил, что круглый стол неслучайно приурочен к 70-летию И. Н. Колядко. Это один из самых авторитетных ученых в области гражданского процесса и трудового права, внесший значительный вклад в развитие современного цивилистического процессуального права, участник разработки действующего Гражданского процессуального кодекса,

более 20 лет являющийся бессменным и весьма активным членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Беларусь. От имени руководства Верховного Суда Республики Беларусь и всего судейского сообщества страны А. А. Забара выразил И. Н. Колядко благодарность за труд и конструктивное взаимодействие с судами, а также вручил юбиляру памятный знак – символ признательности за многолетнюю и плодотворную деятельность в сфере права.

С поздравительным адресом от юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и докладом «Гражданский процесс: традиции и развитие» выступила доктор юридических наук профессор кафедры гражданского процесса Е. А. Борисова.

От имени факультета права Белорусского государственного экономического университета И. Н. Колядко поздравила профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Т. С. Таранова, а также доценты этой же кафедры А. В. Ясинская-Казаченко и Е. В. Чичина.

В работе круглого стола дистанционно участвовал заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева доктор юридических наук, профессор В. В. Ялков. Его выступление касалось дискуссионных вопросов подготовки научных кадров после реформы научных специальностей в России.

Основной темой мероприятия стало всестороннее рассмотрение проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, который

уже прошел процедуру общественного обсуждения. С докладами выступили представители Верховного Суда Республики Беларусь: А. А. Забара, судья судебной коллегии по экономическим делам Л. А. Колесникова, судья судебной коллегии по гражданским делам А. В. Алещенко, а также заместитель председателя суда Советского района г. Минска М. Н. Лешкевич, научный консультант кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ кандидат юридических наук, доцент И. Н. Колядко, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета доктор юридических наук, профессор Т. С. Таранова, доцент кафедры гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы кандидат юридических наук, доцент И. Ю. Кирвель, ученый секретарь Совета университета, доцент кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой Н. А. Бесецкая и преподаватель кафедры правовых дисциплин Московского экономического института Д. Г. Ткаченко.

Участники круглого стола обсудили также ряд актуальных вопросов развития цивилистического процесса Беларуси и ключевые позиции проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

По итогам мероприятия запланировано издание электронного сборника материалов круглого стола.

О. Н. Романова¹

¹Ольга Николаевна Романова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Olga N. Ramanava, PhD (law), docent; head of the department of civil procedure and labour law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: ramanavaon@bsu.by

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Сергей Александрович
БАЛАШЕНКО

Siarhei Alexandrovich
BALASHENKO

Знаменательную юбилейную дату 15 августа 2022 г. отметил Сергей Александрович Балашенко – доктор юридических наук, профессор, главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета. Право», профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Малая родина С. А. Балашенко находится на берегу реки Днепр в деревне Стайки Могилевского района. В 1989 г. Сергей Александрович окончил юридический факультет БГУ. Студентом он проявлял склонность к исследованиям (участвовал в работе студенческого научного кружка, конференциях), совмещал практическую, образовательную и научную деятельность. В 1995–1996 гг. С. А. Балашенко стажировался и обучался в Пикардийском университете имени Жюль Верна (Франция) по специальности «управление инновационными проектами». Научную и педагогическую деятельность Сергей Александрович связал с БГУ, пройдя путь от преподавателя кафедры государственного права и советского строительства юридического факультета (1989–1991), преподавателя и доцента ка-

федры экологического и аграрного права юридического факультета (1991–2004) до декана факультета управления и социальных технологий (1999–2002). В 2002 г. С. А. Балашенко возглавил юридический факультет БГУ, где совмещал плодотворную учебно-педагогическую, научную и успешную административную работу в статусе декана вплоть до 2020 г.

На становление Сергея Александровича как специалиста значительно повлиял известный советский и белорусский ученый, доктор юридических наук, профессор А. А. Головкин. Под его руководством в 1993 г. С. А. Балашенко защитил кандидатскую диссертацию «Государственное управление в области охраны и использования лесов». Сергей Александрович всегда вспоминает своего наставника с глубоким уважением и благодарностью. В то время он уделял пристальное внимание проблемам правового регулирования экологических отношений, международно-правовой охране окружающей среды. С момента образования кафедры экологического и аграрного права юридического факультета БГУ (1991) Сергей Александрович работал в должности преподавателя, доцента

данного структурного подразделения университета. Дальнейшие исследования в сфере правовой охраны окружающей среды позволили С. А. Балащенко в 2001 г. успешно защитить докторскую диссертацию «Государственное управление в области охраны окружающей среды». В том же году Президиум Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь присудил ему ученую степень доктора юридических наук, а в 2007 г. присвоил ученое звание профессора по специальности «право». С 2004 по 2017 г. Сергей Александрович являлся заведующим кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета БГУ. В последующие годы он не останавливался на достигнутом: развивал науку экологического права в многочисленных публикациях, совершенствовал действующее законодательство, руководил исследовательской работой аспирантов, магистрантов и студентов. В 2007–2014 гг. по инициативе С. А. Балащенко профессорско-преподавательский состав юридического факультета БГУ участвовал в подготовке издания «Белорусская юридическая энциклопедия» в 4 томах.

В настоящее время Сергей Александрович является одним из ведущих специалистов в области экологического права в Беларуси, изучает правовое моделирование в правотворческой деятельности, занимается вопросами правовой охраны окружающей среды и устойчивого развития, исследует проблемы экологического законодательства. Он опубликовал свыше 200 научных и научно-методических работ, в том числе монографии, учебники под грифом Министерства образования Республики Беларусь, научные статьи как в отечественных, так и в зарубежных изданиях. Кроме того, С. А. Балащенко активно участвует в государственных программах научных исследований. Так, в 2016–2020 гг. он являлся научным руководителем проекта «Развитие аграрного и экологического права и законодательства в контексте участия Республики Беларусь в интеграционных процессах» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», а сейчас руководит проектом «Приоритеты правового регулирования аграрных отношений в контексте обеспечения национальной продовольственной безопасности и устойчивого регионального развития» государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

Сергей Александрович плодотворно сотрудничает с коллегами из Китая, США, а также из стран СНГ и ЕС, является членом редколлегий ряда ведущих правовых научных журналов, издаваемых как в Беларуси, так и за ее пределами, по приглашениям зарубежных научных организаций выступает оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций, активно участвует в международных

научных конференциях и форумах. Стоит отметить, что С. А. Балащенко повышал квалификацию в Лиможском университете (Франция), Институте по правам человека и гуманитарному праву имени Рауля Валленберга (Швеция), Флорентийском университете (Италия) и др. Сергей Александрович выступает в качестве эксперта (консультанта) по правовым вопросам в международных программах и проектах по проблемам охраны окружающей среды и устойчивого развития («Построение потенциала в области Стратегической экологической оценки в области реализации природоохранных конвенций в Республике Беларусь» (Программа развития ООН), «Разработка нового учебного плана в области европейского экономического права» (TEMPUS – TACIS), «Безопасность человека (окружающая среда, качество продуктов, здравоохранение и общество) на территориях, загрязненных радионуклидами» (TACIS) и др.).

С 2020 г. С. А. Балащенко занимает должность директора Национального центра устойчивого развития БГУ, который был учрежден по его инициативе. Задачи центра – создание эффективной коммуникационной среды для ученых, экспертов, специалистов в области устойчивого развития, образование в целях устойчивого развития. Это научно-образовательная площадка для исследований, взаимодействия с отечественными и зарубежными партнерами в совместных международных проектах по соответствующей тематике, а также для выработки практических рекомендаций для государственных органов, иных заинтересованных организаций и учреждений.

Сергей Александрович успешно совмещает научную и педагогическую деятельность, по приглашению читает курсы в различных университетах мира, вносит большой вклад в подготовку кадров высшей квалификации. С 2008 г. по настоящее время он является председателем совета по защите диссертаций БГУ, членом совета по защите диссертаций Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Профессор подготовил двух докторов и семь кандидатов юридических наук.

Особо следует отметить активную гражданскую позицию С. А. Балащенко. Ученый успешно и плодотворно работает в общественных советах, организациях и формированиях. Он много лет являлся заместителем председателя общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», активно участвовал в обсуждении проекта новой редакции Конституции Республики Беларусь, неоднократно предлагал государственным органам и научной общественности модели правовых актов по регулированию ключевых вопросов в экономической и социальной сферах.

В истории национального юридического образования Сергей Александрович известен по

проекту «Белорусская студенческая юридическая олимпиада», который с 2005 г. ежегодно успешно реализуется на базе юридического факультета БГУ под эгидой Министерства образования Республики Беларусь.

С. А. Балашенко интересуется историей Беларуси и биографиями выдающихся личностей, прославивших страну. Характер исследователя и его любовь к Родине реализовались в новом креативном направлении – книге «Земля Беларуси. 100 страниц в истории мировой цивилизации» (2019), в которой через описание жизни и деятельности известных соотечественников воплотилось самобытное видение истории белорусского народа и его места в мировых научных, политических, творческих процессах.

За многолетний плодотворный труд, высокий профессионализм, образцовое выполнение служебных обязанностей, достижения в сфере науки и образования, заслуги в подготовке высококвалифицированных специалистов Сергею Александровичу присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Республики Беларусь». Он также награжден медалью

Франциска Скорины, Почетной грамотой Национального собрания Республики Беларусь, юбилейными медалями «90 год на варце граціцы», «95 лет Пограничной службе Республики Беларусь», высокими наградами БГУ, Министерства образования Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Генерального прокурора Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь и др. Кроме того, С. А. Балашенко является победителем республиканского конкурса информационных материалов по правовой политике на приз имени В. Д. Спасовича.

Коллектив юридического факультета БГУ и все юридическое сообщество сердечно поздравляют Сергея Александровича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, энергии, благополучия, большого счастья, успехов во всех начинаниях и дальнейших творческих свершений.

**А. В. Шидловский¹, Т. И. Макарова²,
В. Е. Лизгаро³**

¹Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета.

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: shidlovsky_a@mail.ru

²Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: makti@bsu.by

³Виктория Евгеньевна Лизгаро – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Victoria E. Lizgaro, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: lizgaro@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ ДОКУМЕНТОВ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 34(06)

Осенние чтения «Молодежь и право» [Электронный ресурс] : материалы II Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (Минск, 19–20 нояб. 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 618 с. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/278301>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.04.2022, № 004320042022.

В сборнике помещены тезисы докладов и сообщений студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на международной научной конференции, посвященной проблемам развития государства и права в современных условиях.

УДК 32.01(075.8)

Антанович Н. А. Теория политики [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / Н. А. Антанович, О. Е. Побережная ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 50 с. Библиогр.: с. 46–50, библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/280025>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.05.2022, № 005324052022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Теория политики» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальности 1-23 01 06 «Политология». Издание состоит из четырех разделов, в которых излагаются теоретический (краткий конспект лекций) и практический (тематика семинаров) материал. В разделе «Контроль знаний» размещен примерный перечень вопросов для экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Теория политики».

УДК 349.42(075.8)

Кузьмич И. П. Аграрное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / И. П. Кузьмич, В. В. Саскевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 116 с. Библиогр.: с. 102–116. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/280113>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 25.05.2022, № 005425052022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Аграрное право» предназначен для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК включает конспект лекций, аннотации на монографии и научные статьи, выдержки из них, примерные планы семинарских занятий и заданий для управляемой самостоятельной работы, перечень заданий для выполнения контрольных работ, тестовые вопросы для самопроверки, вопросы к зачету, перечень тем курсовых и дипломных работ, а также рекомендуемую литературу и список электронных ресурсов.

УДК 32.01(075.8)

Белявцева Д. В. **Региональная политика как направление политической науки** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 80 07 «Политология», профилизация «Публичная политика» / Д. В. Белявцева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 43 с. Библиогр.: с. 41–43, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/280963>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.06.2022, № 006209062022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Региональная политика как направление политической науки» предназначен для студентов 2-й ступени высшего образования по специальности 1-23 80 07 «Политология» профилизации «Публичная политика». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых излагается теоретический (краткий конспект лекций) и практический (тематика семинаров, задания для управляемой самостоятельной работы, тематика реферативных работ) материал. В разделе «Контроль знаний» размещен примерный перечень вопросов для проведения экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Региональная политика как направление политической науки» и включает комплексные знания по дисциплине модуля «Регионалистика» компонента учреждения высшего образования.

УДК 32.01(075.8)

Решетников С. В. **Теория принятия политических решений** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 06 «Политология», направление спец. 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / С. В. Решетников, М. С. Мамекин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 29 с. Библиогр.: с. 24–29. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/280972>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.06.2022, № 006309062022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Теория принятия политических решений» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальности 1-23 01 06 «Политология», направление специальности 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых излагаются теоретический (краткий конспект лекций) и практический (тематика семинарских занятий) материал. В разделе «Контроль знаний» размещен примерный перечень вопросов для зачета. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Теория принятия политических решений» и включает комплексные знания по дисциплине специализации.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Кожар А. В.</i> Удасканаленне сістэмы падаткаабкладання сялян Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст.	3
<i>Щербик Д. В.</i> Основные этапы развития представлений о главе государства как гаранте государственности в истории европейской политической и правовой мысли	9

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Абламейко М. С., Шакель Н. В.</i> Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство	19
<i>Гончаров В. В.</i> Организация и осуществление общественного контроля за деятельностью, связанной с оказанием психиатрической помощи: современные проблемы и перспективы развития....	27
<i>Кондратович Н. М.</i> Формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления в зарубежных странах	33

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Романова О. Н.</i> Некоторые проблемы имплементации норм международных договоров в цивилистическое процессуальное законодательство Республики Беларусь.....	41
<i>Царёва Л. В.</i> Новые организационные формы хозяйственных товариществ и обществ на современном этапе: сравнительно-правовой анализ.....	49

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Захилько К. С.</i> Существенный вред как признак уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных	58
---	----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Лунева Е. В.</i> Правовая охрана геологического наследия	69
---	----

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

Международный научно-практический круглый стол «Современные тенденции развития цивилистического процессуального права», приуроченный к 70-летию профессора И. Н. Колядко...	79
---	----

ЮБИЛЕИ

Сергей Александрович Балащенко.....	81
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	84

CONTENTS

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Kozhar A. V.</i> Improvement of the taxation system of the Grand Duchy of Lithuania peasants in the 16 th century.....	3
<i>Shcherbik D. V.</i> Main stages in the development of the concept of the head of state as a guarantor of statehood in the history of European political and legal thought	9

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Ablameyko M. S., Shakel N. V.</i> Digital human rights and perspectives of their inclusion in the legislation.....	19
<i>Goncharov V. V.</i> Organisation and implementation of public control over activities related to the provision of psychiatric care: current problems and development prospects.....	27
<i>Kondratovich N. M.</i> Forms of direct democracy in the system of local self-government in foreign countries.....	33

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Ramanava O. N.</i> Some problems of implementation of international norms in national civil procedural law	41
<i>Tsarova L. V.</i> New legal forms of companies at the present stage: a comparative legal analysis	49

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Zakhilko K. S.</i> Significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data	58
---	----

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

<i>Luneva E. V.</i> Legal protection of geological heritage.....	69
--	----

CHRONICLE, INFORMATION

International scientific and practical round table «Modern trends in the development of civil procedural law» dedicated to the 70 th anniversary of professor I. N. Kolyadko.....	79
--	----

JUBILEES

Siarhei Alexandrovich Balashenko	81
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	84

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 2. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jlaw@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы А. С. Люкевич, М. И. Дикун
Технический редактор А. Ю. Лещинская
Корректор А. С. Горгун

Подписано в печать 31.08.2022.

Тираж 100 экз. Заказ 6787.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 2. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jlaw@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors A. S. Lyukevich, M. I. Dikun
Technical editor A. Y. Leschinskaya
Proofreader A. S. Gorgun

Signed print 31.08.2022.

Edition 100 copies. Order number 6787.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 2014 April 17.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022